

А
Ф
Н

Академия Фундаментальных Исследований

История

А. Е. Кудрявцев

ИСПАНИЯ

В СРЕДНИЕ
ВЕКА

А. Е. КУДРЯВЦЕВ

ИСПАНИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

ОГИЗ

**Государственное
социально-экономическое издательство
Ленинградское отделение
1937**

Настоящая книга в популярной форме, на основе источников и обширной литературы, в том числе и новейшей, излагает историю Испании с древнейших времен и до конца средневековья (до XVIII), выявляя все этапы сложного процесса образования испанского народа, роль разнообразных культур и этнических элементов в этом процессе, пути создания политического единства Испании в форме феодально-абсолютистской монархии и особенности испанского феодализма.

Книга А. Кудрявцева принадлежит к серии научно-популярных работ, издаваемых Соцэргизом, и рассчитана на широкий круг советских читателей, рабочих-стахановцев, колхозную интеллигенцию, преподавателей и учащихся средней и высшей школы. {2}

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

<i>Предисловие</i>	3
<i>Вводный очерк</i>	5
1. Естественно-географические условия Пиренейского полуострова. 2. Испания в древнейшие времена. 3. Римское владычество в Испании.	
<i>Глава первая. Испания в период империи и варварских нашествий</i>	26
1. Испания в составе Римской империи. 2. Варвары-германцы в Испании. 3. Королевство визиготов в Испании.	

<i>Глава вторая.</i> Арабское владычество в Испании	52
1. Завоевание и утверждение арабов в Испании. 2. Кордовский халифат.	
<i>Глава третья.</i> Обратное завоевание земель («реконкиста»).	88
1. Что такое реконкиста и ее предпосылки. 2. Реконкиста XI—XIII вв. 3. Движущие силы реконкисты XI—XIII вв.	
<i>Глава четвертая.</i> Завершение реконкисты и объединение Испании (XIII—XV вв.)	120
1. Кастилия и Арагоно-Каталонское объединение в XIII—XV вв. 2. Призрак крестьянской войны.	
<i>Глава пятая.</i> Испания под властью «католических государей»	148
1. Политика твердой власти. 2. Взятие Гранады и «святая инквизиция». 3. От реконкисты к колониальному грабежу.	
<i>Глава шестая.</i> Испания — мировая держава	180
1. Образование империи Карла V. 2. Восстание кастильских городов («коммунерос»). 3. Экономический переворот в Испании и его последствия.	
<i>Глава седьмая.</i> «Величие и падение» Испании	205
1. Испания при Филиппе II. 2. Последние Габсбурги (XVII в.).	
<i>Приложения</i>	
Хронология по истории Испании	232
Список литературы	249
Перечень иллюстраций и карт	250

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга писалась в те месяцы, когда героический испанский народ вновь выступил на арену мировой истории, подняв знамя борьбы против международного фашизма, когда в благодатной и цветущей Андалузии, на Кастильском плоскогорье, в горах Астурии, наконец, у стен Мадрида армии народного фронта с исключительным мужеством и революционной энергией дают отпор озверелым бандам фашистов. В каждом очередном номере газеты повторяются старые, давно знакомые географические названия: Кórдова, Гранада, Толедо, Сарагосса, Мадрид и многие другие города, местечки и провинции, а также названия народностей. Сколько связано с ними исторических воспоминаний, сколько потрясающих событий, сколько проявлений народного героизма и силы сопротивления врагу-завоевателю, врагу-угнетателю! В событиях борющейся за свою свободу и независимость народной Испании наших дней невольно оживает далекое прошлое этой замечательной страны, этого удивительного народа, вернее народов, вызывающих своим героизмом всеобщее восхищение и преклонение.

Но знаем ли мы это прошлое? Мы хотим его знать, но до сих пор имеем о нем весьма смутное понятие. Так приходится ответить на этот вопрос. Предлагаемый вниманию широкого читателя опыт популярного изложения истории средневековой Испании стремится хотя бы в скромных пределах пополнить этот пробел в нашей исторической литературе. Должен, однако, сознаться, что написать такой очерк при современном состоянии научного изучения истории Испании — дело весьма не легкое. Целый ряд важнейших вопросов испанской историографии остается неосвещенным и даже не имеет исследователей. Над многими проблемами, без решения которых невозможно добиться четкого понимания важнейших этапов исторического развития Испании, никто еще даже не задумывался. И если автор этой книги все же взял на себя смелость предложить ее вниманию любознательного читателя, то главным образом по соображениям политической важности и актуальности подобного рода работы.

Насколько мне удалось справиться со своей весьма трудной задачей, судить не мне, но я, работая над этой книгой, стремился к тому, чтобы дать цельную историческую концепцию, опираясь на крайне важные замечания Маркса в его теперь всем хорошо известных статьях о революционной Испании, на внимательное изучение фактической истории, на итоги новейших

научных исследований и в известной части на документальный материал (главным образом по Испании XV—XVI вв.). Мне казалось необходимым предпослать книге вводный очерк, посвященный естественно-географическим условиям и древнейшему периоду истории Испании. Несомненным пробелом является отсутствие отдельной главы, посвященной средневековой культуре Испании, но мне думается — это задача особого рода, и на эту тему необходим отдельный очерк. По условиям места я лишен возможности дать развернутую характеристику богатого культурного наследия Испании, а краткое изложение превратилось бы в сухой перечень. По возможности, я в своем изложении стремился быть понятным для массового читателя, главным образом рабочего-стахановца, но в то же время я сознавал, что эту книгу возьмет в руки, пока ничего другого на книжном прилавке нет, ученик старших классов средней школы, студент вуза, учитель-историк средней школы.

В своей работе я провожу одну руководящую идею, на мой взгляд единственно правильную. Историю Испании я понимаю как историю испанского народа — главной действующей силы исторического процесса Испании. Эта идея не моя, ее красной нитью проводит Маркс в своих очерках о революционной Испании. Моя задача заключалась в том, чтобы раскрыть ее на всем протяжении средневековой истории Испании. Если мне это хоть в какой-либо мере удалось сделать, то это я и буду считать главным вкладом в дело ознакомления нашего читателя с героическим прошлым современного нам и столь близкого нам по духу испанского народа.

———— {4}

ВВОДНЫЙ ОЧЕРК

1. ЕСТЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПИРЕНЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Маркс в своих статьях, посвященных истории Испании, обратил внимание на то, что всех особенностей исторического развития Испании нельзя понять, если не учесть своеобразных естественных условий Пиренейского полуострова, в каких происходила здесь смена культур, начиная с отдаленнейших времен. Наличие тех или других естественных богатств, характер самой земной поверхности, распределение гор и низменностей, особенности речных систем и береговой линии, одним словом то, что мы называем естественно-географической средой, — не могло не оказывать влияния на историческое развитие Испании. Взглянем поэтому на физическую карту Пиренейского полуострова и, прежде чем обратиться к его истории, постараемся выделить наиболее характерные черты его географии и природы.

Пиренейский полуостров — это самая западная оконечность Европы, омываемая почти со всех сторон морями (Средиземным морем и Атлантическим океаном) и только сравнительно небольшим перешейком связанная с европейским материком. Вдоль этого перешейка тянется высокий и труднодоступный Пиренейский горный хребет, каменной стеной отделяющий Испанию от соседней Франции; сухопутные сношения между двумя странами и до сих пор поддерживаются по узкой прибрежной полосе на обоих концах перешейка. Таким образом, уже сама природа резко обособила полуостров от остальной Европы. Недаром некоторые географы называют Пиренейский полуостров Малой Африкой. От африканского материка Испанию отделяет Гибралтарский пролив, ширина которого в самой узкой части равна 14 километрам. В отдаленнейшие времена здесь существовал перешеек, покрытый затем волнами Атлантического океана. Доказательством этому служат незначительная глубина пролива (320 метров, в то время как в самом океане она доходит до 3 и даже 5 километров) и одинаковый характер природных условий Испании и северного побережья Африки.

Морское и океаническое положение полуострова давало, конечно, известные преимущества для сношений с другими странами, но береговая линия не изобилует удобными гаванями и бухтами: на средиземноморском побережье можно указать только на бухту Картахены как вполне безукоризненную естественную гавань, а на атлантическом побережье наиболее удобные бухты имеются в Кадиксе и португальском Лиссабоне. Однако самые значительные

особенности географических условий, в каких протекала на протяжении тысячелетий история Испании, выступают перед нами лишь тогда, когда мы обращаемся к самой поверхности полуострова, ее внутреннему строению.

Центральная часть полуострова представляет собой обширное безжизненное и однообразное плоскогорье с приподнятыми краями, окаймленное со всех сторон горными хребтами; береговая полоса, наиболее благоприятная для культуры, очень узка на севере Испании, и только в пределах Португалии и южной части полуострова она расширяется, представляя собой благодатные районы в отношении климата и почвы. Столь же благоприятно для культуры и средиземноморское побережье — нынешние Каталония и Валенсия.

Береговая кайма в большей или меньшей степени отделена от внутренних областей высокими горными хребтами, да и центральная часть полуострова испещрена цепями гор, расчленяющими все плоскогорье на отдельные замкнутые области. Если на севере труднодоступные Пиренеи отделяют Испанию от европейского материка, то на юге аналогичную роль играют Андалузские Кордильеры, затрудняющие сношения с Африкой. Внутри полуострова отдельные горные кряжи образуют между собой выемки, по которым текут испанские реки: на севере — Дуэро и Эбро, в центре — Тахо, на юге — Гвадиана и Гвадалквивир. Эти реки на большей части своего протяжения лишены какого бы то {6} ни было хозяйственного значения. Пересекая плоскогорье, они текут медленно и лениво, наполовину пересыхая в летнее время, а в районе гор они превращаются в бурные потоки. И только в нижнем течении они становятся судоходными, да и то сколько-нибудь серьезно можно говорить только о судоходстве по Гвадалквивиру (от устья до Севильи). Таким образом, и речная сеть полуострова не объединяет географически Испанию, не облегчает сношений более культурного побережья с пустынным и расчлененным внутренним плоскогорьем.

И все же, несмотря на указанные особенности географических и природных условий Испании, она на всем протяжении своей долгой истории привлекала колонизаторов и завоевателей своими богатейшими естественными ресурсами. Субтропическая зона юго-восточного и южного побережья, в особенности Андалузия, представляет настоящий цветущий сад, с разнообразными промышленными культурами. Северное побережье и многие нагорные области внутри полуострова с прекрасными пастбищами открывали с давних времен широкие перспективы для скотоводства, особенно же для овцеводства. Но все эти естественные богатства и возможности отступают на задний план перед полезными ископаемыми, тающимися в тех самых горных хребтах, которые так затрудняют сношения Испании как с внешним миром, так и внутри страны. Рудные богатства Испании известны с незапамятных времен: железо, медь, олово, свинец, ртуть и даже золото до сих пор составляют главный и ценнейший ресурс страны, за который жадно цеплялись иностранные пришельцы-эксплуататоры, начиная с финикийян, греков, карфагенян и римлян и кончая современными магнатами капитала.

Как видим, Испания, взятая со стороны своих географических и природных условий, представляет собою страну контрастов, резких противоположностей, сыгравших немаловажную роль в ее исторических судьбах. Естественно было бы ожидать, что центром исторической жизни Испании станут как раз те ее области, которые природа особенно щедро наделила своими дарами, т. е. прибрежная полоса на юге, востоке и западе, а отнюдь не внутренние пустынные области. Случилось же как {7} раз наоборот. В периоды наибольшего могущества Испании руководящая роль выпала на долю государств, образовавшихся на территории так называемого Кастильского плоскогорья.

Долгий исторический путь Испании был столь же противоречив, как противоречива география и природа Испании. Но мы заранее должны подчеркнуть, что если природные своеобразия полуострова и наложили свой отпечаток на его историю, то не в них нужно искать главной определяющей причины всех особенностей исторического развития Испании. Как увидим дальше, решающую роль в богатом событиями прошлом Испании всегда играли те общественные отношения, какие стали здесь складываться на основе использования и переработки природных материальных ресурсов путем эксплуатации подневольного труда, сначала рабского, а потом крепостнического и наемного труда. Смена форм эксплуатации и определила собою важнейшие вехи испанской истории, начиная с древнейших времен.

2. ИСПАНИЯ В ДРЕВНЕЙШИЕ ВРЕМЕНА

Начальные периоды истории Испании теряются в такой отдаленной древности, которая и до сих пор остается для исторического изучения областью малодоступной. До наших дней сохранились довольно многочисленные остатки материального быта и религиозного культа древнейшего населения полуострова, но воссоздать его историю мы лишены возможности из-за отсутствия письменных памятников. Изучая вещественные памятники, мы можем только сказать, что уже в те незапамятные времена население полуострова достигло больших успехов в материальном производстве — в обработке камня, что оно очень рано перешло к добыванию и обработке металлов, которыми так богата Испания. Изображения богов и богинь, архитектурные сооружения, предметы домашнего обихода свидетельствуют о довольно высоком уровне культуры того населения, которое со слов древних писателей ученые исследователи склонны называть *иберами*. Отсюда и наиболее древнее {8} название самого полуострова: греческие и римские писатели обычно называют его Иберийским. Есть основания думать, что современные нам баски, живущие и сейчас в прибрежной полосе Бискайского залива, являются остатком древнейшего племени иберов.

Уже в тот отдаленнейший период, не поддающийся хронологическому определению, население полуострова находилось в сношениях с крупнейшими центрами культуры на переднеазиатском Востоке и в бассейне Средиземного моря. Но об этих сношениях со странами Востока мы имеем лишь отрывочные сведения, и только со второго тысячелетия до н. э. наши данные становятся более ясными и более надежными.

Первым народом древности, достигшим в лице своих колонизаторов-торговцев берегов Испании, были финикийцы. Занимая восточное побережье Средиземного моря, они очень рано стали на путь широкой торговли и основали большое количество факторий в бассейне Средиземного моря. Иберийский полуостров находился на западной оконечности известного тогда народам Востока мира. Возвышенности, расположенные по обе стороны узкого Гибралтарского пролива, финикийцы называли по имени своего главного божества «столбами Мелькарта», а греки переименовали их в «Геркулесовы столбы». Неподалеку от них, на южной оконечности полуострова финикийцы и основали свою первую колонию Гадес, откуда и получилось позднее название Кадикс. Мало-помалу они распространились по всему побережью до Бискайского залива, ведя торговлю с туземцами, эксплуатируя в особенности рудные богатства. Утвердились они также и в Андалузии, создавая здесь центры текстильного производства и других отраслей промышленности.

На основании имеющихся данных трудно сказать, в какой мере финикийские колонизаторы господствовали над туземным населением — иберами и появившимися позднее кельтами. Несомненно только одно: применяя рабские формы труда и вербуя рабочую силу из среды туземцев, финикийцы не были полными хозяевами полуострова и держались преимущественно побережья, где разбросаны были их фактории. Главным их политическим центром оставался Гадес, или по современному Кадикс, который они украсили роскошным храмом в честь Мелькарта.

Следы пребывания финикийцев в Испании во всяком случае очень заметны, как это видно из многочисленных остатков архитектурных сооружений и предметов материального быта. Финикийцы в дальнейшем показали дорогу и другим колонизаторам, в первую очередь грекам. Время первых греческих экспедиций к «столбам Геркулеса» точно установить трудно. Возможно, что это был VIII в. до н. э. Более или менее достоверные сведения о греческой колонизации относятся к VII в., когда основана была на юге Франции в устье реки Роны греческая колония Массилия, нынешний Марсель. По свидетельству одного греческого историка, в 630 г. греческий корабль пристал к южному побережью Испании и установил торговые связи с туземцами. Но преимущественно греческие колонизаторы обосновались на средиземноморском побережье Пиренейского полуострова, в нынешней Каталонии и Валенсии. Занятую на востоке территорию греки называли Гесперией и Иберией. Грекам пришлось вести упорную борьбу с финикийцами, в особенности с карфагенянами, колонизация которых носила более массовый и более длительный характер.

Наши сведения о греческих колонистах слишком скудны и отрывочны, чтобы можно было восстановить более полную и отчетливую картину их роли на полуострове. Но во всяком случае они вели весьма оживленную торговлю, поддерживали постоянную связь со своей родиной и действовали иногда совместно с туземцами против своих соперников. До нас сохрани-

лись, в незначительном правда количестве, архитектурные памятники: греческие храмы и статуи, произведения керамического искусства — чаши и сосуды, наконец, серебряные монеты хорошей чеканки с изображением крылатого коня. Сравнительно короткое пребывание греков на полуострове не осталось без влияния на местную культуру. Есть данные о том, что греки завели театр, основали ряд школ и академий, в том числе в Андалузии.

Гораздо более прочный след в древнейшей истории Испании оставил другой народ, родственный финикиянам, — карфагеняне, основавшие на побережье северной Африки крупное рабовладельческое государство с главным городом Карфагеном. В VI в. до н. э. карфагенская держава заняла в Средиземном море господствующее положение. Ее купцы и завоеватели начали появляться на Пиренейском полуострове на первых порах как союзники финикиян. До нас дошли известия писателей древности о том, что финикияне в VI в. пытались из своей опорной базы на юге Испании продвинуться внутрь полуострова, но натолкнулись на упорное сопротивление туземцев. Не располагая военной силой, финикияне обратились за помощью к Карфагену, который в это время представлял уже могущественное государство северной Африки. С этого времени и начинается внедрение Карфагена в Испанию, но на первых порах и Карфаген не стремился к подчинению себе туземных племен внутренних частей полуострова, для него достаточной приманкой была побережная полоса, уже занятая финикиянами и греками. Наибольшую ценность для карфагенян представляла южная часть Испании — Гранада и Андалузия с их богатыми рудниками, базами для рыбной ловли и добывания раковин, с благоприятными условиями для земледельческих культур. Все это принадлежало финикиянам, но их родичи карфагеняне, явившиеся на полуостров с военной силой, фактически стали хозяевами южной Испании, а отсюда распространили свое господство и вдоль почти всего побережья полуострова, вплоть до Кантабрии. На востоке их единственными соперниками были греческие колонии, с которыми они с самого начала и вели упорную борьбу.

В этот период первоначального утверждения Карфагена в Испании в бассейне Средиземного моря вырастала новая могущественная сила — римская республика. Уже в IV в. до н. э. под властью Рима объединилась вся Италия. Новое государство, подчинившее себе все италийские племена, уже по самому географическому своему положению в центре Средиземного моря неминуемо должно было в дальнейшем своем расширении столкнуться с североафриканской державой — Карфагеном — из-за таких важных опорных пунктов в этом морском бассейне, как плодородная житница древних народов Сицилия, и из-за такого заманчивого предмета эксплуатации, как Иберийский полуостров с его богатейшими рудниками. Поэтому на пути прочного освоения Испании Карфагену пришлось иметь дело не столько с финикиянами и греками, не представлявшими угрозы в военном отношении, сколько именно с римской республикой.

Борьба между Римом и Карфагеном тянулась свыше ста лет с исключительным упорством и в широком масштабе всего средиземноморского бассейна. Эта серия войн известна в истории под названием Пунических войн и представляет один из наиболее ярких эпизодов в истории народов древности. Мы коснемся этой грандиозной по своему размаху и по событиям борьбы двух рабовладельческих государств за господство в Средиземном море лишь в той мере, в какой она касалась Испании. Но борьба за Пиренейский полуостров и сама по себе была очень важным и существенным моментом в ходе пунических войн.

Первая пуническая война (264—241 гг. до н. э.) не касалась непосредственно Испании, борьба шла из-за Сицилии и закончилась подчинением этого острова Риму, но Карфаген уже тогда искал опоры для сопротивления римлянам в Испании, вербуя там солдат для военных операций. После потери Сицилии Пиренейский полуостров стал одним из главных участков военных действий, и это уже само по себе изменило отношение Карфагена к своим владениям на полуострове. Перед лицом грозного и могущественного соперника — римской державы — карфагеняне стремятся прочно обосноваться на западной окраине Средиземного моря. Проводником этой политики явился крупный полководец Карфагена из фамилии Барка, Гамилькар. Поскольку римская опасность непосредственно угрожала самому Карфагену, находившемуся в слишком близком соседстве с Римом, у Гамилькара созрел план образования новой карфагенской державы на Пиренейском полуострове. В 236 г. до н. э. он высаживается со своим войском у «Геркулесовых столбов» (Гибралтар) и начинает весной войну с туземными пле-

менами. Ему удалось значительно расширить свои владения, но в ряде областей туземцы {12} оказали решительное сопротивление, и в 228 г. сам полководец пал в сражении.

Продолжателем и преемником Гамилькара стал служивший под его командой Гасдрубал, завершивший завоевание южной и восточной прибрежной полосы. Здесь возникло много новых городов, в том числе и Картахена с прекрасной гаванью, земледелие пришло в цветущее состояние, широко стали разрабатываться с применением массового рабского труда серебряные рудники (возле Картахены), доставлявшие огромный доход государству, торговля велась с большим размахом. Таким образом, наиболее богатая часть Испании, ее юг и восток, были прочно освоены завоевателями, и прилегающие общины туземцев попали в полузависимое положение. Из них карфагеняне стали черпать военные силы, создавая кадры обученных солдат, для которых военное дело превратилось в профессию. Основанная Гамилькаром и его преемником новая испанская держава была в сущности самостоятельным государством, слабо связанным с Карфагеном, но уже представлявшим серьезную угрозу для Рима. Карфагенские завоеватели заранее учитывали, что борьба с Римом неизбежна; они старались завязать более тесные сношения с местным населением, воздвигали крепости, создавали военную силу, старались укрепить северную границу своих владений по линии реки Эбро. Разрыв с Римом наступил, когда на место убитого Гасдрубала правителем и полковником стал сын Гамилькара, Ганнибал (221 г.), наделенный выдающимися военными талантами и обладавший широким политическим кругозором.

Новый властитель карфагенской Испании искал повода для войны с Римом, и этот повод скоро нашелся. Римляне и раньше уже стремились утвердиться к северу от реки Эбро, опираясь на союз с греческими колонистами в Массилии, а также и на восточном побережье Испании. В 219 г. Ганнибал, идя на прямой разрыв с Римом, осадил приморский город Сагунт, находившийся под покровительством римлян. Сагунтинцы упорно держались в течение почти целого года, пока, наконец, город не был взят приступом. Осажденные с самого начала обратились за помощью к Риму, но римляне {13} напрасно тратили время на переговоры с Карфагеном и бесплодные протесты, в то время как Ганнибал напрягал все силы, чтобы овладеть Сагунтом. И только после того как город пал, Рим начинает военные действия против Карфагена. Это и явилось началом так называемой Второй пунической войны (218—201 гг.).

Мы остановимся только на первом этапе этой продолжительной войны, поскольку он непосредственно связан с Испанией. Используя нерешительность римских полководцев, Ганнибал задумал грандиозный план — через нынешнюю Каталонию, вдоль средиземноморского побережья, преодолев горные альпийские проходы, спуститься в Италию и подойти к самому Риму. Римляне долго не могли разгадать истинных намерений знаменитого карфагенского полководца, и это дало возможность Ганнибалу двинуться к северу от реки Эбро, сломить сопротивление греческих колоний и частично северных племен и произвести переход через Пиренеи. Только с этого момента римляне оценили стратегическое значение Испании и направили сюда свои легионы под предводительством двух братьев — Кнея и Публия Сципионов. Но их попытки овладеть Сагунтом и другими пунктами восточного побережья Испании оказались неудачными, и оба Сципиона погибли в 211 г. Между тем военные действия развернулись чрезвычайно широко как в Испании, так в особенности в Италии.

В Испании военное счастье обратилось в сторону римлян с того момента, когда во главе римских войск стал младший представитель фамилии Сципионов — Публий Корнелий Сципион, один из крупнейших полководцев Рима, равный по своим военным талантам Ганнибалу. Высадившись на испанском побережье в 210 г., имея хорошо организованную армию и богатую казну, Сципион предпринял одну из самых выдающихся в мировой военной истории операций. Несмотря на то, что на полуострове действовали целых три карфагенских армии, Сципион с громадным риском, смелыми переходами подошел к карфагенской столице Картахене (в 209 г.) и осадил ее с суши и с моря. Благодаря искусному ведению дела город был взят приступом в первый же день осады. Эта блестящая победа отдала римлянам столицу {14} вместе со значительным флотом, военными материалами, хлебными запасами и большим количеством пленных, и в дальнейшем ни упорное сопротивление местного населения ни искусство карфагенских полководцев не смогли помешать переходу в руки римлян всей карфагенско-испанской державы.

Вскоре же после захвата Картахены Сципион завладел всем восточным побережьем вплоть до Пиренеев, а в 208 г. он уже действовал в богатой и цветущей Андалузии. Карфагенские полководцы, в особенности наиболее способный из них Гасдрубал Барка, отстаивали территории пядь за пядью, в то время как Ганнибал совершал смелые операции в Италии. В 207 и 206 гг. военные действия протекали необычайно напряженно; они велись обеими сторонами с большим упорством, энергией и искусством — и в этом отношении весь ход Второй пунической войны представляет огромный интерес для истории военного дела. Но в конечном итоге римляне обнаружили несомненное превосходство в ведении войны, и главнокомандующий Сципион нередко разрешал труднейшие военные задачи, располагая временами меньшим количеством войска, чем карфагеняне. Разумеется, своими успехами римляне обязаны были не только искусству своих полководцев, но и их политике в отношении местного населения.

Римские завоеватели пытались всяческими обещаниями и льготами привлечь на свою сторону испанских туземцев. Это было не так легко сделать, так как и карфагеняне на всем протяжении своего господства на полуострове придерживались такой же политики. Под их знаменами боролись главным образом испанцы, а эти туземные солдаты отличались высокими боевыми качествами. Сципиону приходилось действовать с величайшим тактом, предоставляя завоеванным городам и местечкам широкие права и давая им еще более широкие обещания в отношении свободы и независимости, но в то же самое время жестоко расправляясь с теми, кто не хотел добровольно подчиниться. Не имело успеха и восстание испанцев, организованное без участия карфагенян. Сципион подавил его в самом начале. Началось разложение и массовый отход местного населения от {15} прежних властителей, пока, наконец в руки римлян не попал древний Гадес (Кадикс), оказавшийся, таким образом, самым первым и самым последним владением Карфагена на полуострове. С падением Гадеса в 206 г. Испанская держава полностью подпала под власть Рима, и это повлекло за собой роковые последствия для самого Карфагена в северной Африке.

Вслед за Второй пунической войной последовала Третья (149—146 гг. до н. э.). Она длилась три года и закончилась полным разрушением Карфагена и утверждением римлян во всем Средиземноморском бассейне, но в Испании, как мы видели, уже с 206 г. Рим стал хозяином положения. В судьбах испанских племен — иберов и кельтов — наступил решительный поворот, не предвещавший, однако, ничего доброго для их независимости и свободы.

3. РИМСКОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО В ИСПАНИИ

Таким образом, со II в. до н. э. римские завоеватели становятся единственными властителями на Пиренейском полуострове, но это еще далеко не означало полного и безусловного подчинения Риму туземного населения. Весь предшествовавший период истории Испании, начиная с появления здесь финикийян и греков и кончая уничтожением карфагенской испанской державы, не изменил сколько-нибудь существенно положения кельто-иберийских племен. По уровню развития население прибрежной полосы на востоке и юге значительно ушло вперед сравнительно с населением остальных частей полуострова. Господство финикийян, греков и карфагенян несомненно ускоряло процесс разложения родовых отношений. Насколько можно судить на основании раскопок и древнейших надписей, иберийцы восточного и южного побережья уже имели собственную письменность; имеются сведения, что в нынешней Андалузии у одного из племен (турдетанов) существовали цикл сказаний и легенд, книга законов, исторические записи. Под воздействием колонистов создавалось и самобытное искусство — в области архитектуры, керамики, скульптуры. Из немногих остатков кельто-иберийской древнейшей культуры следует указать в особенности на замечательную статую женщины, найденную в 1897 г. в Эльче, близ Аликанте, и хранящуюся сейчас в Париже (Лувр). В основе — это самобытное произведение искусства, испытавшее, однако, на себе сильное воздействие греческой и карфагенской культур.

Приморские города восточного и южного побережья Испании были тогда важными центрами средиземноморской торговли, в нынешней Валенсии и Андалузии земледелие и скотоводство находились в цветущем состоянии, усиленно разрабатывались рудные богатства, в особенности серебряные рудники возле Картахены, на весьма высоком уровне стояло монетное дело. К сожалению, мы не имеем данных о том, насколько это экономическое преуспеяние

прибрежной Испании влияло на социальное расслоение туземного населения. Можно только предполагать, что и из среды туземцев выделялась верхушка господствующего класса, сливавшаяся с колонизаторами; еще труднее определить, в каком положении была основная масса населения. Разработка рудников проводилась путем применения рабского труда, но рабы, по-видимому, были привозные — из северной Африки. Туземцы еще сохраняли свою свободу, занимаясь ремесленной деятельностью или обрабатывая поля.

Соперничество колонизаторов и завоевателей в этом отдаленном уголке Европы ставило вопрос об использовании туземцев в качестве военной силы, и мы уже видели, какую выдающуюся роль играли местные испанские войска в борьбе между Римом и Карфагеном. А это не могло не содействовать сохранению независимости и свободы значительной части местного населения. Так обстояло дело с побережьем востока и на юге Испании; что же касается центра полуострова, западного и северного побережья, а также Пиренеев, то здесь среди многочисленных племен и народцев кельто-иберийского происхождения еще полностью господствовал примитивный общественный строй, соответствовавший различным ступеням варварства. Сюда еще не проникали никакие колонизаторы и завоеватели, а попытки подчинения встречали каждый раз упорное сопротивление. В то же {17} самое время между отдельными племенами шли постоянные междоусобия, облегчавшие задачу последующих завоевателей.

Римляне, сменившие ко II в. карфагенян на полуострове, были уже настоящими завоевателями, но им предстояло подчинить своей власти почти весь полуостров за исключением греческих и карфагенских приморских городов, которые сразу склонились перед силой римского оружия. На этот раз испанскому населению пришлось иметь дело с государством, которое как раз именно в это время переживало крупнейший поворот в своей собственной истории. Рим в это время превратился в крупное рабовладельческое государство, ставшее на путь широких колониальных захватов.

Пиренейский полуостров представлял для рабовладельческого Рима громадную ценность, особенно благодаря своим рудным богатствам. В продолжительных войнах с Карфагеном сложилась первоначальная военная организация Рима, оформился и весь государственный аппарат быстро растущего рабовладельческого государства. Поэтому прочное освоение каждой завоеванной территории означало внедрение массового рабского труда как основы всего общественного и политического строя этой громадной державы. Нигде, однако, установление римского владычества не натолкнулось на такое долгое и упорное сопротивление, как именно в Испании. Римлянам пришлось потратить целых три столетия, чтобы прочно утвердиться на полуострове, но и после этого положение их никогда не было устойчивым. Гибель рабовладельческого Рима под воздействием революции рабов, поддержанных варварами, естественно, привела к ослаблению римского влияния на полуострове.

Однако, многовековое пребывание римлян на Пиренейском полуострове не прошло бесследно для судеб местного населения, и нам необходимо познакомиться хотя бы с самыми крупными событиями этого периода. После побед Сципиона и подчинения восточного и южного побережий, римляне разделили завоеванные территории на две провинции — Дальнюю и Ближнюю Испании: первая охватывала нынешние Андалузию, {18} Гранаду, Мурсию и Валенсию, а вторая — Арагон и Каталонию. Внутренняя часть полуострова, составлявшая Кастильское плоскогорье и называвшаяся у римлян Кельтиберией, непосредственно примыкала к этим двум провинциям; отсюда воинственные племена кельтиберов совершали постоянные набеги и вели с римлянами партизанскую войну, к которой испанский народ прибегал неоднократно на протяжении своей долгой истории вплоть до наших дней.

Как мы уже говорили в самом начале этого очерка, Кастильское плоскогорье представляет гигантскую естественную крепость и в стратегическом отношении занимает командующее положение над прибрежной полосой с ее богатствами. Отсюда становится понятным, почему римские властители не могли чувствовать себя полными хозяевами полуострова без подчинения себе центрального плоскогорья. Только прочно обосновавшись в Кельтиберии, можно было не только обезопасить восточное и южное побережья, но и распространить свое господство вплоть до западных окраин — в Лузитании (нынешняя Португалия) и в стране астури- кантабров, басков — в горных ущельях и долинах северного побережья. Но овладение центром полуострова представляло труднейшую задачу в военном отношении. Римлянам пришлось постоянно содержать в Испании армию в 40 тысяч человек, время от времени обновляя ее состав,

так как условия ведения войны были необычайно тяжелыми и больше одного года солдаты не выдерживали, поднимая восстания и самочинно покидая службу. Отправка в далекую Испанию равносильна была ссылке, и туда на первых порах неохотно отправлялись не только рядовые легионеры, но и полководцы.

Победы, одержанные Сципионом, привели к полному подчинению только приморских городов, таких, как греческий Эмпориум, Сагунт, Картагена, Кадикс. Что же касается местного населения побережья, то оно далеко не сразу признало над собой власть римских завоевателей. Уже в 197 г. в обеих провинциях — Дальней и Ближней Испании — начались восстания, которые удалось подавить только через два года, да и то не надолго. Присланный из Рима полководец Катон сурово {19} расправился с повстанцами, массами продавая в рабство и обезоруживая все население, но стоило ему только отойти с утомленными войсками, как разгоралась настоящая партизанская война, вспыхивая то там, то здесь и находя поддержку со стороны соседних воинственных племен кельтиберов и лузитанцев. Сменявшим друг друга римским полководцам приходилось менять свою тактику, чтобы по крайней мере прочно закрепить за Римом две указанные провинции и прилегающие к ним области. Так, например, Тиберий Грах, действовавший в 179—178 гг., старался привлечь на римскую службу знатных кельтиберов, раздавая им земельные участки, и привлекал деревенское население во вновь воздвигаемые города. Приходилось также не слишком злоупотреблять сбором податей, требованиями поставки хлеба. Испанским общинам и городам предоставлялись довольно широкие права вплоть до права чеканки собственной монеты.

Действуя различными путями, то жестокостью и насилием, то уступками и обещаниями, римское правительство к середине II в. до н. э. упрочило свое положение на востоке и юге Испании, но борьба с кельтиберами и северными племенами продолжалась с возрастающим упорством. В 152 г. поднялось грандиозное восстание лузитанцев, с которым долго не могли справиться римские полководцы. Завоеватели действовали с беспрецедентным вероломством против обширной конфедерации племен. После того как лузитанцы нанесли два жестоких поражения войскам римского полководца Фульвия, его преемник Марцелл подписал у стен города Нуманции мир с мятежными племенами, но римский сенат отказался подтвердить мирный договор и отозвал Марцелла, а сменивший его новый военачальник Лукулл на территории нынешней Кастилии произвел кровавую резню, уничтожив до 20 тысяч лузитанцев. Его превзошел по неслыханному вероломству генерал Гальба. В 151 г. до н. э. он изъявил готовность заключить с повстанцами мир и предложил им покинуть свои горные убежища, вернуться по домам на равнину и спокойно обрабатывать свои поля, но как только они сделали это, Гальба учинил над ними беспощадную расправу, отдав в раб-{20}ство три лузитанских племени целиком и уничтожив до 30 тысяч человек. Насколько можно судить, главную массу восставших составляли рабы-земледельцы, в то время как земельные собственники помогали римлянам в подавлении восстания.

Не успело, однако, заглухнуть под кровавой рукой римского завоевателя это восстание, как началось новое, еще более грандиозное. На этот раз во главе движения стал лузитанский пастух Вириато — выдающаяся личность, с крупным военным и организаторским талантом. Он собрал вокруг себя сначала небольшую группу беглецов-соседей, а затем привлек к себе горные племена Эстремадуры и поднял восстание в центре полуострова и в стране лузитанцев, на западном побережье. Под его знамена встали и племена северного побережья в качестве союзников. В течение десятка лет Вириато успешно противостоял римским армиям и лучшим римским полководцам, которые бессильны были одолеть сравнительно небольшую (в 10 тысяч человек) армию кельтиберов, во главе которой стоял этот замечательный вождь-пастух. Мало того, одну из римских армий во главе с полководцем Фабием Сервиллианом Вириато принудил сдаться на капитуляцию, предложив почетные условия мира: он разрешил захваченной в плен армии отступить к Таррагоне с тем, чтобы все области, населенные туземными племенами, сохранили свою независимость и установили союзнические отношения с Римом. Римляне, одержавшие столько блестящих побед над Карфагеном и другими народами в Греции и на Востоке, оказались бессильными и капитулировали перед испанскими народными массами. И если это восстание было подавлено, то не столько благодаря силе римского оружия и искусству римских военачальников, сколько благодаря вероломству и измене. Подкупленный римским золотом предатель пробрался к спящему Вириато и заколол его кинжалом. Гибель вождя имела

роковые последствия для восставших племен. Они еще некоторое время сопротивлялись, но в конце концов вынуждены были подчиниться.

Однако и на этот раз победа римлян не была окончательной. Центром сопротивления по-прежнему оставался небольшой город Нуманция на реке Дуэро (неподалеку {21} от современной Сории), представлявший естественную крепость, прикрытую горными кряжами и узкими проходами. Не один раз римские полководцы вынуждены были признавать свое бессилие перед этим оплотом горных племен, ставших на путь партизанской войны, не один еще раз туземцы одерживали победы над хорошо вооруженными римскими солдатами, внося в их среду дух разложения. Вокруг этого оплота вновь и вновь группировались воинственные и независимые племена северной Испании, оказывая завоевателям упорное сопротивление. Римский террор не в состоянии был сломить этого сопротивления, приходилось бороться за каждую пядь земли без всякой уверенности за завтрашний день. Но Рим тогда уже был могущественной державой, перед которой склонились многочисленные народы, населявшие бассейн Средиземного моря. Положение на Пиренейском полуострове казалось центральному правительству, римскому сенату, совершенно недопустимым, и он предпринимает исключительные меры, чтобы прочно утвердиться на этой крайней оконечности своих обширных владений. Сенат посылает сюда своего лучшего полководца Сципиона Эмилиана, предоставляет ему наиболее надежную армию, на вербованную в северной Африке, численностью до 40 тысяч солдат. Явившись в Испанию, новый полководец реорганизует всю систему ведения войны: он сооружает ряд крепостей, чтобы разъединить отдельные племена, блокирует Нуманцию настолько, что прекращает туда всякую доставку продовольствия, отводит, наконец, реку и лишает осажденных воды. И все же защитники Нуманции героически сопротивлялись еще целых 16 месяцев, а когда все возможности были исчерпаны, они предпочли добровольную смерть позору подчинения. Вступив в город, победитель нашел только одни развалины и тысячи трупов. На этот раз победа была решительной. С падением Нуманции (между 134 и 132 гг., точной даты мы не знаем) римляне овладели центром полуострова, и это открывало им путь в гористые районы северо-западной и северной части Испании.

К началу I в. до н. э. задача завоевания полуострова, казалось, была уже выполнена, но утверждение римлян в значительной части Испании далеко еще не {22} создавало здесь устойчивого положения. Если значительная часть испанцев вынуждена была покориться, то в самом Риме разгоралась ожесточенная гражданская война, находившая отражение и в его владениях. Беспощадная эксплуатация рабов как в Италии, так и в колониях, в испанских рудниках, на полях Валенсии и Андалузии, на острове Сицилия, этой житнице Рима, уже раньше вызывала массовые рабские восстания, а к I в. они создавали угрозу всему общественному порядку римской республики. С другой стороны, среди господствующих классов, отдельных их группировок, создавались острые противоречия, которые находили себе выражение в заговорах, борьбе политических партий, в соперничестве отдельных полководцев, колониальных завоевателей. Разумеется, и в Испании долгое, хотя и весьма беспокойное, как мы видели, пребывание римских властителей не могло не оставить следа в смысле развития и здесь рабовладельческих отношений, в первую очередь на востоке и юге. Мало-помалу романизированное население полуострова втягивалось в гражданскую войну, которую вели между собой отдельные группировки и партии в самом Риме.

В 80-х годах I в. до н. э. господство в Риме перешло к аристократической партии, глава которой, полководец Сулла, сделался настоящим диктатором и жестоко преследовал своих политических противников, приверженцев демократической или плебейской партии. Один из вождей последней, Серторий, полуиспанского происхождения, спасся от преследования на Пиренейский полуостров и сумел привлечь на свою сторону местное население не только по бережной полосы, но и кельтов Лузитании и кельтиберов центрального плоскогорья. Воспоминания о былой независимости были еще свежи у туземцев и, поддерживая Сертория, они рассчитывали добиться установления более мягкого режима. Серторий же, с своей стороны, задался целью закрепиться на полуострове в качестве самостоятельного правителя. Он создал здесь особый государственный аппарат, наподобие римского, состоявший из сената и крупных должностных лиц, усиленно насаждал римскую культуру, основывая школы, вводил римские нравы и обычаи. Одним {23} словом, Серторий действовал как истый римлянин, а не как испа-

нец, ревнитель местной независимости. Среди недовольных кельтиберов был составлен заговор, и Серторий пал от руки одного из своей собственной свиты (в 72 г. до н. э.).

После смерти Сертория в Испании появляется один из крупнейших римских военачальников Помпей. Он прошел по местам мятежей и восстаний, действуя огнем и мечом, но и его победы не смогли привести к покорности северные горные племена. Сама римская республика переживала смутные времена. Грандиозное восстание рабов под предводительством Спартака в 70-х годах до н. э. потрясло самые основы этой обширной рабовладельческой державы, между тем как среди правящих групп выделились отдельные честолюбцы, стремившиеся к диктаторской власти. В числе их был Помпей, но наряду с ним были и другие, не менее видные претенденты на захват власти, такие, как Юлий Цезарь, Лициний Красс. Будучи равными по силе, они заключили сначала тройственный союз («триумвират»), распределив между собою управление отдельными провинциями и мешая друг другу утвердиться в самом Риме. После смерти Красса в 53 г. осталось два претендента — Помпей и Юлий Цезарь. Их вынужденный союз неизбежно сменился новой гражданской войной, начавшейся в 49 г. Об этом последнем эпизоде, завершившем республиканский период в истории Рима, приходится здесь упомянуть только потому, что гражданская война развернулась чрезвычайно широко, охватив собою и колониальные области, в том числе и Испанию. Оба противника за этот период нередко появлялись на полуострове, то вербуя себе сторонников и военную силу, то обрушиваясь на племена, еще сохранившие свою независимость. В частности, для Юлия Цезаря Испания явилась опорной базой при его известных походах в Галлию. Цезарь в конечном итоге стал диктатором, но в марте 44 г. до н. э. он пал жертвой заговора, и только его преемнику Октавиану Августу в 30 г. до н. э. удалось закрепить за собой единоличную власть с титулом императора. Этот поворотный момент в истории Рима нес с собою существенное изменение и в исторических судьбах {24} испанского населения. Период завоевания полуострова, растянувшийся на ряд столетий, завершается во времена Августа, который еще делает безуспешные попытки подчинить северо-западные и северные племена, в названиях которых (галлеги, астуры, кантабры, басконы) мы узнаем современные географические названия — Галисии, Астурии, Кантабрийского побережья, Басконии. Остальная часть полуострова в большей или меньшей степени была романизирована и являлась уже составной частью Римской империи.

Замена республики империей означала прежде всего усиление государственной власти в борьбе против нарастающей силы восстаний рабов и всех недовольных и обездоленных элементов. В первые века существования империи еще удавалось держать в подчинении подвластные провинции и многомиллионные народы, покоренные римлянами. Но этот короткий период сравнительной устойчивости, охватывавший какие-нибудь два столетия, завершился крушением всего рабовладельческого строя в обстановке массовых восстаний, поддержанных вторжениями варваров. Одна историческая эпоха сменялась другой. На развалинах рабовладельческого общества стало создаваться в Европе новое феодальное общество, основанное на эксплуатации труда крепостных крестьян. С этого момента открывается и богатая событиями история средневековой Испании, когда испанским народным массам пришлось вести упорную и героическую борьбу против новых эксплуататоров — землевладельцев-феодалов. Как увидим дальше, богатейший опыт борьбы и сопротивления угнетателям, накопленный народными массами с древнейших времен, в эпоху рабовладельческих государств, в особенности со времени утверждения на полуострове римлян — не прошел бесследно для начинавшейся новой эпохи бурной и яркой истории испанского народа.

———— {25}

ГЛАВА I

ИСПАНИЯ В ПЕРИОД ИМПЕРИИ И ВАРВАРСКИХ НАШЕСТВИЙ

1. ИСПАНИЯ В СОСТАВЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Ко времени образования империи, как мы уже сказали, большая часть Пиренейского полуострова была приведена к полному подчинению, и только на крайнем северо-западе и севере, в горных ущельях и долинах, кельтские и кельто-иберийские племена, защищенные самой природой, сохранили свою независимость и свой первобытный уклад жизни. Начиная с Августа, главное усилие римские императоры направляли к тому, чтобы крепче связать эту беспокойную, но богатейшую окраину империи с центром. Испания представляла громадную ценность для Рима в двух отношениях: она привлекала римлян, как и их предшественников, своими рудными и другими естественными богатствами, но вместе с тем отсюда же они черпали и высокую по своим боевым качествам военную силу. Уже Август разделил Испанию на три провинции. Южная область, наиболее романизированная и наиболее прочно связанная с Римом, была выделена в особую провинцию Бетику под гражданским управлением римского сената. Центральная часть с прилегающим восточным побережьем составляла другую провинцию — Таррагону и, наконец, западная, охватывавшая нынешнюю Португалию и соседнюю испанскую область Эстремадуру, образовала третью провинцию Лузитанию. Обе последние провинции находились под непосредственным управлением императора с более твердым режимом военного характера. Это деление и различие в способах управления отражали различную степень слияния указанных провинций с общественным и политическим строем всей империи. Наиболее богатой несомненно была Бетика, которая славилась своими сельскохозяйственными культурами, хлебом, маслинами, {26} виноградом и винами; здесь были кроме того прекрасные пастбища и развитое овцеводство, дававшее тонкорунную шерсть. Но самым ценным ресурсом были богатые испанские рудники, из которых на первое место следует поставить серебряные рудники Картахены. Уже во II в. до н. э. там было до 40 тысяч рабов, занятых добыванием серебра. На востоке и юге Испании, кроме старых городов греческого или финикийско-карфагенского происхождения, при римлянах возникло много новых городов, которые были одновременно и военными и торгово-промышленными центрами. Новые города особенно усердно основывались во внутренних частях полуострова. Так возникли, например, существующие и до сих пор города: Мерида, Асторга, Сарагосса, Леон, Бадахос. О цветущем состоянии Испании в первые века империи свидетельствуют сохранившиеся до нашего времени многочисленные остатки архитектурных сооружений, превосходные дороги, пересекающие Испанию в различных направлениях, мосты, водопроводы, памятники городской архитектуры — храмы, триумфальные арки, театры, надгробные памятники. Все это создавалось или римскими легионерами, когда это вызывалось военными целями, или — чаще всего — рабским трудом.

Не менее значительно было и культурное развитие испано-римских провинций. Население Бетики больше всего поддавалось влиянию Рима, усвоив латинский язык, римские нравы, одежду, весь уклад жизни. Императоры первых веков проводили в этом отношении совершенно сознательно политику романизации, заставляя детей обучаться латинскому языку и насаждая в Испании римскую образованность. В итоге этого многовекового воздействия победителей Испания в свою очередь стала, наряду с Галлией (нынешней Францией), крупным центром своеобразной испано-римской культуры, давшим Риму многих крупных писателей, императоров, полководцев.

Но все это великолепие, материальное богатство и пышный расцвет культуры сочетались с глубочайшими противоречиями между классами и отдельными общественными группами, все это покоилось на беспощадной эксплуатации рабского труда. Рабовладельческий строй {27} складывался в отдельных частях Испании веками, но подлинными его создателями были римляне. И к тому времени, когда окончательно сложилась империя, массовый рабский труд стал господствующим и на Пиренейском полуострове — на латифундиях нынешней Андалузии, в рудниках Картахены, на грандиозных стройках. Если вначале преобладали привозные рабы, преимущественно из северной Африки, то в дальнейшем, когда сопротивление туземных племен было сломлено, в тяжелом положении очутилось и местное население. В зависимое положение, в экономическую кабалу попадали новые и новые группы населения. В отношении Испании можно повторить характеристику Энгельса, касающуюся роли рабского труда во всей империи. Рабский труд во II — III вв. н. э. себя уже не оправдывал, стал трудом непроизводительным, и это приводило к распаду рабского способа производства, к дроблению обширных земельных владений на отдельные участки, на которые сажались рабы. Делались попытки и насаждения свободных арендаторов-крестьян, которые, однако, быстро теряли свою

свободу и превращались в так называемых «колонов», предшественников средневековых крепостных. Резко ухудшалось положение и ремесленников, объединявшихся в так называемые «коллегии» по специальностям, но в конечном счете становившихся крепостными.

На базе рабского труда покоились верхние слои господствующего класса, состоявшие из римской знати, владевшей обширными поместьями, из высших должностных лиц — военных и гражданских, из романизированной местной знати, смыкавшейся с римской аристократией. Сюда же нужно отнести всякого рода спекулянтов-ростовщиков, создававших себе целые состояния. Но широкое использование естественных богатств путем эксплуатации труда подневольных, материальное благополучие господствующего класса могло быть обеспечено только при условии проведения в этой не до конца замиренной стране жестокого режима, который осуществлялся органами императорской власти. Многочисленные города были главными точками опоры для римского владычества на полуострове, в то время как, {28} деревни и села были центрами массового недовольства и нарастающего сопротивления. Спокойное обладание богатым югом и восточным побережьем было возможно только при условии господства над внутренним плоскогорьем, где города и военные укрепления были как бы отдельными оазисами среди обширных пространств с враждебно настроенным населением. А на западных и северных окраинах этого плоскогорья независимые племена по-прежнему составляли вечную угрозу римскому господству и готовы были примкнуть к любому проявлению недовольства со стороны подвластного Риму населения в Лузитании и Таррагоне. Таким образом, Риму приходилось держаться только на военной силе и на быстро растущем штате чиновников, высасывавших последние соки из населения. Непомерный рост налогов ухудшал положение не только зависимых групп населения, но и мелких собственников, ремесленников и даже членов городских самоуправлений, так называемых декурионов, отвечавших за исправное поступление податей и налогов. Губернаторы отдельных провинций, разбогатевшая верхушка господствующего класса, использовали аппарат провинциального управления для своего собственного обогащения. Но эта верхушка могла держаться только на военной силе, между тем как и римские легионеры-солдаты, которым не уплачивали жалованья за их тяжелую службу, сами оказались ненадежным элементом, поднимавшим восстания.

К III в. н. э. развал империи на всем ее протяжении от «Геркулесовых столбов» до азиатских провинций сказался с особенной силой. Создался порядок, который «был хуже злейшего беспорядка», замечает по этому поводу Энгельс (Происхождение семьи, 1937, стр. 195). Фронт недовольных необычайно расширился, охватывая не только рабов и колонов, но и все разнообразные группы, еще сохранившие свою независимость и свободу. Обстановка складывалась более или менее одинаково во всех римских провинциях. Авторитет центральной власти сильно упал, всюду царил анархия, ширилось движение недовольных. Римские легионы, предоставленные самим себе, поднимали массовые восстания и в каждой провинции провозглашали собственных императоров. {29} В середине III в. можно было насчитать в пределах римской мировой державы до 30 императоров одновременно, причем большинство из них редко могли удержаться надолго и редко умирали естественной смертью. По соседству с Испанией, в южной Галлии, в первой половине III в. началось восстание крестьян и рабов, так называемых «багаудов». Они завладевали селами, сжигали города, производили опустошения, направляя свой гнев на чиновников и господствующий класс. Это движение то разгоралось, то затихало в течение почти двух столетий и несомненно оказывало сильное влияние на обездоленные массы Испании.

Римская империя распадалась, между тем как с востока к ее пределам продвигались полчища варваров. Казалось, Риму приходил конец, но господствующий класс еще нашел в себе силы и возможности для того, чтобы укрепить внутреннее положение. После смутного периода середины III в., вступивший на престол император Диоклетиан (285—305 гг. н. э.) реорганизовал всю систему управления в империи, создав более дробное деление ее на провинции и значительно увеличив штаты чиновников. Так, в Испании было образовано семь провинций: Бетика, Лузитания, Галисия, Таррагона, Картагена, Тингитана (в соседнем Марокко) и Балеарские острова как отдельная административная единица. Обширный и громоздкий аппарат управления увенчивался особой императора с деспотической властью. То, что начал Диоклетиан, завершил один из ближайших его преемников Константин, причем при последнем и самая столица была перенесена из Рима на берега Босфора, в Константинополь. Существенное

значение в деле укрепления империи имело провозглашение христианства господствующей религией с его проповедью подчинения рабов своим господам. Диоклетиан, спасая империю от гибели и нараставшего революционного движения, реорганизовал военное дело. Прежние легионеры оказались слишком ненадежной опорой порядка, и Диоклетиан прибег к мере, которая имела роковое значение для судеб империи: он стал широко привлекать на службу империи варварские племена, отводя им территории и обязывая их военной службой. Характерно, {30} что он эти варваризированные военные части направлял не на границы империи, а в районы восстаний, рассчитывая на то, что варвары как, чуждые элементы легче и успешнее справятся с местными восстаниями.

Благодаря проведенным реформам, гибель империи была только отсрочена, и уже в середине IV в. наступил окончательный распад под натиском тех самых варваров, которые привлекались на службу империи, чтобы спасти ее. Революция рабов, всех обездоленных и угнетенных нашла себе решительную поддержку со стороны варваров — здоровых и жизнеспособных, не испорченных разлагающим влиянием рабовладельческой римской культуры. Поступая на службу империи, варварские племена и сами подпадали под гнет государственного аппарата, а подвластное Риму население смотрело на варваров, как на избавителей (Ф. Энгельс, Происхождение семьи, 1937, стр. 195).

2. ВАРВАРЫ-ГЕРМАНЦЫ В ИСПАНИИ

В первые столетия н. э. исторические судьбы Испании были теснейшим образом связаны с той грандиозной революцией, которая разрушила старое рабовладельческое общество и положила начало новому обществу, хотя и основанному на «эксплуатации человека человеком», но все же, сравнительно с предыдущим, представлявшему более прогрессивный этап в развитии человечества. Тов. Сталин на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников в своей исторической речи таким образом характеризует этот крупнейший поворот в мировой истории: «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся» (Вопросы ленинизма, 10-е изд., стр. 527). Сущность и характер этой революции раскрыл Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

«Рабство, — говорит он, — перестало окупать себя и потому отмерло. Но умирающее рабство оставило свое ядовитое жало в презрении свободных к производ- {31} дательному труду. То был безвыходный тупик, в который попал римский мир: рабство сделалось экономически невозможным, труд свободных морально презирался. Первое уже не могло, второй еще не мог сделаться основной формой общественного производства. Вывести из этого положения могла только коренная революция» (Ф. Энгельс, Происхождение семьи, 1937, стр. 198).

Носителем этого свободного труда и были многочисленные германские племена, надвигавшиеся на пределы Римской империи и при содействии самих императоров проникавшие внутрь ее в качестве основной военной силы. Но в своем развитии они были еще на ступени варварства — родового строя, для них свободный труд был естественным состоянием, он вырастал и укреплялся в условиях родовых, общинных отношений. Поэтому варварам того времени и суждено было вывести гибнущий римский мир из безвыходного тупика. «Но в чем состояло, — спрашивает Энгельс, — то таинственное волшебное средство, при помощи которого германцы вдохнули новую жизненную силу умиравшей Европе?» (Там же, стр. 205). Это омолаживающее средство принесли с собой германцы, но оно заключалось не в каких-либо национальных особенностях, не в чистоте арийской крови, как это утверждали немецкие националистские историки (а ныне фашисты), а просто в их варварстве, их родовом строе (Там же).

К IV в. н. э. и относится разворачивание последнего завершающего этапа революции, когда к широкому фронту всех недовольных массами примыкали многочисленные варварские племена, шедшие с востока на запад. Они населяли тогда южные равнины СССР и всю центральную часть Западной Европы вплоть до Рейна. Отдельными группами они проникали в пределы империи и раньше, но со второй половины IV в. начинается массовое вторжение варваров, в частности германцев, на Запад. Вся обширная территория Римской империи была охвачена восстаниями рабов и всех недовольных. И сама слабеющая империя вынуждена была

обращаться за помощью к надвигавшимся варварам. На Пиренейском полуострове развал империи сказывался не меньше, чем в любой части римской державы. По соседству, в Галлии {32} вновь вспыхнуло восстание багаудов, и оно втягивало в свой поток и соседние области Испании, где, как мы могли убедиться из предшествующей истории, сила сопротивления коренного населения далеко еще не была сломлена. Не забудем, что в Испании были и свои варвары — независимые племена северо-западного и северных горных районов: галлеги, астуры, кантабры, баски. Они подобно германцам находились еще на стадии разложения родовых отношений, на ступени варварства.

Писатели того времени оставили нам ужасающую картину беспощадной эксплуатации Римом провинциального населения. Один из них, Сальвиан, указывает, что люди самых различных общественных положений, в особенности же податное население, «идут на службу к готам, или багаудам, или каким-нибудь другим повсюду господствующим варварам, и не раскаиваются в своем поступке. Они предпочитают жить свободно, имея звание рабов, нежели быть рабами, сохраняя имя свободных». А те, которые не бегут к варварам, стараются на месте сделаться варварами. По свидетельству того же писателя, хорошо знакомого с Испанией и Галлией, «большая часть Испании и не малая часть Галлии, наконец, все те, которые на римском земном шаре оскорблены римской несправедливостью, перестали называть себя римлянами». Нисколько не облегчала положения и христианская церковь, свившая себе прочное гнездо в Испании. Она явилась — с момента своего признания — защитницей и опорой господствующего класса и не склонна была становиться на сторону угнетенных.

В такой обстановке развала рабовладельческого государства, в обстановке массовых восстаний со второй половины IV в. и начинается массовое вторжение варварских племен в Западную Европу. В нашу задачу не входит подробное изложение этих бурных событий, охвативших собою около полутора столетий. Отметим лишь важнейшие моменты в продвижении тех германских племен, которым суждено было утвердиться на Пиренейском полуострове. Первым крупным эпизодом движения германцев были события, происходившие на равнинах Дона и Днепра в 70-х годах IV в. Там в эти бурные времена находились две крупные ветви племени готов — {33} остроготы и визиготы. Первая из этих ветвей — остроготы — столкнулась с полчищами племен, известных в истории под именем гуннов. В этом столкновении остроготы потерпели поражение, и это повлияло на положение их соседей — визиготов, обосновавшихся у реки Днестра. Визиготы в поисках новых земель и под давлением соседних племен движутся на Балканский полуостров и добиваются у римского императора Валента разрешения переправиться через реку Дунай и обосноваться в пределах империи.

Визиготы получают территорию в нынешней Болгарии в качестве «союзников» империи. Но, поступив на службу империи, они сразу испытали на себе все прелести римских порядков. Их обращали в рабство, обременяли непосильными налогами. То там, то здесь вспыхивали восстания рабов и колонов. Подняли восстание и визиготы, угрожая самому Константинополю. Встревоженный Валент спешно стягивает войска и идет походом против визиготов, но в происшедшей при Адрианополе битве (в 378 г.) римские войска потерпели поражение и сам император в этой битве пал.

Преемнику Валента Феодосию пришлось заключить с визиготами мир и закрепить за ними занятую ими территорию. Со смертью Феодосия в 395 г. Римская империя распалась на две части — Восточную и Западную. В каждой из них были отдельные императоры. В это время во главе усилившихся визиготов стоял молодой и способный вождь — Аларих. Он очень искусно использует соперничество двух императоров — восточного Аркадия и западного Гонория — и получает от первого новую территорию: северо-восточное побережье Адриатического моря — провинцию Иллирию. Его приковывает теперь Италия с ее столицей Римом, хотя и утратившим свое прежнее значение, но все же сохранившим свой блеск и богатства. Это было уже в самом начале V в., когда на запад в цветущую Галлию, охваченную массовыми восстаниями, пытались проникнуть и другие германские племена, образовав широкий фронт варварского наступления — от Северного моря до Адриатического. На севере продвигались франки, уже занявшие устье Рейна, к югу от них двигались свевы, вандалы, {34} бургунды и ряд других, пытаясь уловить удобный момент, чтобы пересечь Рейн и водвориться на территории нынешней южной Франции, которая представляла благодатный и цветущий край.

И действительно, в то самое время, когда Аларих со своими визиготами настойчиво добивался получить Италию, ведя об этом бесплодные переговоры в 408 г. с укрывшимся в Равенне императором Гонорием,— целая группа племен — свевы, вандалы и аланы прорвалась на запад, очутилась сначала в южной Галлии, а оттуда перебралась на Пиренейский полуостров.

Эти первые варвары, вступившие на испанскую почву в 409 г., прошли по всему полуострову, производя страшные опустошения и, как рассказывает один современник, распределили между собою территорию по жребию: свевы и одна часть вандалов обосновались в Галисии, аланы — в Лузитании и Картагене, а другая часть вандалов — силлинги — заняла самую богатую область Испании Бетику. Ни местное население, ни римские легионы не оказали пришельцам упорного сопротивления: утверждение их в Испании еще не означало захвата всей территории. Формально здесь сохранялась еще связь с Римом, но фактически она ни в чем не ощущалась. Управление находилось в руках испано-римской и частично туземной знати, ничем не связанной с ослабевшим центральным правительством.

Между тем в эти же годы, когда первая группа варварских племен пыталась обосноваться на Пиренейском полуострове, визиготы во главе с Аларихом находились еще в Италии. В 410 г., после неудачных первых двух походов, Аларих третий раз подошел к Риму, где в это время произошло восстание рабов. Рабы и впустили визиготов в столицу Западной империи. Но попытки их утвердиться в Италии были прерваны смертью Алариха в 411 г., а его преемник Атаульф направился со своими полчищами в Галлию, пытаясь получить от императора Гонория новую территорию. Однако только при третьем визиготском короле Валлии соглашение состоялось, и визиготы заняли в 419 г. часть южной Галлии от реки Луары до Пиренеев с городом Тулузой. Это было первое варварское королевство, возникшее на территории Римской империи. Сами визиготы считали себя на службе у империи и от ее имени предприняли ряд походов в Испанию, где в это время свевы, аланы и вандалы боролись за отдельные области. В конечном итоге визиготам удалось разгромить аланов, оттеснить свевов в северо-западный угол полуострова, а вандалы, занимавшие Бетику, вынуждены были покинуть Испанию и перебраться в северную Африку, где они и основали отдельное королевство на месте древнего Карфагена (в 429—434 гг.). Таким образом, визиготы к середине V в. фактически стали хозяевами в Испании. Между тем, Западная Римская империя получила новые удары со стороны варваров. В 451 г. недалеко от Пуатье, на Каталаунских полях произошла грандиозная битва между двумя объединениями варварских племен — между полчищами гуннского предводителя Атиллы, в состав которых входили остроготы, и союзом франков, визиготов и бургундов, под предводительством римского полководца Аэция. На крайнем западе от империи остался один только обломок территории между Шельдой и Луарой. Через четыре года, в 455 г., вандалы из северной Африки сделали набег на Рим и произвели в нем страшные опустошения. Сама Италия стала теперь добычей варваров при слабой уже власти последних римских императоров. Но и на Пиренейском полуострове была не менее сложная и запутанная обстановка. От империи остался лишь какой-то призрак, хотя бывшее ее величие еще производило впечатление на умы варваров. Испано-романская знать оказывала упорное сопротивление натискам германцев; свевы, отброшенные к северо-западу, пользовались всяким удобным моментом, чтобы расширить свои владения. Кроме того нарастала полоса новых восстаний багаудов, охвативших Таррагону и прилегающие области северо-восточной Испании. В 50-х годах V в. визиготы пытаются прочно овладеть полуостровом уже не во имя империи, а в свою собственную пользу. Но обстановка, в которой им приходилось действовать, была настолько сложной, что в зависимости от обстоятельств они то выступали в союзе с испано-романской знатью против свевов, то наоборот. Не вдаваясь в подробности этой запутанной истории, обратим внимание на один наиболее крупный и характерный эпизод.

После Каталаунской битвы бывший тогда королем визиготов Теодорих продолжал держаться союза с римлянами и даже помогал подавлять восстания багаудов. В это время свевы начали свое наступление на юг, овладели Севильей и подчинили себе южные области, Бетику и Картагену. Отсюда они направились в Таррагону и дошли вплоть до Басконии, действуя в союзе с багаудами. Теодорих решительно выступил против свевов и нанес им поражение в 456 г., но вслед за этим обрушился с неменьшей жестокостью и против испано-романской знати. И в дальнейшем он все время лавирует между двумя своими противниками, мало-помалу

захватывая территории как в Испании, так и в Галлии, независимо от того, кому эти территории принадлежали. Теодорих (454—467 гг.) и был основателем визиготского могущества. Но центром этого самого обширного тогда варварского государства была еще южная Галлия с городом Тулузой, в то время как в Испании сложная и запутанная борьба, продолжалась и при следующем, короле Эйрихе (467—485 гг.), который убил своего брата, Теодориха и сам занял его место. Эйрих завершает завоевание Пиренейского полуострова в то самое время, когда в Италии был свергнут последний римский император Ромул-Августул и в Риме утвердился один из вождей варваров Одоакр (476 г.). Таким образом, на западе исчезали последние обломки империи, а восточная ее половина была почти бессильна. К концу V в. и следует отнести окончательное формирование визиготского государства.

3. КОРОЛЕВСТВО ВИЗИГОТОВ В ИСПАНИИ

После того как под ударами варваров пали последние остатки империи, в Западной Европе образовался целый ряд варварских королевств. К началу VI в. самым обширным было визиготское королевство, которое занимало всю южную Галлию, начиная от реки Луары, и почти весь Пиренейский полуостров, за исключением северо-западной его части, где сохранилось небольшое {37} королевство свевов, и гористых областей северного побережья Пиренейских гор, где попрежнему удерживали свою независимость старинные племена — астуры, кантабры и баски. В северной Галлии от реки Луары и до устьев Шельды и Рейна образовалось сильное и могущественное королевство франков, во главе которых стоял король Хлодвиг (481—511 гг.). Наконец, в Италии и прилегающей части Балканского полуострова с 494 г. утвердились остготы. Если не считать небольших королевств — бургундского между Роной и Альпами, вандальского в северной Африке и свевского на северо-западе Испании, то вся бывшая территория Западной Римской империи сделалась достоянием этих трех крупнейших варварских королевств — визиготского, франкского и остготского. Из них наибольшей жизнеспособностью отличалось франкское государство Хлодвигу, который к 507 г. уже отвоевал у визиготов почти всю южную Галлию, вследствие чего центр визиготского королевства переместился в Испанию, когда несколько позднее (в середине VI в.) короли перенесли и свою резиденцию в город Толедо на берегу реки Тахо.

Окончательное утверждение визиготов на Пиренейском полуострове открывает собою новую страницу в истории Испании, входящую уже в рамки средневековья. Для того чтобы понять дальнейший ход испанской истории, когда и здесь, как и в остальной Европе, стал складываться феодальный строй, необходимо выяснить, какой же след оставили римляне своим многовековым господством на полуострове и что собой представляли новые властители визиготы, с какими общественными порядками они явились в Испанию.

Мы уже видели, что римляне впервые появились здесь в III в. до н. э., а окончательное их вытеснение относится к VI в. н. э. Таким образом, период римского владычества, охватывает около 7—8 столетий, период вполне достаточный для того, чтобы глубоко укорениться в завоеванной стране, наложить резкий отпечаток на общественные отношения, на весь уклад жизни, язык и культуру, иными словами, полностью романизовать страну, как обычно говорят историки. В какой же степени это удалось римлянам? Для того чтобы получить {38} на этот вопрос вполне отчетливый ответ, стоит сравнить романизацию Испании с романизацией соседней Галлии. В Галлии римляне появились гораздо позднее, во времена Юлия Цезаря, а последний остаток империи был захвачен франками в конце V в., и все же относительно Галлии мы можем прямо сказать, что ко времени падения империи она была полностью романизована. Местное население забыло свой язык и усвоило латинский язык и весь римский уклад жизни. Бывшие кельты-галлы считали себя настоящими римлянами.

В Испании такой полной и всесторонней романизации не наблюдаем. Конечно и здесь почти восьмивековое господство римлян оставило глубокий след в одном отношении, на что указывал Энгельс: «По всем странам бассейна Средиземного моря в течение столетий проходил нивелирующий (выравнивающий — *А. К.*) наструг римского владычества. Там, где не оказывал сопротивления греческий язык, все национальные языки должны были уступить место испорченному латинскому; исчезли все национальные различия, уже не существовало больше галлов, иберов, лигуров, нориков — все они превратились в римлян. Римское управление и

римское право повсеместно разрушили древние родовые союзы, а вместе с ними и последние остатки местной и национальной самостоятельности» (Ф. Энгельс, Происхождение семьи, 1937, стр. 194). Но, проделавши эту гигантскую работу выравнивания местных особенностей под римский образец, владыка многочисленных народов — рабовладельческий Рим не в состоянии уже был вдохнуть новую жизнь. Обезличив подчиненные народы, он ничего не мог дать взамен. «Для громадной массы людей на огромной территории единственной объединяющей связью служило Римское государство, которое со временем сделалось ее злейшим врагом и угнетателем» (Там же, стр. 195).

Эту нивелирующую работу римляне проделали и в Испании, но далеко не везде и далеко не в одинаковой степени. Полностью была романизована доставшаяся в наследство от древнего Карфагена южная Испания, в значительной степени подверглось романизации восточное побережье, точно также унаследованное от греко-иберийцев и карфагенян, в гораздо меньшей степени римляне оставили след на центральном плоскогорье, где им на протяжении веков туземное население оказывало упорное сопротивление, и, наконец, ничтожное влияние оказали римляне на население горных областей северо-запада и севера Испании. Конечно, и Испания наряду с Галлией, стала страной рабовладельческого общества и рабовладельческой культуры, но своеобразие отдельных областей и провинций здесь сохранилось в гораздо большей степени, чем в Галлии. Угнетенные массы, несмотря на злейшую эксплуатацию со стороны господствующей знати (испано-римской и туземной), сохранили силу сопротивления, как это мы видели на примере багаудов.

В такой обстановке появляются на полуострове варвары. Из предшественников визиготов только германское племя свевов оставило известный след на северо-западе, где оно главным образом обосновалось, аланы же незаметно рассеялись в бурном потоке событий, а от пребывания вандалов в Испании сохранился след только в названии южной области, которая в дальнейшей истории получает наименование Андалузии (от «Вандалузия»). Гораздо более глубокий след оставили визиготы, разновидность готского племени. В какой мере визиготам удалось заложить основы для формирования той испанской народности, какую мы знаем в настоящее время? Что они привнесли своего в этот сложный процесс образования испанской нации? В какой мере они могли вывести романизованную Испанию из того безвыходного тупика, в какой ее завел рабовладельческий Рим? Дать исчерпывающий ответ на эти крайне важные для понимания последующих судеб Испании вопросы едва ли возможно при наличии тех данных, какими сейчас располагает историческая наука. Все эти вопросы сводятся к одному основному: насколько крепки были у визиготов остатки родового строя, в виде сельской общины, которая давала трудящимся массам — земледельцам «территориальную сплоченность и средство к сопротивлению» (Энгельс, Происхождение семьи, 1937, стр. 206).

Готские племена пережили в своей предшествующей истории больше превратностей, чем какие-либо другие германские племена. Когда-то готы находились у побежденной Прибалтики; отсюда, в силу своего внутреннего развития, на основе разложения родовых отношений, они потянулись на новые земли, спустились в южные равнины нашего Союза, стремясь попасть в культурные и богатые области Римской империи. Здесь они столкнулись с другими варварскими племенами, с полчищами гуннов и, распавшись на две ветви — остроготов и визиготов, связывают свою дальнейшую судьбу со слабеющим Римом, находясь с ним то в союзных, то в явно враждебных отношениях. Но как, бы то ни было, это раннее соприкосновение с римлянами ускоряло у них процесс разложения родового строя. Уже в те времена у готов появляется королевская власть, а значит имеет место и социальное расслоение: из массы свободных людей резко выделяется родовая знать, богатство и значение которой возрастает по мере захвата новых территорий и продвижения все дальше и дальше на запад. Показателем этого расслоения было принятие христианства. Попав под сильное воздействие римской культуры, поскольку первоначальные родовые отношения расшатались, они забыли и свою религию, когда-то ярко отражавшую свободный уклад их земледельческой и скотоводческой жизни. Взамен примитивных, но ярких образов земледельческой религии, обоготворения солнца, земли, стихийных сил природы, они восприняли христианское учение о едином боге. Правда, их примитивный ум еще не мог разбираться в отвлеченных тонкостях христианской догматики и христианство было воспринято в форме так называемого «арианства», Представлявшего уклоне-

ние от общепризнанного тогда учения о троичности лиц в божестве. Принятие христианства визиготами связано с именем епископа Ульфила, который перевел Библию на готский язык.

Мы уже проследили выше за движением визиготов на крайний запад Европы, пока, наконец, они не утвердились в Испании. В итоге этих странствований по территории Римской империи еще больше расшатывались основы старого общинного строя, еще больше руководящая роль в самих завоеваниях и захватах новых территорий переходила в руки усиливавшейся визиготской знати. С такими данными визиготы оказались властителями романизованной Испании. Здесь они натолкнулись на сопротивление испано-романской знати в бывшей римской провинции Бетике, а на севере им приходилось упорно бороться со свевским королевством и независимыми племенами севера. Если снова сравнить положение франкского и визиготского государств, то сразу бросится в глаза существенная разница. Уже самый факт вытеснения визиготов из Галлии свидетельствовал о большей крепости варварского королевства франков, и в дальнейшем ходе истории франков сказывается их преимущество над визиготами. Франки неуклонно расширяют свою территорию сначала в Галлии, а потом далеко за пределами ее. Позднее франкское королевство перерастает в империю Карла Великого, а распад этой империи кладет начало формированию тех западноевропейских народностей, которые существуют и по сию пору. Причина этого заключается в том, что франкам с их более крепким общинным строем удалось разрушить римское государство и преодолеть пережитки рабовладельческого строя. Визиготам не суждено было сыграть такой решающей роли в образовании испанской народности. Об этом наглядно свидетельствует бурная и глубоко противоречивая история их господства на полуострове, закончившаяся ослаблением визиготского государства и захватом Испании арабами.

Нельзя отрицать того, что с утверждением визиготов в Испании приток свежих варварских сил, хотя уже значительно ослабленных, создал условия для создания могущественного государства. Распад приостановился, и визиготским королям в течение первого столетия их господства удалось укрепить внутреннее положение и поднять удельный вес визиготского королевства во вне. Положение трудящихся масс — приписанных к земле рабов и колонов — улучшилось сравнительно с римскими временами, увеличилось количество свободных элементов, большую свободу получили ремесленники, которые во времена империи были прикреплены к коллегиям, оживили испанские города, в особенности столица королевства Толедо. Явившись господами положения, визиготы, вернее визиготская знать заставила, потесниться испано-римских землевладельцев. У нас {42} нет точных данных, какие именно изменения произошли в распределении земельной собственности с приходом визиготов на полуостров, но есть основания думать, что в Испании новая разверстка земель была проведена, так же, как и в соседней Галлии, теми же визиготами, а именно: $\frac{2}{3}$ земель получили визиготы, а $\frac{1}{3}$ осталась у римлян. Но, разумеется, такое перераспределение производилось далеко не повсеместно, а только там, где новые пришельцы стали настоящими хозяевами.

Перераспределение земель еще больше обостряло отношения между пришлой визиготской и старой испано-римской знатью. Борьба между этими двумя группами слагающегося феодального класса тянется на протяжении всего визиготского периода, принимая все более и более острый характер. Борьба эта нашла для себя и яркое идеологическое выражение, так как испано-романское население исповедывало католицизм, а визиготы были «еретиками», арианами. Характернейшей особенностью классовых взаимоотношений в Испании уже тогда было засилье католического духовенства, сумевшего закрепить за собою обширные земельные владения и занять руководящее положение в государстве, несмотря на то, что до VII в. арианство было господствующей религией.

Борьба за земельные территории и перераспределение земель явились отправным моментом в возникновении и развитии феодальных порядков в Испании. Раздача королями земельных пожалований расширяла круг крупных земельных собственников и тем самым поднимала значение земельных магнатов за счет королевской власти. Захват земель и власти вносил резкое ухудшение в положение низших классов: широко применялась практика отдачи под покровительство обедневших свободных людей, что неизбежно приводило к потере ими свободы. Здесь-то и сказались расшатанность и слабость пережитков общинного строя, который давал точку опоры для сопротивления. Правда, следы общины находят отражение и в визиготских законах, но уже одно характерно, что у визиготов их первоначальные, народные, так на-

зываемые «варварские» законы не играли такой роли, как например такие же законы франков (наиболее известная из них «Салическая правда»). Самые {43} ранние записи визиготских законов уже находились под сильным воздействием римского законодательства, укреплявшего положение частной собственности, а не общинной. Визиготские законы допускали широкую свободу отчуждения не только пахоты, виноградников, но даже части так называемых общинных угодий (например леса, луга). Это ослабляло связь между жителями села и облегчало захват отдельных участков крупными земельными собственниками, а следовательно, и подчинение владельцев этих участков. Широкое распространение рабских форм зависимости в Испании, унаследованных от долгого римского владычества, губительным образом влияло на положение свободных. В визиготской монархии стала складываться могущественная и алчная до захватов аристократия, применявшая к закрепощенному крестьянству самые беспощадные способы эксплуатации.

Таков общий фон общественных отношений, на котором протекали события визиготского периода испанской истории. Мы не будем вдаваться в подробности этих событий, в виду их сложности и запутанности, обратим внимание лишь на основные и наиболее характерные факты и явления этого периода.

После того как визиготы окончательно обосновались на полуострове, потеряв почти все свои владения в южной Галлии, им приходилось считаться с двумя своими могущественными соседями — франкским королевством по ту сторону Пиренеев и остроготским королевством в Италии, которое переживало короткий период своего могущества при короле Теодорихе Великом. В продолжавшейся упорной борьбе с франками визиготы нашли поддержку и помощь у Теодориха, но когда последний умер (в 526 г.), положение в Испании стало необычайно напряженным благодаря внутренним междоусобиям. В визиготской монархии не установилось прочного порядка наследования престола, как это было у франков. Короли избирались или, вернее сказать, выдвигались той или другой группой знати в ходе непрекращавшейся междоусобной борьбы. В подавляющем большинстве случаев смена на престоле носила характер кровавой расправы с предшествующим королем. За {44} весь визиготский период редко бывало, чтобы короли умирали естественной смертью, и уже одно это указывает на необычайную даже для тех времен остроту внутренних противоречий, господствовавших на полуострове с его пестротой отдельных областей и различных группировок знати.

Несмотря на такую сложную обстановку, визиготская монархия справлялась с затруднениями. Так, в 532 г. король Тевдис своей победой над франками у Сарагоссы заставил их отказаться от дальнейших посягательств на Испанию. Но при одном из его ближайших преемников, Ахиле (549—554 гг.), особенно резко обострились отношения между визиготской и испано-романской знатью. Ахила — ставленник визиготов — сурово преследовал католиков и вооружил против себя всю южную Испанию. Началась открытая борьба, и у Кордовы войска Ахилы потерпели жестокое поражение. Между тем в это время Восточная Римская империя, где императором был знаменитый Юстиниан I (527—565 гг.), вела завоевательную политику в бассейне Средиземного моря, стремясь воссоединить потерянные части Западной империи.

В 533—534 гг. было завоевано вандальское королевство, просуществовавшее, таким образом, всего сто лет, в 555 г. той же участи подверглось в Италии и остроготское королевство, продержавшееся еще меньше, чем вандальское. Утверждение Византии в Италии и северной Африке окрыляло надежды испано-романского населения южной Испании. Сопrotивляясь жесткому режиму Ахилы, испано-романская знать выдвигает в качестве претендента на престол Атанагильда, который и обращается за помощью к византийскому императору Юстиниану. Отправленная последним сильная армия в 554 г. овладевает южным побережьем, наносит поражение возле Севильи Ахиле, которого потом свои же и убивают. Королем визиготов становится Атанагильд (554—567 гг.). За оказанную помощь он уступает Византии юго-восточную часть полуострова, но византийцы этим не удовлетворяются и, опираясь на симпатии крупных испано-римских землевладельцев, самочинно занимают обширную территорию на юге Испании. Атанагильд вынужден был вести с ними трехлетнюю войну. Одно-{45} временно он оказывает сопротивление франкам и пытается подчинить своей власти непокорных басков. Несмотря на все трудности, Атанагильд укрепляет положение королевства, столицей которого с этого времени становится Толедо. Он ведет примирительную политику в отношении католиков и пользуется большим влиянием и авторитетом как внутри, так и во вне.

Визиготская монархия уже тогда славилась в Европе как центр учености и просвещения. Дочь короля Брунгильда, став женой одного из франкских королей Сигеберта, получила в истории, быть может, даже большую известность, чем ее отец, благодаря той роли, какую она сыграла в междоусобной борьбе франкского государства того времени.

Однако относительно данного периода нельзя сказать, чтобы визиготы были полными хозяевами на полуострове. На северо-западе сохраняло свою независимость свевское королевство; Византия присвоила себе Бетику и часть Картахены; на севере существовали почти независимые небольшие области, управляемые князьками и представителями знати (Овиедо, Леон, Паленсия, Замора), и наконец никому не подчинявшиеся баски. Преемнику Атанагильда — Леовигильду (567—586 гг.) пришлось действовать в весьма сложной обстановке. Его время представляет значительный интерес для понимания дальнейших судеб визиготского королевства. В его лице мы имеем сильного представителя королевской власти, стремившегося воссоединить все разрозненные территории полуострова и сломить сопротивление многочисленной знати путем твердой политики. Ему пришлось прежде всего бороться на два фронта — против свегов на севере и византийцев на юге, но одновременно пришлось иметь дело с многочисленными восстаниями знати, которая, утвердившись в разрозненных мелких областях, искала поддержки то у свегов, то у Византии, причем на этот раз твердая политика Леовигильда одинаково была неудобна всем группировкам знати. В течение первых десяти лет король успешно справлялся со всеми затруднениями и к 578 г. на некоторое время установил внутренний порядок. Мало того, он реорганизовал систему управления; создается более дробное деление на провинции, во главе каждой из них назначается герцог, во главе каждого города ставится граф. В центре, по римскому образцу, создается высшее управление при дворце из представителей различных ведомств. Этот рост государственного аппарата свидетельствовал об укреплении королевства и силе королевской власти. Но после небольшого перерыва, при том же Леовигильде, внутренняя борьба разгорелась с еще большей силой, охватив, как можно думать, широкие крестьянские массы. Столкнувшись с оппозицией своего собственного сына Герменгильда, Леовигильд жестоко подавлял все восстания и беспощадно преследовал католиков. После шести лет напряженной борьбы король сломил всякое сопротивление, но, разумеется, и на этот раз положение не могло считаться прочным. Зато внешние успехи Леовигильда были несомненны. Помимо того, что он сильно сократил византийские владения на полуострове, в 585 г. им было завоевано, наконец, и свевское королевство, ставшее отныне одной из визиготских провинций.

Показателем несомненного могущества королевской власти при Леовигильде было то, что смена на престоле на этот раз произошла без каких-либо осложнений. Ему наследовал его сын Рекаред (586—601 гг.), правление которого составляет крупнейшую веху в истории визиготской Испании. Король с самого начала прекращает преследования католиков, организует религиозные диспуты и, наконец, отваживается на решительный шаг. В 587 или 589 г. (точно не установлено) он созывает очередной церковный собор в Толедо и на нем торжественно объявляет о своем переходе в католичество вместе со многими представителями визиготской знати. Этим актом католицизм превращался в господствующую религию, а арианство становилось уже ересью. Но арианство за предшествующие столетия глубоко внедрилось в сознание различных слоев визиготского общества, и поэтому постановление толедского собора не могло его уничтожить. Если наиболее влиятельная (и большая часть) визиготской знати приняла католицизм, то основная масса средних и низших слоев, часть духовенства и не-^{47}которая часть знати остались верными своей старой религии.

Последствия этой перегруппировки борющихся сил сказались тотчас же после решений толедского собора. В стране возникли заговоры и восстания визиготов-ариан, но Рекаред обрушился на восставших с невероятной жестокостью, и многие приверженцы старой религии погибли на костре или были казнены другими способами. Эти преследования с возрастающей силой проходят на всем протяжении дальнейшей истории визиготов на полуострове. Рекаред, продолжая дело своего отца, произвел пересмотр прежних визиготских законов, приспособляя их к изменившимся условиям. Насколько можно судить по сохранившимся отрывкам законодательного сборника Рекареда, изменения касались земельной собственности и признания прав и привилегий католического духовенства.

Крутой поворот в ходе событий произошел тотчас же после смерти Рекареда. В течение всей первой половины VII в. идет сплошная полоса смут и частая смена королей в порядке насильственного низвержения ставленников арианской или католической партий. Но влияние фанатичного духовенства все более и более усиливается. На последующих толедских соборах духовные князья становятся влиятельной политической силой. Постановления этих соборов приобретают значение государственных актов. Религиозные преследования приобретают исключительно жестокий характер и направляются не только против ариан, но и против евреев. Евреи появились на полуострове еще в первые века н. э. и до Рекареда пользовались покровительством со стороны государственной власти. Они заключали браки с христианами, занимали высокие должности и свободно занимались промышленной и торговой деятельностью. После Рекареда положение их резко изменилось к худшему. Начинаются насильственные обращения в христианство, а один из толедских соборов выносит постановление о массовом истреблении евреев. Католическое духовенство становится наиболее привилегированной верхушкой господствующего класса и определяет собою политику королей. Характерной особенностью этого периода {48} является попытка некоторых наиболее сильных королей придать королевской власти наследственный характер. В этом отношении заслуживает внимания время правления Хиндасвинта (642—649 гг.). Ему удалось путем массовых казней, конфискации, обращения в рабство сломить сопротивление крупной знати и привлечь на свою сторону духовенство щедрыми земельными пожалованиями.

Действуя таким способом, он добился передачи трона своему сыну Рецесвинту (649—672 гг.), правление которого проходит в более спокойной обстановке. При нем католическое духовенство настойчиво требует от короля безусловного сохранения католической религии и беспощадного преследования еретиков и евреев. Сам король, подавляя отдельные восстания, в других случаях идет на частичные уступки и амнистии. Но наиболее крупным событием его времени, несомненно, было издание нового законодательного сборника — «Закона визиготов», сохранившегося полностью и представляющего для нас ценнейший материал для выяснения вопроса о том, какие изменения во взаимоотношениях между отдельными группировками произошли в визиготском королевстве за двухсотлетний период его существования.

Изучая этот памятник, мы видим, что он по существу является приспособлением старых визиготских законов к римскому законодательству с сильным влиянием католицизма. Новый законодательный сборник, закрепляя руководящее положение католического духовенства, резко подчеркивал господство аристократии над широкой массой низших групп населения. Перевес римского законодательства над остатками старинных визиготских законов означал резкое ухудшение положения трудящихся масс. Остатки рабовладельческого строя оказывали губительное воздействие и на состояние свободных земледельцев, попадавших в зависимое положение, близкое к рабским формам зависимости. Таким образом, во всем общественном строе визиготской монархии пропасть между привилегированной верхушкой и остальной массой подневольного люда становилась все глубже и глубже. Сопротивление угнетенных масс и всех недовольных элементов не носит в это время широкого характера. Перевес римского влияния над визиготским выразился в усилении религиозных преследований евреев, ариан и других еретиков. «Закон визиготов» уже допускал браки между визиготами и испано-римлянами, латинский язык вытеснил старый германский язык, римская культура взяла перевес над германской более примитивной культурой. Все это является показателем того, что все группировки господствующего класса — испано-романская и визиготская — начали сливаться в единое целое при огромном влиянии католического духовенства. Беспощадная борьба против евреев и еретиков в таких условиях означала не что иное, как массовый террор, направленный к подавлению всякого сопротивления слагающемуся крепостническому строю. Проводниками этого террора и становятся сами визиготские короли, в особенности Хиндасвинт и Рецесвинт. Положение королевской власти укрепились при поддержке католического духовенства. Но положение это не могло быть прочным и продолжительным, так как перевес римского влияния над варварским — визиготским не укреплял, а ослаблял внутренние силы визиготской монархии.

Этот упадок стал сказываться уже вскоре после смерти Рецесвинта. Попытка придать наследственный характер королевской власти потерпела крушение, так как преемником его стал один из представителей знати Вамба (672—680 гг.). Ему еще удастся успешно расширять

территорию на севере, за счет южной Галлии и страны басков, но уже при нем на востоке — на северо-африканском побережье появилась новая сила, которая надвигалась на полуостров. Это были арабы, успевшие к этому времени подчинить себе всю переднюю Азию и Египет, откуда они продвигались все дальше и дальше на запад. Правда, Вамба сумел нанести поражение арабам в 677 г., но этим опасность, угрожавшая визиготскому королевству, не устранялась, так как в самом королевстве стали сказываться зловещие признаки упадка и ослабления. Характерна была и судьба короля Вамбы. Он был низвержен с престола при содействии архиепископа толедского, а дальше начинается сплошная полоса смут, заговоров, восстаний, частых и насильственных смен на престоле, беспощадных преследований. При изучении этого смутного периода получается вполне определенное впечатление: засилие католической знати, аристократизация всего общественного строя и установление крепостнических отношений, близких к рабским формам зависимости,— все это имело роковое значение для судеб визиготского государства, ставшего легкой добычей арабов. Успех Вамбы в борьбе с последними оказался единичным случаем, больше уже не повторившимся. Завоеватели все ближе и ближе надвигались на полуостров, и когда после длительных смут и анархии, царившей на полуострове, в 710 г. был провозглашен королем один из герцогов южной Испании Родриго, то ему пришлось иметь дело с арабами уже на территории королевства.

—————{51}

ГЛАВА II

АРАБСКОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО В ИСПАНИИ

1. ЗАВОЕВАНИЕ И УТВЕРЖДЕНИЕ АРАБОВ В ИСПАНИИ

Обстановка в Испании как нельзя больше благоприятствовала завоевателям, которые уже прочно обосновались в нынешнем Марокко. Страна раздиралась борьбой между различными крупными фамилиями вполне сложившейся феодальной знати. Сам король Родриго утвердился на престоле, свергнув своего предшественника — представителя другой крупной фамилии, Витицу. Грабежи и насилия, чинимые как светской, так и духовной знатью, создавали для подневольных масс крестьянства отчаянное положение, усиливаемое голодовками и эпидемиями. Всюду в стране царило глухое брожение; жестоко преследуемое еврейское население городов настроено было резко враждебно против своих угнетателей и готово было встать на путь прямого восстания. На этом фоне всеобщего возбуждения, подавленного состояния крестьян, резко враждебного настроения евреев, в обстановке невероятной анархии, грабежей и насилия проходят последние годы визиготской монархии. Мы и до сих пор располагаем весьма скудными и противоречивыми сведениями о том, как именно произошло вторжение арабов на полуостров.

Есть основания предполагать, что арабы были приглашены той группой знати, к которой принадлежал предшественник Родриго на королевском престоле, Витица. Современные летописцы приписывают почин в деле приглашения арабов некоему графу Юлиану, бывшему комендантом крепости Сеута на африканском берегу против Гибралтара. Он вступил в переговоры с правителем («вали») северной Африки, или Мавритании, Мусой, который после предварительных разведок на полуострове принял предложение. Любопытно, что в этом заговоре против Родриго принимал участие и {52} епископ Оппас, родной брат прежнего короля Витицы. Муса поручил ведение военных операций одному из способнейших своих полководцев Тарику, который подобрал небольшой, но крепкий отряд воинов из африканских племен берберов, живших в горах Атласа. В составе его войска мы видим большое количество евреев, воодушевленных желанием помочь своим единоверцам в Испании, а также и представителей испано-готской знати во главе с упомянутым графом Юлианом. Высадка была произведена в 711 г. у мыса, получившего в дальнейшем название «Гора Тарика», по арабски «Джебель-аль-Тарик», откуда и получилось несколько видоизмененное современное название Гибралтар. В первой же стычке с визиготским отрядом Теодомира обнаружился перевес арабов. Сам Родриго в это время был далеко на севере, занятый подавлением восстания в Памплоне. Теодомир

послал к королю гонца и в донесении сообщил следующее: «В нашу землю вторгся народ, которого имя, страну и происхождение я не знаю. Я не могу даже сказать, откуда они пришли, с неба ли свалились, или вышли из преисподней».

Получив это известие, Родриго бросил осаду Памплоны и стал спешно собирать военные силы, но огромное по тому времени войско, какое ему удалось наберечь, было чрезвычайно пестрым по своему составу: в значительном количестве здесь были согнанные силой и принуждением рабы и крепостные, двигавшиеся пешком; были здесь и представители знати и самые разношерстные элементы. Многие заранее уже думали о том, чтобы или перейти на сторону неприятеля или поживиться в общей суматохе. Соперничество и вражда отдельных фамилий не затихали и перед лицом внешней опасности. Между тем Тарик мало-помалу стягивал на полуостров новые и новые отряды воинственных берберов. Оба войска встретились неподалеку от современного города Медины-Сидонии. 19 июля 711 г. произошла упорная и кровопролитная битва. В течение трех дней шла ожесточенная борьба двух армий. Численный перевес был на стороне Родриго, но под его знаменами сражались слишком разношерстные элементы и притом мало знакомые с военным делом. Подневольные крепостные безучастно относились к исходу битвы, а среди знати были и кровные враги сторонников Родриго. Они-то и решили исход сражения, открыто перейдя на сторону арабов. Войска последнего визиготского короля были окружены, огромное количество перебито, остатки спасались бегством, в том числе и сам король, в поспешности потерявший на берегу реки свою корону и скипетр. Эта победа, по существу говоря, уже решила участь визиготского королевства. Дальнейший ход событий, насколько это можно установить по отрывочным и не всегда достоверным данным, протекал следующим образом. Испано-готская армия сильно поредела после удара, нанесенного ей арабами. Король бежал или, может быть, был убит. Вокруг его личности сложилось слишком много легенд, чтобы можно было восстановить истину. Во всяком случае, о нем после битвы никто не слышал, и в последующих событиях имя его не упоминается. Тарик продолжал действовать, явно нарушая приказ Мусы, который настаивал, чтобы после битвы тот вернулся в Африку. Но сложившаяся на полуострове обстановка открывала перед победителем заманчивые перспективы. Тарик на деле убедился, что крепостные, из которых в значительной части состояла армия визиготов, относятся безучастно к судьбе своих господ, что они скорее готовы сдаться на милость победителю. Что касается евреев, то они сразу отдали себя в полное распоряжение арабов, смотря на них как на избавителей.

Тарик двигался со своими воинами к столице королевства — к городу Толедо, направив одновременно отдельные отряды к Эльвире и другим городам. Эльвира была взята приступом и там был оставлен гарнизон, состоявший из мусульман и из местных евреев. По пути войска задержались у Кордовы, подвергнув ее осаде. Чтобы не терять времени на осаду, Тарик оставил здесь отдельный отряд, а с главными силами направился к Толедо. Комендант Кордовы, учитывая незначительность арабского отряда, решил защищать город. Но в городских укреплениях было слабое место, на которое указал один пастух. Через эту лазейку мусульмане ворвались в город и заняли его. Комендант еще держался с небольшим отрядом в одной из церквей, располагая водой из подземного водохранилища. Но когда источник снабжения водой был обнаружен (в примыкающих к городу горах), осажденным пришлось сдаться. Тем временем Тарик приближался к Толедо, который, как естественная неприступная крепость, возвышался на обрывистом берегу реки Тахо. Визиготские короли прежнего времени приложили все усилия к тому, чтобы не только пышно и богато украсить свою столицу, но и укрепить ее, насколько это позволяла современная техника. И если бы испано-готская армия была воодушевлена единым желанием защищать эту неприступную твердыню, стоявшую в центре Кастильского плоскогорья, то перед Тариком стояла бы труднейшая задача. Но у защитников столицы этого необходимого условия как раз и не было. Всюду царила растерянность и паника. Кордовская знать спасалась бегством в Толедо, а из Толедо напуганные представители знати, бросая свое имущество, поспешно бежали дальше на север — в Галисию и Астурию. Солдаты гарнизона грабили покинутые дома. Многочисленное духовенство точно также заботилось только о себе. Одни, надеясь на скорое возвращение, подальше прятали свои драгоценности, другие спасались бегством вслед за своей паствой, а те из церковников, кто вынужден был остаться в городе, пытались предотвратить бедствие постами, молитвами, процессиями к местным святыням. Но все было тщетно. Армия Тарика без всякого труда окружила этот не-

приступный город, никто не оказывал сопротивления. Гарнизон дезертировал, мусульманские войска вошли в город, наполовину уже разграбленный. Оставшееся население встретило их не как врагов, а как союзников и избавителей.

Взятие Толедо отдавало в руки победителей почти весь полуостров. Отдельные отряды Тарика без особого труда заняли важнейшие города южной Испании. Оставалось овладеть провинциями, лежавшими к северу от реки Тахо, и Тарик в состоянии был бы это сделать, если бы не натолкнулся на противодействие своего повелителя Мусы, который ревниво следил за успехами своего полководца. Между тем и Тарик нуждался в свежих пополнениях. В июне 712 г. на полуострове высадился восемнадцатитысячный отряд самого Мусы, на {55} этот раз состоявший главным образом из арабов, а не берберов. Муса завладел незанятыми еще городами южной Испании, в первую очередь Севильей, этим богатейшим городом Андалузии. Город сдался лишь после некоторого сопротивления. Гораздо больше хлопот доставила Мерида, богатая и сильно укрепленная столица бывшей римской Лузитании с замечательными памятниками архитектурного и военного искусства римлян. Город сдался только после долгой блокады, лишившей защитников средств продовольствия. Завладев югом, Муса спешно двинулся в Толедо, опасаясь дальнейших успехов Тарика. Между ними даже произошел разрыв. Тарик был арестован, и только по приказанию халифа из Дамаска оба полководца помирились и совместно двинулись на север. К сентябрю 713 г. пали последние крупные центры северной Испании, и только горные районы Галисии, Астурии, Басконии остались за пределами досягаемости для арабских завоевателей. Муса вернулся в Толедо и провозгласил верховенство халифа над завоеванной Испанией. В своем донесении халифу в Дамаск он восторженно расхваливал новые приобретения: «здесь небо по своей прозрачности и красоте напоминает небеса Сирии, мягкостью климата даже Йемен не выше стоит; богатством цветов и тонкостью аромата эта страна вызывает в памяти пышную Индию; она соперничает с Египтом плодородием своей земли, с Китаем — разнообразием и прелестью своих минералов».

Так закончила свое существование испанская визиготская монархия, возникшая в бурные времена варварских нашествий на Западную Европу и павшая теперь под ударами арабских завоевателей. Она отошла в прошлое как раз в тот момент, когда одновременно с нею возникшее соседнее франкское государство было накануне нового подъема и к концу этого же столетия превратилось в обширную империю. Естественно встает вопрос, чем же объясняется падение визиготского королевства и почему арабы в состоянии были овладеть им с такой быстротой и легкостью? Ответ на этот вопрос вытекает из сделанного выше обзора истории этого королевства.

Мы видели, что до начала VII в. монархия пережила {56} определенный подъем и представляла собой могущественное государство, несмотря на остроту внутренних классовых противоречий. Приток свежих сил германских варваров, наличие элементов свободного труда, выросшего в естественных условиях родового общинного строя, — все это создавало противовес сильным пережиткам рабского труда, но только до известной степени и до определенного исторического момента, который можно приурочить ко времени Рекареда, превратившего католицизм в господствующую религию. А это было только идеологическим показателем перевеса рабовладельческих элементов над варварскими. Мы уже видели, как резко изменилось к худшему положение трудящихся масс с VII в., какую громадную власть присвоило себе алчное и фанатичное католическое духовенство и какое влияние оно оказывало на политику визиготских королей. В этом отношении чрезвычайно показательны отношение католической церкви к рабам и крепостным. Пока католицизм был еще гонимой религией, его представители склонны были, чтобы заручиться всеобщим сочувствием, проповедывать более терпимое отношение к рабам и угнетенным. Но стоило только католической церковной знати взять верх и занять руководящее положение в государстве, как крупнейшие представители церкви начинают цитировать древних философов, чтобы доказать необходимость рабства: «нет ничего несправедливого в том, чтобы становились рабами те, кто не может управлять». Не менее красноречиво замечание крупнейшего церковного писателя визиготов Исидора Севильского: «Справедливый бог, сделав одних рабами, а других господами, таким образом рассудил в отношении жизни людей, чтобы разнузданность рабов подавлялась властью господствующих».

И действительно, накануне падения визиготской монархии свободный крестьянский труд исчез бесследно и создалась сплошная масса закрепощенного крестьянства. Резко ухуд-

шилось положение городского населения. Евреи в особенности подвергались суровым преследованиям. Отсюда и вербовался тот широкий фронт недовольных, который облегчил арабам захват полуострова. Но было бы неправильно думать, что визиготский {57} период прошел бесследно для судеб испанского народа. Наоборот, мы должны признать, что он составляет крупную веху в истории формирования испанской народности, поскольку он все же дал выход из состояния того развала, в каком оказалась Испания в последние века Римской империи. Крупнейшим памятником визиготского периода остался «Закон визиготов», сохранивший свое значение и при арабском владычестве и гораздо позднее. Несмотря на громадное влияние римского права, в нем сохранились и остатки старогерманского права, приобретшие положительное значение в позднейшие периоды. Наконец, следует учесть, что сила сопротивления народных масс не была сломлена ни римскими ни визиготскими властителями, как об этом наглядно свидетельствуют последующие столетия испанской истории.

Арабское завоевание открывало новую страницу в истории Испании. По своему племенному составу новые пришельцы были неоднородны. Наряду с арабами, преимущественно арабской знатью, пришедшей из Азии, среди завоевателей много было североафриканских берберов, находившихся еще на ступени варварства. Их обычно называли маврами, а поскольку и в дальнейшем в Испанию переселялись, новые и новые группы мавров, то это название стало применяться на полуострове и к арабам и к североафриканским племенам. Хотя в 713 г. основные завоевания уже были завершены, война все же продолжалась. Тарик и Муса совместными усилиями пытались овладеть и северной частью полуострова, но здесь они натолкнулись на сильное сопротивление. Муса дал такую характеристику своим врагам: «Они как львы в своих крепостях и как орлы в своих гнездах. Они не упускают ни одной возможности, если она для них благоприятна; побежденные и разбитые, они скрываются под защитой зарослей и горных теснин, и как только представится случай, они вновь появляются, чтобы бороться с еще большей отвагой». Вспомним, что путем такой партизанской войны (по-испански «герилья» — малая война) испанцы действовали и против римских завоевателей. И на этот раз попытки овладеть Галисией, Астурией и {58} Басконией оказались безуспешны. По предложению дамасского халифа — верховного владыки всех завоеванных арабами территорий — Муса и Тарик отказались от дальнейшей борьбы. Но сопротивление не было до конца сломлено и в других частях полуострова. Так, например, в Мурсии обосновался граф Теодомир, и арабы вынуждены были признать его независимость. Не было единства и между самими завоевателями, соперничавшими друг с другом из-за отдельных областей.

Власть арабов и мавров над населением завоеванных провинций на первых порах не была прочной, но во всяком случае порядок, какой они устанавливали на полуострове, нельзя было бы назвать слишком суровым, если не считать отдельных случаев жестокостей и насилий. Они оставили в полной неприкосновенности все прежнее управление, не посягали на местные верования и обычаи. Дело ограничивалось только уплатой дани, личной и поземельной, и разница между мусульманами и христианами заключалась только в том, что принявшие магометанство освобождались от уплаты личной подати. Земли в большинстве случаев оставлены были за их владетелями. Конфискованы были главным образом церковные земли, земли лиц, бежавших или оказывавших сопротивление. Это составляло $\frac{1}{5}$ часть всех земель и было выделено в государственный фонд, из которого давались пожалования арабам, являвшимся на полуостров. Землю фактически обрабатывали крепостные, положение которых изменилось к лучшему уже по одному тому, что при арабах легче стало выкупаться на волю. Во всяком случае принятие ислама открывало путь к освобождению. В отношении религии новые властители обязательного принятия магометанства не требовали и проявляли большую терпимость. Но само население не очень крепко было связано с христианством и часто по собственной воле переходило в ислам, так как это сулило облегчение от податей или освобождение от зависимости. Государственные земли в значительной своей части раздавались мелкими участками и это увеличивало количество свободных мелких собственников. Больше всего пострадала католическая церковь. Имущество ее, недвижимое и движимое- {59} мое, было конфисковано, многие церкви превращены в мечети. На религию и совершение обрядов арабы не посягали, они оставляли в неприкосновенности и всю систему церковного управления, но право созыва церковных соборов и назначение на епископские должности перешло теперь от визиготских королей к арабским эмирам. Для низших классов такая практика и ущемление католической церкви

могло иметь только благотворное значение. Наиболее благоприятным оказалось положение евреев, испытавших жестокие преследования в визиготские времена и оказавшихся с самого начала надежными союзниками арабов.

О начальном периоде арабского господства на Пиренейском полуострове мы имеем скудные и отрывочные сведения, но, насколько мы можем судить на основании таких данных, первые десятилетия после 714 г. были заполнены внутренними междоусобиями и соперничеством эмиров, утвердившихся в отдельных областях Испании. Сказывалась рознь между арабами, осевшими на юге в Андалузии, и берберами, занявшими северные области. Немалую роль в этих междоусобиях играли и новые выходцы из Азии — сирийцы, которых направлял сюда дамаский халиф, считавшийся верховным владыкой Испании. Сирийцы оседали главным образом в южноиспанских городах — Севилье, Медине-Сидонии, Малаге, Хаэне и в провинции Мурсии. Но утверждение в этих пунктах стало возможным лишь в результате ожесточенной борьбы с арабскими владетелями, причем сирийцы в качестве военной силы широко применяли крепостных христиан. Все это ослабляло натиск арабских завоевателей на север. Остатки визиготской монархии тесно примыкали к северному (так называемому Кантабрийскому) побережью, где главным центром сопротивления стала гористая Астурия. В 718 г. при Ковадонге произошла битва между астурийцами и арабами. Последние потерпели поражение, и это остановило вторжение сюда арабов. Получив решительный отпор на северо-западе, они в дальнейшем делают попытки проникнуть в южную Галлию, на территорию франкского государства. Однако и здесь натиск арабов был раз навсегда остановлен жестоким поражением, нанесенным арабам при Пуатье в 732 г. одним из предшественников Карла Великого, Карлом Мартеллом.

Между тем на севере из остатков визиготской монархии образовалось несколько маленьких государств, которые ютились в горных ущельях и узких небольших долинах, защищенных от плоскогорья стеной высоких гор с обрывистыми скалами, горными тропинками по трудно проходимым перевалам. Здесь еще сохранили свою независимость и примитивный варварский строй жизни старинные племена, отчасти уже слившиеся с другими народностями, как например в Галисии (бывшее свевское королевство), а отчасти сохранившиеся еще от отдаленнейших кельто-иберийских времен, как например баски. Среди этих маленьких областей наиболее значительной была, Астурия, куда и направился с юга поток беженцев, представителей знати и духовенства. Они несли сюда с собой не только спасенные от разгрома и конфискации ценности и церковные святыни, но и сложившийся в визиготской монархии уклад жизни, религиозный фанатизм и воспитанную веками склонность к самоуправству. Но перед лицом общей опасности эти разнородные силы на короткое время объединились, включив в свой союз Галисию и Басконию и, как мы уже видели, в 718 г. при Ковадонге под предводительством преемника последнего визиготского короля Родриго, Пelayo, дали решительный отпор арабским вторжениям на север. После смерти Пelayo делались попытки расширить территорию, и это частично удавалось благодаря междоусобиям среди арабских эмиров. Граница, отделявшая арабские и христианские владения, была не вполне ясной и отчетливой. Арабы прочно владели линией реки Дуэро. Их укрепленные пункты включали в себя Коимбру, Талаверу, Толедо, Гвадалахару и частично Памплону. Северные государства владели территорией, примыкавшей к морю. Она включала в себя Галисию, Сантандер, частично Бургос и Леон. Между этими двумя линиями оставалось почти пустынное пространство, которое постоянно оспаривалось то одной, то другой стороной. Такое неустойчивое положение в этой промежуточной полосе сохранялось вплоть до XI в. Астурия вместе с прилегающими областями была не только основной точкой опоры в борьбе против арабов, но и тем зародышем, из которого стала вырастать в последующие столетия современная нам испанская народность.

2. КОРДОВСКИЙ ХАЛИФАТ

С половины VIII в. в ходе событий арабской Испании произошли крупные изменения, но они были тесно связаны с еще более крупными событиями как в передней Азии, так и в Западной Европе. Если мы взглянем на карту, всего обширного Средиземноморского бассейна с прилегающими частями трех материков, то сразу заметим на ней несколько обширных государств, поделивших между собою почти весь тогдашний мир. На азиатском Востоке простира-

лась тогда огромная арабская держава, границы которой доходили до Индии и Средней Азии; в ее состав входил Египет, все североафриканское побережье, наконец, Пиренейский полуостров. Таким образом, арабские владения как бы кольцом окружали Византийскую империю, стиснутую в пределах Малой Азии, Архипелага и фракийского побережья, и Западную Европу. На западе Европы быстро расширялось франкское королевство, превратившееся к концу VIII в. при Карле Великом (768—814 гг.) в обширную империю от Пиренейских гор до реки Эльбы и Адриатического моря.

Арабская держава была пока единым государством, во главе которого стоял халиф, находившийся в Дамаске. Ему принадлежала верховная власть и в Испании. Но, как и следовало ожидать, эта грандиозная империя, поглотившая столь разнообразные территории и столь необозримо растянувшаяся от Инда до Гибралтара, стала расчленяться на отдельные составные части. Этот распад был тесно связан со сложными событиями в восточной половине арабской империи. До середины VIII в. на престоле халифов господствовала династия Омейядов. В 750 г. власть сирийских Омейядов была свергнута Абул-Аббасом, опиравшимся на принадлежавший арабам Иран. По его имени основанная им династия получила название Аббасидов. Центр халифата переместился из Сирии на берега Тигра и Евфрата. Была перенесена и столица из Дамаска в Багдад, откуда получилось новое наименование арабского государства — Багдадский халифат. Смена династии сопровождалась кровавой расправой с Омейядами вплоть до полного их физического уничтожения. Только одному из членов этой фамилии, Абдерахману, удалось спастись от неминуемой смерти, и после долгих мытарств и целого ряда приключений он добрался до берегов Испании. Мы уже видели, что на Пиренейском полуострове в течение десятков лет шла упорная борьба отдельных эмиров за территории и за власть. Абдерахман и поставил себе целью создать на полуострове самостоятельное государство, независимое от багдадского халифа. Он стал вербовать себе сторонников и к нему в первую очередь примкнули испанские сирийцы, но в Испании оказались и приверженцы Аббасидов во главе с эмиром Юсуфом. Несмотря на то, что при первом же появлении Абдерахмана в Андалузии в 755 г. он сразу же был признан эмиром сирийцами и значительной частью арабской знати, ему буквально пришлось завоевывать Испанию, и это растянулось на длинный ряд лет.

Эта междоусобная война нашла отражение далеко за пределами Пиренеев. Багдадский халиф, лишенный возможности за дальностью расстояния непосредственно вмешаться в испанские дела и укрепить там свою власть, обратился за поддержкой к императору Карлу Великому, с которым он находился в дружественных отношениях, обмениваясь с ним посольствами и подарками. Карл Великий, занятый в это время борьбой с саксами и расширением своих владений, охотно откликнулся на это обращение, рассчитывая из этого получить пользу для собственной империи. Летом 778 г. он обогнул Пиренеи со своими отрядами и через некоторое время очутился у стен Сарагоссы. Что именно произошло дальше, мы в точности не знаем, но нам известно, что как только Карл получил тревожные известия о новом восстании саксов, он со своими войсками поторопился в обратный путь. Его войско уже было вблизи франкской границы, как вдруг арьергардные его части подверглись неожиданному нападению со стороны воинственных басков. Отряд был окружен, произошла кровавая резня, в которой погиб Роланд, граф Бретонский. Этот по существу незначительный эпизод остался в памяти последующих поколений, но в сильно приукрашенном виде. В XI в. он лег в основу знаменитой «Песни о Роланде», которая пользуется широкой известностью как один из ярких памятников средневекового художественного творчества. Несколько позднее Карл Великий вознаграждал себя за это поражение, отняв у арабов северо-восточный угол Испании, получивший впоследствии название «Испанской или Барселонской Марки» (пограничной области). Что же касается Абдерахмана, то в конечном итоге он взял верх над своими противниками и получил всеобщее признание как самостоятельный эмир не только в Испании, но и со стороны багдадского халифа. Столицей он сделал Кордову. Позднее, уже в X в., при одном из его преемников, это государство получило название *Кордовского халифата*.

Возникновение в Испании могущественного арабского государства уже само по себе служило наглядным показателем того, что появление новых завоевателей на полуострове дало выход из того кризиса, в каком находилась визиготская монархия в последний период своего существования. Арабы и африканские мавры овладели основной материальной базой полуострова с цветущими и благодатными районами, с крупнейшими городскими центрами — насле-

дием визиготского и римского времени. И сами завоеватели как народность были еще на ранней ступени своего роста, они были вполне жизнеспособной силой, уже воспринявшей богатое наследие греческой и восточной культур. Но приход арабов в Испанию еще больше осложнил там внутреннюю обстановку, придав еще более острый характер классовой борьбе и социальным противоречиям, создавшимся в предшествующий период. Как мы видели, и среди пришельцев не было единства: социальные противоречия осложнялись неоднородностью их племенного состава и религиозными разногласиями. Все это придавало необычайно противоречивый характер всему ходу дальнейших событий в Испании. И чем больше укреплялось экономическое и политическое могущество Кордовского эмирата, тем острее и ярче раскрывалась вся сумма указанных противоречий, разобраться в которых не так легко из-за того, что они облекались в религиозную оболочку.

Для понимания дальнейших событий очень важно учесть, что основная масса трудящихся групп населения романо-визиготского происхождения осталась на местах и подчинилась новому политическому порядку. На север бежала главным образом знать и высшее духовенство. Полностью удержалось на местах многочисленное еврейское население, которое от смены господства только выиграло. Среди завоевателей руководящая роль принадлежала арабской знати, сторонникам правоверной религии Магомета. Они и образовали главную правящую верхушку на полуострове. Арабские знатные фамилии мы могли бы сравнить с западноевропейскими герцогами и графами. Но уже с самого начала, наряду с чистокровной арабской аристократией, как мы видели, Испанию стали заселять воинственные берберские племена, так называемые мавры, стоявшие на более низкой ступени развития и занимавшие более низкое общественное положение. Отсюда неизбежно рождалось противоречие между арабами и маврами, принимавшее форму племенных и религиозных противоречий. Вместе с тем мавры составляли основную военную силу Кордовского эмирата.

Однако новые завоеватели полуострова застали там уже вполне сложившийся феодальный порядок с отчетливым подразделением на классы и группы. Поэтому, утверждение завоевателей в Испании могло означать только смену одних феодальных властителей другими и борьбу как между ними, так и между отдельными прослойками среди самих завоевателей. Овладение почти всем полуостровом с его замечательными естественными богатствами и с не менее богатым культурным наследием создавало условия для дальнейшего развертывания на территории Испании феодальных отношений. Только под таким углом зрения мы и можем рассматривать историю Кордовского эмирата. Ведь и во всей остальной Европе ход феодального развития складывался таким же образом, но нигде, однако, мы не найдем такой невероятно сложной обстановки, как именно в Испании. Здесь с давних времен скрещивались Восток с Западом, азиатские отношения с европейскими, и с каждым новым периодом создавались новые наслоения, усложнявшие картину общественных отношений. Ни природные условия ни вся предшествующая история не содействовали объединению страны, а мощный экономический расцвет арабской Испании при таком многообразии и противоречивости общественных сил точно также не в состоянии был преодолеть разнородность отдельных областей и провинций и обеспечить политическое объединение страны.

Рассмотрим теперь наиболее крупные события политической истории Кордовского эмирата. После смерти Абдерахмана I в течение целого столетия укрепление эмирата и рост могущества эмиров идет параллельно и в тесном взаимодействии с длительными и сложными по своему характеру междоусобными войнами. Политический строй государства по форме представлял деспотию восточного типа. Верховным и неограниченным главою государства был эмир, назначавший своих министров и правителей отдельных провинций — вали, которые непосредственно зависели от самого повелителя. Провинции распадалась на более мелкие подразделения и города, в которых вся власть принадлежала должностным лицам, зависевшим от вали, или губернатора данной провинции. Эмиры назначали себе преемников, и в этом отношении эмират отличался от своей предшественницы — визиготской монархии, в которой, как мы уже видели, королям так и не удалось придать своей власти наследственный характер. Но в остальном система управления не изменилась сколько-нибудь существенно, и, несмотря на деспотический характер власти эмиров, их государство, как и в визиготские времена, потрясилось кровавыми междоусобиями и широкими длительными движениями, характер которых не всегда удается установить. В большинстве случаев эти междоусобия и бесконечные восста-

ния губернаторов отдельных провинций сильно напоминают борьбу крупных западноевропейских феодалов, добивавшихся полной независимости или королевской короны. И в Испании VIII—IX вв. почти каждая смена на престоле сопровождалась вспышками мятежей, перераставших часто в крупные восстания. Нередко центром недовольства становилась столица эмирата Кордова, уже тогда поражавшая блеском и пышностью своих строений, сказочными богатствами, но вместе с тем и социальными контрастами, глубиной противоречий между высшими и низшими группами населения. Расточительная жизнь двора, расходы на сооружение таких грандиозных построек, как знаменитая кордовская мечеть, этот замечательный памятник арабского искусства,— все это тяжелым бременем ложилось на податные группы, и они легко поддавались на агитацию партии религиозных фанатиков, преследовавших свои собственные интересы. Так, в 814 г. вслед за фанатиками в Кордове поднялись жители предместья, и эмир Хакем был осажден в своем собственном дворце. Один из арабских летописцев сообщает любопытную подробность, что восставшие были недовольны введением нового налога. Хакем решительно расправился с мятежным населением столицы, изгнав из пределов Испании свыше 20 тысяч семейств.

Наиболее крупным и серьезным очагом восстаний в течение десятков лет был Толедо — бывшая столица визиготских королей. Здесь преобладало испано-готское население, так называемые «мосарабы» (испанцы, принявшие ислам) или «ренегаты» (по-испански «ренегадос», т. е. отступники от христианства). Наряду с евреями они занимались главным образом торговлей и промышленностью. Среди них было много выходцев из низших сословий, вплоть до освобожденных рабов. Несмотря на более мягкий режим арабских властителей, ренегадос все же ниже стояли по своему общественному положению по сравнению с мусульманской знатью. Все это создавало чрезвычайно сложную обстановку в Толедо, обладание которым было далеко не безразлично для кордовских правителей, обосновавшихся в южной Испании. Кастильское плоскогорье, в центре которого стоял Толедо, отделяло арабскую Испанию от северных государств, которые готовы были воспользоваться всяким удобным моментом, чтобы расширить свою территорию и продвинуться на юг. Между населением Толедо и северными государствами создавалось тесное взаимодействие, и при возникновении восстаний и мятежей все недовольные и преследуемые тянулись на север — к Гвадарраме и к Пиренеям. Северная граница эмирата терялась где-то за пределами Толедо. Положение здесь в особенности осложнилось с того момента, когда северо-восточное побережье с крупнейшим центром этой области, городом Барселоной, было потеряно Хакемом в результате ряда военных экспедиций, предпринятых Карлом Великим в 798 и 801 гг. Из завоеванных территорий образовалась пограничная область могущественной франкской империи, так называемая Испанская Марка, история которой в дальнейшем уже тесно связана с историей франкского государства и северных испанских государств. Потеря северо-восточного побережья с крупнейшим портом Барселоной создавала отныне постоянную угрозу северным границам халифата и новую точку притяжения для беглецов из арабской Испании.

В таких условиях всякое проявление недовольства в Толедо представляло серьезную опасность для арабов. И в действительности, этот вечно мятежный город на протяжении почти целого столетия причинял сильное беспокойство ближайшим преемникам Абдерахмана I. Первое крупное движение произошло в Толедо еще во времена Хакема. Местная знать с давних времен мечтала о независимости и втягивала в борьбу широкие массы городского населения. В самом городе арабов и берберов было ничтожное количество, они главным образом расселились в окрестностях, в поместьях бежавших на север визиготов. Местное население продолжало смотреть на Толедо как на королевскую столицу. Он оставался и после завоевания крупнейшим центром христианства и церковной учености. Горожане всегда были готовы взяться за оружие для защиты своей свободы и независимости. По замечанию одного арабского летописца, «ни у одного государя не было столь беспокойных и мятежных подданных», как толедцы. Хакем и решил раз навсегда покончить с этим очагом мятежа и привести жителей Толедо к полному и безусловному подчинению. Но сделал он это исключительно коварным и кровавым способом, по тщательно продуманному плану.

В 807 г. Хакем назначил правителем этого города одного знатного ренегата местного происхождения по имени Амрюс. Ему он предложил расположить к себе население мягким обращением, поддерживая мечты о свободе и независимости. Амрюс как нельзя лучше выпол-

нил возложенную на него задачу. Он снискал себе полное доверие горожан всех рангов и положений, от знати до простолюдина. Усыпив такими путями бдительность своих подвластных, Амрюс пустился дальше на одну хитрую уловку, сыгравшую роковую роль в последующих событиях. Зная о том, что толедцы сильно страдали от военных постоев, он предложил жителям соорудить в возвышенной части города крепость, в которой можно было бы поместить гарнизон. Ничего не подозревавшие жители горячо приняли предложение губернатора, считая это новым знаком его дружеского расположения. Богатые предоставили в распоряжение коварного правителя свои средства, а бедные — свой труд для сооружения крепости. Когда постройка крепости была закончена, Амрюс уведомил об этом Хакема и тот направил в Толедо отборные военные части под предводительством наследника престола Абдерахмана. Войска были отправлены под предлогом защиты северных границ, которым якобы угрожали франки. Но когда войска подошли к Толедо, то было объявлено, что тревога оказалась напрасной. Оставалось только под благовидным предлогом ввести отряды внутрь города. Амрюс во главе крупнейшей толедской знати нанес визит войскам, расположившимся неподалеку от города. Депутация была очарована приемом, какой ей был оказан наследником престола, и по внушению губернатора она обратилась с просьбой к юному Абдерахману оказать честь жителям города и пожить среди них, чтобы окончательно закрепить узы дружбы и взаимной преданности. Предложение было милостиво принято, войска вступили в город, который деятельно готовился почтить гостей торжественным и пышным банкетом. В качестве представителей от города были {69} выделены по списку, тщательно составленному Амрюсом, вся толедская знать, наиболее именитые и богатые граждане и все, кто так или иначе был замешан или заподозрен в предшествующих мятежах.

В назначенный день с утра потянулись к крепости, где был назначен банкет, приглашенные лица. Их вводили внутрь по одному и когда каждый из них проходил через крепостной двор, где была вырыта глубокая яма, стоявшие наготове солдаты отрубали ему голову. Эта бойня продолжалась несколько часов, и огромные толпы горожан, окружавших крепость, долго недоумевали, почему их именитые сограждане не выходят обратно, пока, наконец, один наблюдательный медик не высказал вслух свою догадку, заметив густые пары над крепостью: «Увы, этот пар исходит не от пиршественных яств, а от крови ваших убитых собратьев». Количество убитых современные летописцы определяют различно, от сотен до нескольких тысяч. Так трагично закончился этот «День ямы», как он известен в истории Испании.

Население города, ошеломленное столь невероятной расправой, не оказало сопротивления, но «День ямы» едва ли когда мог изгладиться из его памяти. Через несколько лет жители разрушили крепость, построенную коварным Амрюсом, а прилегающие к городу районы охвачены были восстаниями крестьян. Хакем направил сюда целую карательную экспедицию, которая предала Толедо огню и разграблению.

В 822 г. на престол вступил Абдерахман II. Несмотря на внешние успехи в борьбе с северными государствами, несмотря на покровительство наукам и искусствам, на придворный блеск и пышность, и это правление было почти сплошь заполнено смутами и восстаниями. Широкое движение охватило провинцию Мурсию, а в связи с этим движением вновь заволновались толедцы. На этот раз (в 829 г.) во главе движения стал ренегад Хашим, кузнец по роду своих занятий. Его жилище было предано огню еще при подавлении предыдущего восстания войсками Хакема. Сам Хашим покинул родину и долгое время жил в Кórдове, не покидая мысли отомстить за себя и своих сограждан. Он создал из ремесленников подпольную организацию и в 829 г. напра- {70} вился в Толедо. Его сразу приняли как организатора и вождя нового восстания. Городские массы сразу к нему примкнули и выгнали из города солдат и приверженцев Абдерахмана II. Движение охватило не только самый город, но и всю окрестную провинцию. Крестьяне, ремесленники, рабы и все недовольные существующим порядком образовали грозную силу, против которой оказались бессильны правительственные войска. В течение целого года Хашим был хозяином положения во всем толедском районе, и только с большими усилиями одному из военачальников эмира удалось разбить армию восставших и расправиться с самим вождем. Но Толедо все же оставался непокорным. В 834 г. войска эмира осадили город, но жители дали такой решительный отпор осаждавшим войскам, что те вынуждены были снять осаду и вернуться в Кórдову. Однако к несчастью для себя население Толедо на этом успехе успокоилось и не проявило должной бдительности. Оставленный для наблюдения над

мятежным городом отряд во главе с одним предателем — ренегатом — воспользовался удобным моментом и нанес горожанам жестокое поражение. Но и это еще не означало подчинения. Во всяком случае в течение восьми лет Толедо сохранял и успешно отстаивал полную свою независимость. Настоящее подавление непокорного города стало возможным только с того момента, когда внутри его начались раздоры между отдельными группами населения. К сожалению, современные летописи слишком скупо говорят об этой внутренней борьбе. Мы только знаем, что борьба эта происходила между христианами и ренегатами. Одна часть ренегатов, наиболее зажиточная, передалась на сторону правительства и помогла организовать осаду города. Жители выдерживали эту осаду в течение целого года, отвергая всякие мирные условия, пока, наконец в июне 837 г. город не был взят приступом. Эмир заставил жителей вновь восстановить крепость Амрюс, которую они раньше разрушили.

В последние годы правления Абдерахмана II и при его преемнике Магомете I классовые противоречия приняли особенно сложный и запутанный характер. Наряду с восстаниями в отдельных областях, боровшихся {71} за свою независимость, в самой столице арабского государства Кордове возникло движение, чрезвычайно своеобразное по самой своей форме. Нужно сказать, что ко второй половине IX в. полуторавековое господство арабов на полуострове стало давать свои плоды. Страна, несмотря на бурный ход политических событий, экономически развивалась, сельское хозяйство, промышленность, торговля втягивали обе составные части населения — визиготскую и арабско-берберскую. И уже сказывалось культурное превосходство победителей над побежденными. Некоторые благочестиво настроенные христианские писатели того времени горько сетуют на то, что книги священного писания и самый латинский язык в большом пренебрежении. Все в восторге от арабских поэм и романсов, усиленно изучают и читают мусульманских богословов и философов, не хотят знать никакой литературы кроме арабской, забыли свой собственный язык. «Из тысячи едва одного найдешь, кто бы мог написать другу письмо на чистой латыни. Но как только дело доходит до арабского языка, то как много находится таких, кто хотел бы говорить на этом языке с величайшей изысканностью и даже слагать стихи, которые бы превосходили по своему совершенству произведения самих арабов».

Экономический рост страны при арабах, вызывавший социальное расслоение, отодвигал на задний план и правоверие как магометанское, так и христианское. Увлечение классическими писателями, развитие наук хотя бы и в ограниченных средневековых рамках, общий культурный подъем, сказавшийся и в расцвете художественной литературы и в области искусства (замечательные памятники архитектуры), — все это не могло не порождать сомнения и во всяком случае равнодушия к «религии отцов и предков». Таково было настроение передовых кругов общества, независимо от национальности — испанской или арабской. Но отсюда и становится понятным, почему именно в это время появляются ревнители «старой веры» как в среде христианско-католической, так и магометанской. Среди магометан это течение фанатиков и ревнителей чистоты старой религии явилось раньше, среди христиан оно с особой {72} силой сказалось именно во второй половине IX в. Кордовские повелители в общем придерживались политики веротерпимости и не находились еще под давлением группы религиозных фанатиков. Если они начинают менять эту политику, то приписать это в значительной степени нужно вызывающему поведению одной части католического духовенства, которое католицизм сделало знаменем борьбы за освобождение из-под ига неверных. Там, где это было возможно, оно поддерживало местные восстания, там, где оно было бессильно открыто выступать на борьбу и вести за собой пасомых, оно предпочитало другой и весьма своеобразный путь, путь мученичества за веру. Центром этого движения и была столица арабской Испании — Кордова. Ярким выразителем этого течения был епископ Евлогий, суровый аскет, неистово преданный «истинной религии» и ярый ненавистник магометанства. Под его влиянием образовалась значительная группа фанатиков, которая намеренно оскорбляла мусульман, проклинала Магомета, высмеивала магометанские обряды и верования с тем, чтобы добиться преследования и смерти, принятия «мученического венца».

Любопытно, что Абдерахман II отнесся довольно осторожно к этому движению и даже созвал собор католических епископов по этому вопросу. Большинство духовенства высказалось против «добровольного мученичества», но Евлогий этому решению не подчинился и под его влиянием многие ревнители католической веры, казненные арабами, были объявлены цер-

ковью святыми. После смерти Абдерахмана II, при Магомете I, дело приняло более серьезный оборот, так как новый правитель под влиянием магометанских фанатиков начал решительную борьбу против католиков, разрушал церкви, сурово преследуя христиан и увеличивая количество «мучеников за веру». В такой обстановке снова выступает на первый план город Толедо, готовый воспользоваться всяким поводом, чтобы отстоять свою независимость. Узнав о преследовании христиан в Кордове, толедцы подняли восстание. Высланным против них отрядам они нанесли жестокое поражение и стали угрожать самой столице. Это заставило самого Магомета I двинуться в поход во главе отборных войск (854 г.). Толедо обратился за помощью к северным государствам. Но благодаря хитрости (притворному бегству) Магомету удалось жестоко разгромить армию Толедо и его союзников из северного королевства Леон. Было обезглавлено до 8 тысяч человек. И все же это не сломило сопротивления горожан. В то время как в Кордове сами христиане выражали недовольство своими единоверцами-фанатиками за их вызывающее поведение, Толедо становится главной базой для ярых противников магометанства. Вопреки запрещению Магомета I, местные епископы избрали своим главой упомянутого Евлогия. Новая экспедиция против Толедо оказалась и на этот раз удачной для кордовского владыки; он и в данном случае пошел на коварную хитрость, взорвав мост через Тахо как раз в тот момент, когда толедцы преследовали его отряд. Вскоре после этого Магомет I расправился и с Евлогием, предав его казни (859 г.). После этого движение стало затихать, но церковь использовала его, объявив всех кордовских мучеников «святыми» и соорудив в честь их святилища и храмы.

Конец IX и начало X в. дают картину еще более широких движений, чем в предыдущее время. Толедо по-прежнему стоял на страже своей независимости. Несмотря на то, что Магомет I жестоко расправился с Толедо, борьба возобновилась через некоторое время. Характерной особенностью этого этапа борьбы была связь толедского движения с попытками христианских государств на севере Испании продвинуться на юг и расширить свои территории. Толедо как раз был на пути этого наступления как важный стратегический пункт. Неудивительно, что на этот раз и борьба самого Толедо оказалась более успешной. В 873 г. кордовский эмир вынужден был заключить с этим непокорным городом формальный договор. Населению Толедо было предоставлено право избирать свой совет, назначать себе губернатора, самостоятельно ведать городскими и церковными делами. Единственным обязательством Толедо по отношению к эмиру осталась только ежегодная уплата дани. Но фактически с этого времени Толедо обособляется и выделяется из состава арабского государства как, почти самостоятельная республика. Положение Толедо стало укрепляться благодаря усиливавшейся связи между ним и северными государствами. Арабское государство еще далеко не утратило своего могущества, наоборот, оно находилось накануне нового и небывалого подъема, но уже теперь стало намечаться то собиравшие силы в северной половине полуострова, которому через полтора столетия суждено было круто повернуть весь ход испанской истории.

Самый факт установления независимости Толедо стал оказывать сильное влияние и на другие города и целые области арабской Испании. Борьба за независимость с конца IX в. принимает чрезвычайно широкий характер. Наибольшую опасность для арабов представляли движения на северной границе государства, вблизи Испанской Марки. В то время, когда Толедо добился своей независимости, между рекой Эбро и Пиренеями возникло движение во главе с ренегатом визиготского происхождения Бени-Кази. Он отложился от Кордовского эмирата и образовал самостоятельное государство, в которое входили Сарагосса, Тудела и Уэска. Бени-Кази, очевидно, был типичным феодалом и, добиваясь независимости, то заключал союз с христианскими государствами, то переходил на сторону эмира. Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что стремление к самостоятельности, охватившее северную половину полуострова, т. е. Кастильское плоскогорье, представляло серьезную опасность для основной территории арабского государства — южной Испании. Но и там с конца IX в. началась широкая полоса движений, длительная гражданская война, характер которой видоизменялся по отдельным областям. Главную роль в этих движениях играли ренегатос. Несмотря на то, что в их руках сосредоточивалась промышленность и торговля, их положение в государстве было неизмеримо ниже, чем арабских аристократов, обширные поместья и плантации которых разбросаны были по всей южной Испании. Характерно, что движения этого периода уже не носят той религиозной окраски, какой отличались движения середины IX в. Агитация фанатиков — рев-

нителей правоверия мусульманского и католического {75} безразлично — уже не имела успеха. В большинстве случаев борьба шла между арабской аристократией, в руках которой сосредоточились колоссальные земельные богатства, и массой промышленного и торгового населения, к которой время от времени примыкали и крестьяне. Самое название «ренегады» теряло свой первоначальный смысл, и если оно употреблялось, то больше по привычке, так как в движениях ренегады и христиане обычно выступали совместно. Точно также и племенные отличия уже в значительной степени сгладились: основная масса участников борьбы — это *испанцы* как уже оформившаяся народность.

Указанные движения охватили почти все южно-испанские провинции и во многих случаях они имели своей целью установление независимости. Такой именно характер носили движения в Эстремадуре, где действовал ренегад Бен-Меруан. Опираясь на союз с северным государством Леон, он добился признания независимости и уступки Бадахóза. Но особенно широко и с гораздо более значительными последствиями развернулась гражданская война в Андалузии — этой богатейшей области южной Испании. Во главе движения стал человек с выдающимся военным и политическим дарованием, по имени Омар. Он происходил из старинной визиготской фамилии, его дед сделался ренегадом, т. е. принял ислам. Отец имел довольно значительное состояние, но у самого Омара стали обнаруживаться черты бродяги и авантюриста. Еще будучи молодым человеком, Омар бежал из отцовского дома и обосновался в диких трущобах гористой части Андалузии, у подножья горы Бабастро. Дальше начались его скитания, полные приключений. Он побывал в Африке, некоторое время состоял учеником у одного портного и, наконец, вновь вернулся в 880/881 г. в свое первоначальное убежище у горы Бабастро. Здесь он набрал себе целый отряд таких же искателей приключений, как и он сам, воспользовался остатками одной римской крепости на неприступной скале, укрепил ее и превратил в базу для набегов. Эти набеги приняли настолько серьезный характер, что власти приняли меры, захватили Омара и представили эмиру. Тот, разгадав в Омаре {76} военные способности, включил его вместе с его отрядом в состав армии. В 884 г. он уже стал командиром и был на хорошем счету, но дух авантюриста взял в нем верх, и в 884 г. он бежал из столицы, вновь очутился в своем любимом убежище и прогнал из крепости гарнизон эмира. С этого момента он из авантюриста становится вождем движения, охватившего всю южную Испанию. В своем манифесте Омар обращается ко всем своим соотечественникам как мусульманам, так и христианам: «Слишком долго,— обращается он к ним,— вы терпели ярмо султана, который грабит вас и обременяет налогами. Долго ли вы будете сносить гнет арабов, которые смотрят на вас, как на рабов. Не думайте, что личная честь заставляет говорить вам таким образом. Моя честь заключается только в том, чтобы отомстить за ваши страдания и освободить вас от рабства». По замечанию одного современного арабского историка, «когда Омар выступал с такими речами, все, кто слушал его, выражали ему признательность и обещали полное повиновение». Так началось это движение, получившее с 884 г. чрезвычайно широкий размах. До 886 г. эмир серьезно даже не пытался его подавлять, а если и делал попытки, то безуспешно. В течение короткого времени Омар стал господином над всей Андалузией, но особенно крепко за него стояли Малага, Гранада, Хаэн. Неоднократно Омар подступал к стенам самой Кóрдовы.

Преемники Магомета I эмиры Алмондир и Абдалла не один раз вынуждены были заключить договор с Омаром и признавать независимость его владений. Борьба тянулась больше тридцати лет и только в последние годы движение начало слабеть. У Омара не было отчетливой политической программы и хорошо обдуманного плана действий, но само движение представляет большой интерес как показатель намечавшегося перелома во внутреннем развитии арабской Испании. В этом отношении любопытны отдельные эпизоды этой гражданской войны, касающиеся таких крупных промышленных и торговых центров, как Эльвира (возле Гранады) и в особенности Севилья. Здесь арабская знать, пользуясь слабостью упомянутых двух эмиров, добивалась полной самостоятельности. Местные губернаторы из ро-{77}довитой арабской знати отказывались от подчинения эмиру, но их области находились в состоянии невероятной анархии. Это сильно напоминало феодальные междоусобия Западной Европы; таковы они в действительности и были. Борьба арабских феодалов и ренегадов совместно с христианами приняла в Севилье, особенно кровавый и разрушительный характер. Эмиру Абдалла лишь в последние годы правления удалось подавить эти движения, а после его смерти в 912 г.

на престол вступает Абдерахман III (912—961 гг.), при котором арабская Испания достигает наивысшего своего могущества.

Ко времени выступления на престол нового правителя тянувшаяся десятками лет гражданская война раздробила страну, подвластную кордовским эмирам, на ряд обособленных и независимых областей. Казалось, что могуществу владык Кóрдовы пришел конец. Бывали моменты, когда власть Омара, господствовавшего в самой богатой части южной Испании, больше признавалась, чем власть эмира. Но в ходе этой сложной борьбы в начале X в. произошли существенные изменения. Широкое движение ренегатов стало вырождаться. Если на первых порах оно составляло как бы противовес засилию феодальной верхушки арабской знати и под знамена Омара вставали наиболее прогрессивные силы испанского общества — купцы, ремесленники и даже крестьянские массы, то в дальнейшем этот широкий фронт начал распадаться, что и сказалось на поведении самого вождя. Его окружает уже привилегированная верхушка, захватившая поместья, укрепившаяся в замках и действовавшая уже под знаменем креста. Вновь разгорелись религиозные страсти. Сам Омар превратился в ревнителя католицизма, разжигателя ненависти против мусульманства. В цветущей Андалузии, теперь совершенно опустошенной, стали сооружаться церкви. В самом Бабастро — укрепленной резиденции Омара — по почину его фанатичной дочери возникло некоторое подобие монастыря с суровым режимом, жадной мученичества за «истинную веру» и непримиримой ненавистью к неверным. Но широкая масса сторонников отпала, и последний этап этого движения {78} представляет собою борьбу двух группировок феодалов, причем Омару приходится черпать свою военную силу среди наемников северной Африки, готовых бороться за сходную цену во имя чего угодно. Отсюда невероятный бандитизм, от которого в первую очередь страдали трудящиеся массы.

Когда вступил на престол Абдерахман III, человек несомненно выдающийся, то ему пришлось иметь дело уже с резко изменившимся характером гражданской войны. То, что намечалось в лучшие годы руководства движением Омаром, т. е. объединение государства, удалось осуществить новому кордовскому владыке, в качестве неограниченного монарха. Его и поддержали те группы испано-арабского общества, которые раньше стояли за Омара. К нему можно применить то, что сказал Энгельс относительно западноевропейских королей XII—XV вв. (учтя, конечно, все особенности испанской истории): «Она (королевская власть — А. К.) была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства» (О разложении феодализма и развитии буржуазии, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 445). Экономическое развитие полуострова, сказавшееся с особой силой в X в., создавало все необходимые условия для политического объединения страны. Здесь и нужно искать причину того крутого поворота в политике, которая стала проводиться Абдерахманом III и его преемниками на протяжении всего X и начала XI в.

Первые годы правления Абдерахмана III уходят на ликвидацию многочисленных обособившихся провинций и городов. Ряд таких пунктов, как Хаэн, Эльвира и др., сразу сложили оружие и признали власть нового повелителя. Но в горных областях южной Испании — в Серрания де Ронда, Сьерра-Невада — еще держались мятежные группы под верховным руководством Омара Ибн-Гафсуна и занимались настоящим бандитизмом или вели «малые войны». Именно к этому времени относится восстановление христианства, резкое усиление католического влияния на Омара и его приверженцев. Религиозный фанатизм, вызывающее поведение в отно- {79} шении магометан, настойчивое стремление путем свержения арабского господства вернуть обратно отобранные церковные земли и исключительные привилегии не могли не напомнить многим ренегатам худшие времена визиготской монархии, и они решительно становились на сторону Абдерахмана III. Но последнему далеко не сразу удалось сломить сопротивление в районе Серрания де Ронда, где находился главный оплот Омара — укрепление Бабастро. Попытки добровольного соглашения ни к чему не приводили. Омар до конца своих дней продолжал сопротивляться. После его смерти в 917 г. его дело продолжали сыновья, и только через десять лет, в июне 927 г., началась решительная осада замка Бабастро, и через полгода, в январе 928 г., он был взят.

Этот успех сыграл решающую роль в деле полного овладения всей южной Испанией. Пункт за пунктом сдавался могущественному эмиру. Абдерахман III действовал не менее ре-

шительно и против арабской знати, утвердившейся в отдельных гнездах и занимавшейся грабежами и разбоями. Все их укрепленные пункты были взяты, и власть эмира была восстановлена во всей южной половине Испании. Более сложная задача заключалась в подчинении независимых областей центрального плоскогорья. После упорной осады в 930 г. был взят Бадахос — этот крупный центр сопротивления в Эстремадуре. Оставался только один Толедо, ставший независимой республикой и центром притяжения для северных государств. Попытки договориться о добровольной сдаче ни к чему не привели, и в 930 г. сам эмир во главе отборных войск двинулся на завоевание непокорного города. Прошло, однако, еще два года длительной и упорной осады, пока, наконец, поражение войск из Леона, шедших на помощь осажденным, и голод не сломили сопротивления толедцев. После 932 г., когда пал Толедо, вся страна находилась в полном подчинении у Абдерахмана III. Но оставались еще внешние опасности, которые угрожали как с юга, так и с севера.

К этому времени в дельте реки Нила образовалось новое самостоятельное арабское государство династии {80} {файл ispr80.jpg} Фатимидов, получившее название Каирского халифата. Это ставило под угрозу североафриканское побережье, примыкавшее к Испании, тем более, что Фатимиды настойчиво устремлялись к полуострову, наводнили Испанию и в особенности ее столицу Кордову шпионами и широко вели пропаганду разновидности магометанской религии с сильной примесью религии иранцев-огнепоклонников. Таким образом, и в данном случае соперничество и борьба двух сильных государств принимали форму борьбы религиозной. Но опасность со стороны египетских Фатимидов была ослаблена тем, что Абдерахман III подчинил себе так называемую Мавританию (нынешнее Марокко).

Опасность, грозившая с севера, представляла большие трудности уже по одному тому, что речь шла о государствах, хотя и небольших, но находившихся на полуострове по ту сторону центрального плоскогорья. Как проходила здесь борьба, об этом подробнее мы скажем ниже, а в данной связи достаточно только указать, что северные государства еще не были настолько сильными, чтобы отважиться на широкое наступление к югу от своих границ. В конце концов Абдерахману III удалось не только пресечь их попытки расширения своих владений, но даже неоднократно вмешиваться в их внутренние дела. Эти внешние успехи, наряду с удачным исходом внутренней борьбы, подняли авторитет монарха на недостижимую высоту. До сих пор Абдерахман III, как и все его предшественники, носил скромный титул эмира (т. е. «сына халифа»), высший же титул халифа носил только багдадский повелитель, которому принадлежала, власть над священными для магометан городами Меккой и Мединой. Но в X в. международная обстановка в обширном арабском мире сильно изменилась. Власть багдадского халифа простиралась только над одним Багдадом, в то время как могущество кордовского эмира необычайно возросло. И в 929 г. Абдерахман III имел все основания издать приказ, в силу которого, начиная с пятницы 16 января, он должен был отныне именоваться в публичных богослужениях и официальных документах как «Халиф, повелитель верных, защитник веры». {81}

С этого времени Кордовский халифат вступает в период высшего своего процветания, который длился на протяжении целого столетия. Власть халифа покоилась на широкой экономической базе, так как именно в это время Испания стала крупнейшим центром торговли и одной из самых богатых и населенных стран мира. Во всех областях хозяйственной жизни она переживала небывалый расцвет. Прежде всего это сказалось на положении сельского хозяйства, где наряду с местными культурами были введены новые, занесенные с азиатского востока (сахарный тростник, гранаты, пальмы), необычайно поднялась техника сельского хозяйства (как об этом свидетельствуют дошедшие до нас трактаты по сельскому хозяйству арабских писателей), создана была замечательная система орошений, превратившая пустынные пространства в цветущие поля. Особенно следует отметить развитие овцеводства. Арабы явились создателями особой породы тонкорунных меринов, дававших высокого качества шерсть. Не менее поражает мощный расцвет промышленности, в первую очередь рудного дела и металлического производства, но также и текстильной промышленности — суконной и шелковой. Заслуженной известностью пользовались керамические изделия, стекло, бумага, кожа, различные предметы роскоши. Особое место занимало производство оружия всех родов и замечательной художественной отделки. При таком многообразии сельскохозяйственной и промышленной деятельности Кордовский халифат стал и крупнейшим центром торговли. Самым значительным по размаху центром торговых операций была Севилья. Торговые суда и караваны Кордовского

халифата достигали отдаленнейших стран, играя первенствующую роль в мировой торговле того времени.

Столица халифата Кórдова по своему богатству, пышности, красоте своих строений, мечетей, дворцов, фонтанов, по стилю своей повседневной жизни представляла собой мировое чудо, с которым тогда можно было сравнивать только Багдад. Население ее равнялось, по сообщениям писателей того времени, 500 тысячам человек. В ней было 13 тысяч домов, сотни мечетей и дворцов, общественных бань, 28 предместий. Но особенной {82} славой пользовался кордовский университет, в котором учились десятки тысяч студентов, в том числе и многие видные представители западноевропейского феодального мира. Знаменитая саксонская монахиня Гросвита во второй половине X в. была в Кórдове и вынесла оттуда знакомство с латинскими писателями и поэтами. Она называет Кórдову «алмазом мира». Арабская Испания стала крупнейшим центром учености и просвещения, искусства и литературы уже в IX—X вв., когда остальная Европа пребывала в состоянии глубокого невежества и отсталости во всех сферах жизни.

Абдерахман III и его преемники явились яркими выразителями этого небывалого расцвета Испании и проводниками политики, которая отвечала интересам наиболее прогрессивных сил испанского общества того времени. Каковы же эти общественные силы и какие изменения произошли в X в. во взаимоотношениях между отдельными классами и группами в арабской Испании? Если сравнить начальный момент утверждения арабов на полуострове с X в., то мы прежде всего обратим внимание на упадок значения арабской знати, захватившей в период завоевания крупные поместья и составившей высший разряд феодального класса. Гражданские войны IX в. привели к ослаблению этой верхушки, даже к физическому уничтожению многих фамилий и во всяком случае к падению их политического веса. Абдерахман совершенно сознательно отстранял остатки этой знати от влияния и руководства. Что касается североафриканских племен, которые на всем протяжении этого периода оседали на полуострове, то знатная верхушка этих пришельцев, хотя и пополнила ряды господствующего класса, все же занимала не столь привилегированное положение, как арабская знать, а остальная масса вливалась в испано-готское население, не получая над ним преобладания.

Основной частью населения и в этот период оставалась именно испано-готская ее часть, расчленившаяся, однако, на определенные социальные группы. Испано-готы были главной действующей силой в период арабского господства, именно они и были подлинными создателями богатства и могущества Кордовского хали- {83} фата. Из их среды, а также из среды евреев выросли те группы, в руках которых были сосредоточены промышленность и торговля. Состав этой группы пополнялся из рабов, унаследованных от визиготского времени и поднявшихся на более высокую ступень в обществе благодаря принятию магометанства и превращению в так называемых мосáрабов, или ренегадос.

Наряду с городскими группами свободного населения, и в селах появилось свободное крестьянство — мелкие собственники, обрабатывавшие поля Андалузии, Валенсии, Мурсии. В итоге экономического развития выделились и значительные группы рабочих, живших наемным трудом. Но основную массу трудящихся на полях и в промышленных предприятиях все же составляли рабы и колонны. Их положение улучшилось сравнительно с визиготским временем. Наряду с этой категорией рабов, представлявших разновидность средневековых крепостных, в арабской Испании особое и значительное место занимали рабы личные, не связанные с производственной деятельностью. Из них многие достигали высокого положения при дворе, при гаремах (в качестве евнухов), в государственном управлении, наконец, в качестве телохранителей самого халифа и военной силы государства. Абдерахман III, отстранивший от управления и от своей особы старинную знать, осуществлял деспотический образ правления и делал своими чиновниками людей низшего ранга и в особенности рабов. Большей частью они были иностранного происхождения и вербовались из военнопленных или же путем покупки. Торг невольниками и в данный период, и позднее был широко распространен, особенно в бассейне Средиземного моря. Отчасти они поставлялись андалузскими пиратами, но главным образом они приобретались в итальянских портах. Продажа в рабство детей обоюбого пола занимала в этой торговле видное место. Наконец, для нужд гаремов невольников поставляли через южную Францию, и в Вердене существовала для этой цели посредническая контора. Немалую роль в этом посредничестве играли, наряду с евреями, монастыри и представители церкви. Так на-

пример, известно, что мона-^{84}стыри на реке Маасе (левый приток Рейна) покупали детей у местного крестьянства и перепродавали их.

Такова была экономическая и социальная основа Кордовского халифата в период его наибольшего могущества. Халифат, начиная с Абдерахмана III, представлял централизованное деспотическое государство с неограниченной властью монарха. Находясь под сильным влиянием новых экономических условий и передовой части испанского общества, втянутой в промышленность и торговлю, халифы своей политикой сыграли несомненно положительную роль в испанской истории, но все же и они не могли преодолеть наследия прошлого, пережитков рабского труда. В общественном строе халифата с самого начала давала себя знать одна его особенность, которая не предвещала длительного существования прочного порядка. Огромное количество невольников, включившихся в государственный и военный аппарат, оказывало разлагающее влияние на весь политический строй арабской Испании. Самый деспотический характер власти халифов определялся тем, что благополучие и богатство даже передовых слоев общества покоилось на принудительном труде, который преобладал над трудом свободных. В таких условиях могущество государства и его прогрессивная роль могли быть только временным явлением. При Абдерахмане III и его преемнике Алхакаме II (961—976 гг.) халифат был еще на подъеме, что в особенности сказывалось в небывалом расцвете культуры. Но уже при следующем халифе Хиксеме II (976—1013 гг.) руководящая роль перешла к его первому министру, получившему прозвище Альмансора. Он проводит реорганизацию военной силы государства, широко привлекая берберские элементы северной Африки. Военная мощь халифата сказалась в борьбе против северных государств. Войска халифата проникали в самую глубь христианских владений, они захватили в качестве добычи врата и колокола со святилища Сант-Яго де Компостела (предмет особого почитания христиан полуострова) и отодвинули северную границу халифата далеко на север, к Кантабрийским горам. ^{85}

После смерти Альмансора власть его преемника встретила решительную оппозицию со стороны выросшей за это время новой знати из берберских выходцев, а также из среды возвысившихся невольников. Наступает длительная, затяжная полоса смут, дворцовых переворотов при слабеющих халифах. С 1013 г. халифат стал расчленяться на ряд самостоятельных, но небольших по размерам государств, во главе которых стали местные губернаторы. Уже в 30-х годах таких государств было двенадцать, а ко второй половине XI в. их можно было насчитать уже целых двадцать три. Распад могущественного арабского государства означал не что иное, как упадок, разложение, раздробление власти в руках феодальной верхушки и падение удельного веса тех прогрессивных сил испанского общества, которые раньше влияли на политику халифов и обеспечивали единство и силу государства. Положение трудящихся масс резко изменилось к худшему, застарелые пережитки рабского труда оказывали влияние и на состояние труда свободных. Последние попадают под гнет местных феодалов, и оказываются в зависимом положении. Страна после столетнего перерыва вступает в длительную и затяжную полосу междоусобий, борьбы и соперничества многочисленных мелких тиранов, захвативших в свои руки крупные города и провинции.

В этой обстановке происходит новый, решающий поворот в исторических судьбах испанского народа. Последовательная смена властителей на полуострове каждый раз накладывала свой отпечаток на слагавшуюся испанскую народность. Смена властителей была сменой эксплуататоров широких народных масс, которым, несомненно, принадлежала решающая роль как основной движущей силы в историческом развитии Испании. Возникшие государства римлян, визиготов, арабов росли, укреплялись и приходили в упадок, становясь добычей новых пришельцев, а испанское общество сохранило свою жизнеспособность и силу сопротивления. Испанская нация формировалась и укреплялась, и если для властителей упадок означал гибель, то для испанского общества, для испанского народа период кризисов, смена властителей были сложным и мучительным ^{86} процессом роста. Мы видели также, что каждый из трех предшествующих периодов оставлял после себя и богатое наследие производительных сил и то, что мы называем культурой. В этом отношении господство арабов превзошло все остальные периоды испанской истории. Страна сильно двинулась вперед в своем экономическом развитии, и это дало выход для угнетенного класса из того невыносимого тяжелого состояния, в какое поставили трудящиеся массы светские и особенно духовные командующие группы визиготской монархии. Что же касается культурного наследия арабов, то оно и по сию пору поражает

нас в старинных центрах арабского господства, на юге Испании. Кордовская мечеть и знаменитый дворец гранадских эмиров, Альгамбра, являются наиболее ярким памятником арабского искусства не только в Испании, но и во всем тогдашнем мире.

———— {87}

ГЛАВА III

ОБРАТНОЕ ЗАВОЕВАНИЕ ЗЕМЕЛЬ («РЕКОНКИСТА»)

1. ЧТО ТАКОЕ РЕКОНКИСТА И ЕЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Мы подошли теперь к такому периоду испанской истории, который определил собою всю последующую судьбу испанского народа, все особенности его развития, его борьбы, его культуры. Этот новый период обычно называется периодом обратного отвоевания земель у мавров, или коротко по-испански периодом реконкисты. Однако самое название еще не определяет всего сложного содержания этого периода, которому суждено было сыграть столь решающую роль. Значение его раскрыто Марксом в статьях, посвященных революционной Испании XIX в. По его замечанию: «Местная жизнь Испании, независимость ее провинций и коммун, разнообразие в состоянии общества были первоначально обусловлены географическими свойствами страны, а затем развились исторически благодаря своеобразным способам, какими различные провинции освобождались от владычества мавров...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 721—722). Начало реконкисты восходит к XI в., а завершение — к концу XV в., когда в 1492 г. был взят последний оплот мавров Гранада и все отвоеванные у мавров территории объединились под властью брачной четы — Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского. В итоге образовалась испанская монархия, которая во многом отличалась от других европейских монархий. Наиболее характерное отличие заключалось в том, что эта монархия, как подчеркивает Маркс, «... нашла в Испании материал, по самой своей природе не поддающийся централизации...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 722), ибо слишком была глубока противоречивость общественных сил, слишком сложны были исторические условия как в рассмотренные уже нами периоды, так в особенности в период реконкисты, условия, в которых окончательно оформилась испанская нация и слагалось единое испанское государство в форме абсолютной монархии.

По существу говоря, реконкиста была по счету уже третьей попыткой объединения страны, если оставить в стороне период римского господства, относящегося к эпохе не феодального, а рабовладельческого общества. Эти три попытки объединения составляют и три этапа средневекового развития Испании, три ступени в образовании испанской феодальной системы. Время нашествия варваров — свевов, вандалов, аланов, наконец, визиготов и образование визиготского варварского королевства составляет начальный этап этого процесса; этот этап в значительной мере является еще периодом дофеодальным, но уже последнее столетие визиготского господства вводит Испанию в рамки феодального общественного строя. До этого момента ход испанской истории не представляет существенных отличий от хода европейской истории. Но, начиная с VIII в., исторические пути Испании и остальной Европы резко расходятся. На континенте Европы дальнейшее формирование феодализма и связанное с ним образование народностей находит свое выражение в распаде обширной империи Карла Великого, из которой выделяются все европейские нации, существующие и по настоящий день. На Пиренейском полуострове ход событий пошел иным путем благодаря тому, что визиготское королевство не обнаружило той жизнеспособности, какой отличалось соседнее франкское государство, и арабы вместе с африканскими маврами утвердились на территории бывшей визиготской монархии, отодвинув ее жалкие остатки далеко к северу. Период Кордовского халифата, как мы видели, был временем необычайного экономического, политического и культурного расцвета Испании, и уже одно это обстоятельство не могло не видоизменить существенным образом слагавшихся уже и раньше феодальных отношений на полуострове. Он ослабил остроту крепостных отношений предшествующего периода, открыв простор общественному разделению труда. Но мавритано-арабское владычество не превратило испанцев в арабов или

мавров, а наоборот, испанская на-^{89}родность продолжала формироваться — и при том в благоприятных условиях — в течение данного периода. В этом и заключается основное отличие исторического пути средневековой Испании от истории европейских государств. Отсюда вытекало и своеобразие периода Реконкисты, проводником которой явились остатки визиготской монархии на севере, лишившейся в итоге арабских завоеваний своей материальной базы.

Реконкиста — этот сложный и глубоко противоречивый процесс. Нельзя себе представлять его как одну только цепь завоевательных походов. Многовековая борьба между маврами и христианами имела тот же исторический смысл, как и относящиеся к той же эпохе войны за территории и классовая борьба внутри отдельных государств в остальной Европе. Это была борьба двух крупных коалиций в рамках одного и того же феодального строя, борьба за обладание материальной базой полуострова. К начальному моменту так называемой Реконкисты арабская Испания являла картину ожесточенной борьбы между представителями господствующего класса, распадавшегося на отдельные владетельные фамилии. В силу целого ряда причин и испано-арабский феодальный порядок вступил в фазу разложения, которая, однако, не создавала необходимых предпосылок для перехода на более высокую ступень экономического развития, в то время как северные феодальные государства, хотя и медленно, но продолжали развиваться по пути оформления феодальных отношений. Реконкиста была широким массовым движением на юг, захватившим все группы феодального общества, не только сеньоров, но и горожан, а также и все разновидности угнетенного класса. Первых манила на юг жажда земельных и материальных захватов, крестьянство искало выхода из-под феодального гнета, а для испанского города это открывало широкие возможности развития.

Однако особенностью исторического развития Пиренейских государств явилось то, что продвижение на материально богатый юг, освоение всей территории полуострова и овладение производительными силами, унаследованными от мавров, с одной стороны, создавало необходимую базу для экономического и политического объединения страны и в то же самое время резче выявляло особенности отдельных составных частей этого «общехристианского» фронта, который сам раздирался глубокими противоречиями как между отдельными областями, так и внутри каждой из них. В итоге и создавался такой материал классовых взаимоотношений, который, по замечанию Маркса, не поддавался централизации.

Но почему это наступление на юг полуострова, эта широкая колонизация отвоеванных у мавров земель начинается именно в XI в.? Потому ли, что рушилось могущество кордовских халифов, или в жизни северных государств произошли изменения, настойчиво толкавшие их на овладение территорией полуострова и его материальными богатствами? Основную причину Реконкисты нужно, конечно, искать на севере, а не на юге Испании. Именно там наметился перелом в общественном развитии этих маленьких государств. Характерно, что и в остальной Европе на тот же XI в. падает момент крупного сдвига как в экономическом, так и в политическом развитии отдельных стран, и этот сдвиг сказался на ряде таких событий, как крестовые походы, завоевание Англии норманнами, немецкая колонизация на восток за реку Эльбу и т. д. В основе этого перелома в феодальном развитии Европы лежало отделение труда промышленного от труда, земледельческого, ремесла от сельского хозяйства, города от деревни. Этот крупный этап в процессе общественного разделения труда явился показателем экономического роста в рамках феодального строя и как его результата — усложнения картины общественных отношений и обострения классовых противоречий. В Испании этот общеевропейский перелом в историческом ходе событий имел свои особенности, для выяснения которых нам необходимо хотя бы коротко остановиться на истории северных государств периода, современного существованию Кордовского халифата и предшествовавшего начальному моменту Реконкисты, т. е. XI в.

Трудно сказать на основании имеющихся данных, насколько продвинулось вперед экономическое развитие той части полуострова, которая уцелела от арабских завоеваний. В течение VIII—X вв. она представляла ^{91} ряд небольших территорий, слабо связанных между собой и отрезанных от внешнего мира уже в силу природных условий. Уцелевший остаток визиготской монархии в VIII в. (после битвы при Ковадонге в 718 г., остановившей дальнейшее продвижение арабов) состоял из королевства Астурии (со столицей в Овиедо, а потом в Лео-не), Наварры и Испанской Марки. Каждая из них в свою очередь слагалась из ряда отдельных областей, ютившихся в горных ущельях и долинах. Так, например, Астурия включила в себя

Галисию (бывшая территория свевов), Астурию в собственном смысле и горные области басков. Испанская Марка, первоначально образованная из областей, завоеванных франками, но очень скоро (в начале IX в.) ставшая фактически независимой, распадалась на отдельные мелкие территории, из которых и образовалось в 874 г. графство Барселонское. Наконец между верхним и средним течением реки Эбро и Пиренеями наметилось и третье государственное образование — Наварра и Арагон, из которых последний получает перевес и становится королевством с 1037 г. Эти раздробленные и разъединенные государства, занимавшие узкую северную часть полуострова, экономически резко отличались от арабской Испании, владевшей наиболее плодородными и богатыми областями. Преобладание натурального хозяйства, слабое развитие промыслов, ограниченный обмен, недостаток необходимых средств существования, отсутствие постоянных сношений с внешним миром, набеги и опустошения норманнов и мавров, частые голодовки и эпидемии — таков был общий фон жизни на севере полуострова. Экономическое развитие этих областей медленно подвигалось вперед, в то время как власть сеньоров над крестьянами продолжала расти. Постоянные войны между феодалами еще более ухудшали положение зависимых групп населения. Короли широко практикуют раздачу земель и замков представителям знати, сумевшим создать для себя независимое положение.

На протяжении указанных столетий в этих небольших государствах все напоминало визиготские времена. Сюда тянулся поток эмиграции с юга и как раз таких общественных групп, которые больше всего пострадали {92} от арабского завоевания. Прежде всего это представители католического духовенства, лишившиеся своих земель и церковных богатств. Направлялась сюда и испано-готская знать, не поладившая с новым режимом. Господство фанатичного духовенства и вечные раздоры между отдельными знатными фамилиями создают для местного крестьянства невыносимое положение. В особенности велика была роль католической церкви, добившейся полного освобождения от повинностей, строившей монастыри и храмы, воспитывавшей свою паству в духе исключительной ненависти к неверным. Таким образом, развитие феодальных отношений здесь продолжалось с той только разницей, что в государствах северного побережья, из которых выделилось королевство Леон, а потом и Кастилия, заметна была большая сила сопротивления со стороны крестьянства, в то время как на территории Испанской Марки, более тесно связанной с югом Франции, чем с полуостровом, закрепощение крестьянства шло полным ходом.

За время арабского господства взаимоотношения между христианским севером и мавританским югом носили различный характер, но чаще всего враждебный. Борьба шла главным образом за промежуточное пространство между реками Дуэро и Эбро, с одной стороны, и Тахо, с другой. Здесь-то и подготовлялась реконкиста, начавшаяся в XI в. Но создавались и мирные отношения, и трехвековое соседство арабов не могло не отразиться на экономическом развитии северных государств. Мы видели уже, что в X в., когда Кордовский халифат был на вершине своего могущества, северные королевства были отодвинуты вплотную к прибрежным горным хребтам, да и там не чувствовали себя в полной безопасности. Однако в XI в. в соотношении сил на Пиренейском полуострове стали происходить крупные изменения. На территории бывшего Кордовского халифата в это время было уже 23 отдельных мусульманских государства, находившихся между собою в состоянии непрерывной войны, между тем как северные христианские государства начинают медленно, но неуклонно расширять свои территории по направлению к югу. В результате возникают новые государственные образования. {93} Прежнее королевство Астурия с 923 г. превращается в королевство Леон, раздвинувшее свои границы до реки Дуэро. Из состава этого королевства тогда же в водоразделе между Эбро и Дуэро выделилось графство Кастильское, получившее это название от многочисленных замков (по-латински «кастеллум»), которые строились на границе с арабским миром, с главным городом Бургос. В 1037 г. Кастилия становится королевством и в дальнейшем играет уже руководящую роль в продвижении на арабский юг. К тому же времени относятся возникновение Арагонского королевства и территориальное расширение графства Барселонского (получившего в XII в. название принципата Каталонского).

Этот начавшийся территориальный рост северных королевств сам по себе служил показателем их экономического роста, установления более тесной связи между отдельными областями и более тесных сношений с европейскими странами и арабской Испанией.

Многовековая борьба с маврами и отвоевание у них территорий распадается на два основных периода. Первый охватывает время с XI до половины XIII в., когда почти весь полуостров был отвоеван и за маврами осталась только одна Гранада. Второй период, со второй половины XIII до конца XV в., завершается взятием Гранады и образованием единой Испанской монархии. Эти два периода составляют и два этапа в развитии феодальных отношений на Пиренейском полуострове. Обратимся прежде всего к первому периоду.

2. РЕКОНКИСТА XI—XIII ВВ.

Внешняя история реконкисты рисуется в следующем виде. Ведущая роль в продвижении на юг принадлежала Леоно-Кастильскому объединению, другое же — Арагоно-Каталонское — было тесно связано со средиземноморским побережьем и южной Францией и его доля в освоении мавританских земель оказалась значительно меньшей. В XI в. борьба шла прежде всего за овладение всем обширным Кастильским плоскогорьем, занимавшим середину полуострова и отделявшим север от основной территории мавров юга Испании. Легкий {94} выход из этого плоскогорья к северным горным цепям создавал надежную стратегическую опору для армий Кастилии и Леона, которым иногда приходилось отступать к этому кордону горных хребтов с тем, чтобы в благоприятный момент возобновить свое наступление. Крупным этапом в этом наступательном движении было окончательное овладение бассейном реки Дуэро (включая сюда и португальскую часть этой реки) при первом кастильском короле Фердинанде I (1037—1065 гг.) и взятие Толедо, бывшей столицы визиготских королей, его сыном Альфонсом VI (1072—1109 гг.) в 1085 г. Это означало утверждение в долине реки Тахо, так как Толедо занимал командующее положение в центральной части Кастильского плоскогорья и служил естественно укрепленной опорой для удержания уже завоеванных областей. С момента взятия Толедо собственно и начинается широкое колонизационное движение, закреплявшее и осваивавшее каждую пядь завоеванной территории. В дальнейшем, в течение XII в. борьба шла с переменным успехом. Еще при Альфонсе VI, тотчас же после взятия Толедо, приглашенному в Испанию вождю африканских мавров Юсуфу Альморавиду удалось нанести жестокое поражение (1086 г.) в битве при Залаке близ Бадахóза соединенным силам Кастилии, Наварры и Арагона и объединить под своей властью разрозненные мусульманские княжества. Господство фанатичных Альморавидов резко ухудшило положение христианской части населения арабской Испании, так называемых мосарабов, и они массами переселялись из Андалузии, Валенсии на берега Дуэро и Эбро, а те, кто оставался на местах, готовили своим сопротивлением тирании африканских владык продвижение испанцев на юг. Однако и между северными государствами на протяжении всего периода реконкисты и, в частности, в XII в. шли постоянные войны за территории и за власть. Главными соперниками в этой борьбе были Кастилия и Арагон, пределы которого значительно расширились при короле Альфонсе I (1104—1134 гг.). Он совершил ряд успешных завоевательных походов против мавров и укрепил за собою крупнейший город на реке Эбро, Сарагосу (1118 г.), ставшую столицей Арагона. {95} Взятие Сарагоссы в этой части полуострова имело такое же крупное стратегическое значение, как взятие Толедо на Кастильском плоскогорье. Казалось бы, после таких крупных успехов оставалось возможно более настойчиво вести наступление дальше на юг. Но в том то и заключается особенность реконкисты, что она была не только серией военных походов. Движение на юг шло стихийно, разрозненно, каждое государство действовало на собственный страх и риск, ревниво оглядываясь на своих соперников. В редкие моменты создавался общехристианский фронт, чаще всего действовали врозь, одновременно ведя борьбу и друг с другом. Так случилось и в XII в. После взятия Сарагоссы между Арагоном и Кастилией десятки лет тянется борьба за подчинение одного другому. Так, кастильский король Альфонс VII (1126—1157 гг.) захватывает ряд территорий, принадлежавших Арагону, и претендует на верховенство над всеми испанскими государствами. Он даже присвоил себе титул «императора Испании», но встретил решительный отпор со стороны отдельных государств северной Испании.

В течение первой половины XII в. произошли два крупных территориальных изменения в этой части полуострова. Наварра отделилась от Арагона, избрав, собственного короля, но в то же самое время (1137 г.) произошло политическое объединение под одной короной Араго-

на и графства Барселонского, получившего в дальнейшем название Каталонии. Второе крупное изменение произошло в западной части полуострова; там выделилось еще в конце XI в. графство Португальское. При кастильском короле Альфонсе VII граф Альфонс Энрикес, совершив ряд удачных набегов на земли мавров и соседнюю Галисию, присвоил себе титул короля. Альфонс VII санкционировал этот титул, поставив нового короля в вассальную зависимость от Леона-Кастильской короны (1143 г.) Однако в следующем году Альфонс Энрикес для укрепления независимости Португалии признал в качестве своего сюзерена римского папу. Этот акт и является формальным началом самостоятельного существования Португалии.

Сложная и запутанная борьба между отдельными го-^{96}сударствами неизбежно должна была замедлить дальнейшее продвижение на юг. Борьба с маврами не прекращалась, но, несмотря на отдельные удачные экспедиции, она не давала ощутительных результатов. Между тем в мусульманской Испании произошли новые крупные изменения. В 1125 г. власть Альморавидов была свергнута африканскими горцами — берберами, называвшими себя «альмогадами» (единоверцами). Установив свое господство в Африке, они явились в 1146 г. в Испанию и в течение нескольких лет подчинили себе все мусульманские области. Между тем в северной части полуострова междоусобия не прекращались. Ими было заполнено и малолетство Альфонса VIII, короля кастильского (1158—1214 гг.) — внука «императора Испании» Альфонса VII, — но как только он взял бразды правления в свои руки, он повел решительную борьбу со знатью, находя постоянную поддержку у горожан. При Альфонсе VIII наступает решительный этап реконкисты. Заручившись поддержкой Арагона, кастильский король стал на путь наступательных действий. Однако, на первых порах вождю альмогадов Альмансору удалось одержать над кастильцами крупную победу при Аларкосе в 1195 г. и вернуть обратно все завоеванные области к югу от Тахо, за исключением Толедо. Но это поражение явилось только прелюдией к решающим событиям. Альфонс VIII одновременно продолжал расширять территорию Кастилии за счет соседних «христианских» государств и готовить новый поход против мавров.

Конец XII и начало XIII в. были временем крупнейших событий и в остальной Европе, и то, что происходило на Пиренейском полуострове, не могло не привлечь внимания со стороны руководящих сил европейского феодального общества, в первую очередь папы Иннокентия III. В ответ на просьбу Альфонса VIII папа провозгласил крестовый поход в Испанию, и на его призыв отозвались итальянские рыцари во главе с епископами. Но и в самой Испании на помощь кастильцам стали стягиваться силы отдельных пиренейских государств, причем большую роль в организации похода играли три богатых и могущественных испанских ордена, возник-^{97}шие во второй половине XII в. — Калатрава, Алькантара и Компостела. Кроме того, еще раньше на Пиренейском полуострове обосновались и значительные группы других орденов (тамплиеры и госпитальеры). Так образовалась громадная «крестоносная» армия, ряды которой, однако, стали редеть при первых же трудностях похода.

Решительная битва между соединенными силами Кастилии, Арагона, Наварры, Португалии и маврами произошла 16 июля 1212 г. при Лас Навас де Толоса, как раз у входа в ущелье, которое открывало прямой путь в Андалузию. Маврам был нанесен здесь сокрушительный удар, от которого они оправиться больше уже не могли. За этим решающим успехом последовали другие, но они выпали на долю преемника Альфонса VIII — Фердинанда III, прозванного «святым» (1217—1252 гг.). Характерно, что и его вступление на престол сопровождалось борьбой и соперничеством крупных знатных фамилий, и новый король, подобно своим предшественникам, нашел поддержку у горожан. Совершив ряд военных экспедиций в Андалузию, Фердинанд овладел долиной реки Гвадалquivир с главнейшими центрами некогда существовавшего здесь Кордовского халифата: в 1236 г. была взята Кórдова, в 1241 г. — провинция Мурсия, в 1246 г. — Хаэн, в 1248 г. при содействии кастильского флота (состоявшего из судов, построенных приморскими городами) был взят крупнейший промышленный центр арабской Испании — Севилья, а вслед за ней в руки победителя попали и другие южные города, в том числе Херес, Медина-Сидония, Аркос, Кадикс, Санлукар. У мавров осталось только королевство Гранада, прикрытое высокой горной цепью Сьерра-Невада, и часть территории Уэльва (последняя была присоединена при следующем короле Альфонсе X). Еще до перечисленных завоеваний, в 1230 г., произошло окончательное объединение Кастилии и Леона, которые до

этого неоднократно имели отдельных королей. Таким образом, в середине XIII в. Кастилия выросла в крупное государство, занимавшее $\frac{3}{5}$ всей территории полуострова.

Аналогичный процесс мы наблюдаем и в соседнем {98} Арагонском королевстве. После окончательного объединения Арагона и Каталонии в порядке личной унии, в конце XII в. при короле Альфонсе II (1162—1196 гг.) идет дальнейшее расширение этого королевства и притом одновременно в двух направлениях. Альфонс II и его преемники различными способами — войной, удачными брачными союзами — пытаются овладеть югом Франции, и это втягивает их в долгую борьбу, так как на юге Франции, в богатом и цветущем Провансе, сталкивались интересы крупных государств и многочисленных феодальных властителей. Кроме того, юг Франции был центром еретического движения, выступавшего против господства католической церкви и ее главы — римского папы, который требовал от арагонских королей участия в подавлении ереси. Но ересь и гнездилась как раз в областях, владельцы которых находились в союзе с Арагоном. Все это отвлекало Арагон и Каталонию от борьбы с маврами. Но все же они приняли участие в упомянутой уже решающей битве 1212 г. при Лас Навас де Толоса. После недолгого перерыва завоевания возобновились. В 1229 г. был отнят арагоно-каталонцами у мавров остров Майорка, в 1232—1235 гг. — остальные Балеарские острова.

Одновременно шло завоевание прибрежной полосы к югу от устья реки Эбро; в 1238 г. было закончено подчинение провинции Валенсии.

В итоге этих завоеваний к середине XIII в. окончательно оформилось на полуострове другое крупное объединение, включавшее в свой состав три области — Арагон, Каталонию и Валенсию. На полуострове оно занимало меньшую часть сравнительно с Кастилией, и дальнейший его рост шел уже в сторону Средиземноморского бассейна. Кроме этих двух государств за тот же период времени сформировалось и третье небольшое по размерам государство — Португалия, выделившееся, как мы видели, из состава Леона. Первоначально продвижение португальцев на юг шло в общих рамках леоно-кастильского наступления на мавров, но с момента установления независимости, уже при первом короле, основателе королевства — Альфонсе I Энрикесе, сделаны были новые приобретения. Названный король {99} овладел городами Сантарем и Лиссабон. Завоевания продолжались (при значительном участии военнорыцарских орденов) и при его преемнике, Санчо I Колонизаторе (1185—1211 гг.), по направлению к бассейну реки Гвадианы. Закончились они при Альфонсе III взятием города Санта Мария де Форо в 1249 г. Дальнейшее расширение было уже невозможно, поскольку соседняя Андалузия вошла в состав Кастильского королевства.

Таков был общий ход событий на Пиренейском полуострове в первый период так называемой реконкисты. Мы видели, что борьба с маврами и колонизационное движение на юг все время теснейшим образом переплетались с борьбой между отдельными государствами, в особенности же между Кастилией и Арагоном. Лишь в очень редкие моменты наступление на мавров осуществлялось единым фронтом. В подавляющем большинстве случаев каждое государство действовало по собственному почину. Захват мавританских территорий нередко еще более обострял отношения между ними и создавал новые поводы для ожесточенной борьбы. В результате и оказалось, что чем дальше отдельные государства продвигались на юг и расширяли свои территории, тем резче выявлялись характерные особенности социально-экономического уклада отдельных государств, тем отчетливее намечались разновидности феодальных отношений на полуострове. Следует при этом подчеркнуть, что первый период реконкисты был и новым этапом в истории испанского феодализма, который стал возможен только благодаря расширению и укреплению экономической базы слагавшихся здесь государственных объединений. Изучение хода реконкисты и собирания испанских земель ставит перед нами ряд вопросов, без разрешения которых невозможно уяснить себе и дальнейший ход событий на Пиренейском полуострове. Каковы были предпосылки в экономическом и общественном развитии северных государств, которые сделали возможным наступательное движение на юг именно в XI в.? Почему, в частности, ведущая роль в этом движении на юг выпала на долю именно Леоно-Кастильского объединения? Каковы, наконец, были движущие общественные {100} силы этого сложного, растянувшегося на ряд столетий процесса реконкисты? Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к характеристике классовых взаимоотношений в отдельных объединениях, оформившихся за период времени с XI по XIII в., т. е.

Леона-Кастильском объединении, Арагоно-Каталонском (включая сюда и Валенсию) и Португалии.

3. ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ РЕКОНКИСТЫ XI—XIII ВВ.

Рассмотренный выше ход завоеваний на Пиренейском полуострове еще не дает полного представления о том сложном, одновременно завоевательном и колониционном процессе, который мы обозначаем испанским термином «реконкиста». Изучая самый ход событий, мы установили пока только одно характерное наблюдение: чем дальше на юг продвигался поток завоевателей и поток колонизации, тем резче обособлялись отдельные государства, из которых каждое отличалось и в экономическом отношении и по своему общественному строю, классовым взаимоотношениям, наконец, по языку и культуре. Можно сказать с полной определенностью, что в этом сложном стихийном процессе реконкисты, на протяжении ряда столетий сложалась не одна народность, а ряд народностей, создавалось многонациональное государство. В реконкисте принимали самое активное участие все общественные группы и классы, но роль отдельных общественных движущих сил реконкисты в каждом из основных государств полуострова была весьма различна. Вспомним приведенное уже раньше замечание Маркса о том, что «местная жизнь Испании, независимость ее провинций и коммун, разнообразие в состоянии общества были первоначально обусловлены географическими свойствами страны, а затем развились исторически благодаря своеобразным способам, какими различные провинции освобождались от владычества мавров...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 721—722). Это «разнообразие в состоянии общества» становилось все более и более отчетливым по мере продвижения на юг и овладения новыми территориями и материальными богатствами. Поэтому характеристику общественных отношений этого периода следует давать отдельно для каждого из основных государств, участников реконкисты, и прежде всего остановиться на Леона-Кастильском королевстве, которому в этом процессе принадлежала, ведущая роль.

К началу этого периода общественный строй Леона-Кастилии во многом еще напоминал старую визиготскую монархию. На вершине общественной лестницы стоял привилегированный класс аристократов, получивших к концу XII в. название «рикос омбрес» (богатых людей). Их земельные владения росли по мере продвижения на юг как путем захватов, так и пожалований со стороны королей, которые отдавали в их распоряжение населенные пункты и укрепленные замки. В большинстве случаев эти пожалования связаны были для высшей знати единственным обязательством — защищать или укреплять те или иные пункты. «Богатые люди» отвоевали себе независимое положение и широко пользовались правом денатурализации, т. е. свободной смены государя по собственному усмотрению или прихоти. За время реконкисты в обстановке постоянных войн и междоусобий выработался своеобразный тип авантюриста-завоевателя, действующего на собственный страх и риск, не считаясь ни с какими нормами и обязательствами.

Борьба за территории и за власть проходит красной нитью через всю историю Испании вплоть до окончательного объединения. Каждая смена королей на престоле неизменно сопровождалась кровавыми междоусобиями между крупными владетельными фамилиями, стремившимися занять господствующее положение в государстве.

Несколько ниже по своему положению стояли так называемые «сегундонес». Это аристократия второго ранга, непосредственно зависевшая от короля. Эта группа начала создаваться еще в предыдущий период, но полное развитие ее относится ко временам реконкисты. От двух указанных разновидностей родовой знати сильно отличалось уже по самому своему происхождению среднее и низшее дворянство. Обычно оно называлось «идальгос» и подразделялось по роду оружия на «кабальерос» {102} (являвшихся на войну на собственном вполне снаряженном коне) и «эскудерос» (щитоносцев). В обстановке постоянных войн кабальерос давали основные военные кадры и постоянно пополнялись из низших и средних разрядов населения.

Наряду со светской знатью приобретает большое значение особенно в рассматриваемый период духовная знать — магнаты и прелаты церкви. Формирование этой разновидности господствующего класса шло обычным путем пожалований и изъятий из общей подсудности и общего податного обложения. В Испании, как и в других странах, непомерные захваты со сто-

роны церкви вызвали время от времени противодействие со стороны отдельных представителей королевской власти. Правда, эти мероприятия не могли остановить дальнейшего роста материального могущества церкви. Но специфические условия, создавшиеся благодаря Реконкисте на Пиренейском полуострове, сделали обычным явлением отбывание военной службы и прелатами церкви, причем в случаях уклонения от этих обязанностей служителям церкви ставилось на вид, что, поскольку борьба идет против неверных, прелаты должны первыми жертвовать своею жизнью. В XII в. в Леоне и Кастилии возникли, как уже упоминалось, могущественные полудуховные, полусветские организации — ордена: Калатрава, Компостела и Алькантара. В решающие моменты Реконкисты, а именно в конце XII и в XIII в., кабальерос этих орденов составляли наиболее многочисленную и наиболее организованную часть христианских армий, боровшихся против мавров. Неудивительно, что начиная с XIII в. эти ордена сумели захватить в свои руки обширные территории и огромные материальные богатства.

Таким образом, на протяжении XI в. завершилось формирование господствующего класса кастильских феодалов с отчетливым подразделением на всесильную и независимую верхушку, распадавшуюся на крупные владетельные фамилии и широкую массу кабальерос — своеобразную испанскую разновидность типичного и для остальной Европы рыцарства. Как и в предыдущую эпоху, могущество и благополучие испанских {103} феодалов покоилось на труде закрепощенных крестьян, однако в судьбах кастильского крестьянства ранний период Реконкисты явился временем крупнейшего перелома, и это, наряду с историей кастильских городов, составляет, быть может, наиболее яркую страницу в истории Реконкисты. Именно с данного момента крестьянство Кастилии и Леона ведет упорную борьбу за свое освобождение. Сопrotивляемость крестьянских масс в обстановке Реконкисты несомненно усилилась, и они добиваются частичного освобождения от феодального гнета раньше, чем где бы то ни было в Европе. Чем же можно объяснить этот крупнейший факт испанской истории? К сожалению, для разрешения этой серьезнейшей исторической проблемы мы не располагаем достаточными данными. Корни этого явления нужно искать в предшествующих периодах — визиготском и арабском. Мы знаем, что в визиготские времена основная масса земледельческого населения превратилась в сервов и колонов, очутившихся на различных ступенях крепостной зависимости. Однако в период арабского господства уже начинается процесс эмансипации и смягчения форм крепостничества, что указывает на усиление сопротивляемости крестьянства, опиравшегося на уцелевшие остатки общинного строя. В целом ряде провинций и северо-западной Испании, особенно в таких, как Галисия, Астурия, не говоря уже о баскских провинциях, наличие общины находит частичное подтверждение в наиболее ранних документах. Известно также, что пережитки общинного строя сохранились в Испании чуть ли не до наших дней. Но на основании этих скудных данных и косвенных указаний мы еще не можем сказать, в какой мере общинный строй давал базу для борьбы крестьянства за свое освобождение. Несомненным является только одно: с XI в. эта борьба угнетенного класса принимает широкий размах, в связи с усилением феодального гнета, но эта борьба сопровождается уже определенными успехами. В самом начале этого периода и даже несколько раньше имели место восстания сервов, массовые побегы, выкупы на волю. Сумма крестьянских повинностей все чаще и чаще фиксировалась в особых хартиях, которые обычно носили назва-{104}ние «фуэрос». По мере развертывания крестьянского движения фуэрос становится лозунгом борьбы за права и вольности и за их закрепление в определенном документе. Вместе с тем крестьянство выступает все более и более сплоченно, объединяясь в боевые союзы и действуя часто совместно, единым фронтом с возникавшими тогда городами. Начавшийся процесс Реконкисты, колониционное и военное продвижение к югу, защита и хозяйственное освоение завоеванных территорий создавали благоприятные предпосылки для освободительного движения кастильского крестьянства, открывая выход из крепостнических условий труда и жизни. Первичным этапом в этом процессе крестьянского раскрепощения было образование своеобразных крестьянских объединений, которые в источниках обычно называются «бегетриями». В наиболее раннюю пору на бегетриях лежала печать еще некоторой зависимости от сильного сеньора, который рассматривался как покровитель. Бегетрии различались двух видов: одни могли выбирать себе в покровители любого сеньора, а другие только среди определенного круга феодальных фамилий. Первые располагали по существу уже полной свободой, так как в случаях неудовлетворенности избранным кандидатом они могли менять его «хотя бы семь раз в день», т. е. без всяких ограничений.

По мере продвижения на юг и оседания на новых местах положение бегетрий еще более укреплялось. Задачи хозяйственного освоения страны, равно как и специфическая обстановка перманентной войны, заставляла королей оказывать бегетриям всемерное покровительство, расширять их права и привилегии, освобождать от крепостной зависимости и от всякого рода платежей. Мощное развитие вольных крестьянских общин разлагающим образом влияло на крепостнические отношения и тех групп крестьянства, которые не были охвачены этими объединениями. Переселение на территории крестьянской или городской общины делало серва свободным. Мало того, с начала этого периода разворачивается полоса крестьянских восстаний. Частично эти восстания возникали и раньше (есть указания на восстания крестьян в Астурии еще в VIII в.), но массовый и упор-^{105}ный характер они приобретают к концу XI и особенно в XII в. Крестьяне умели использовать в своих интересах борьбу и соперничество между знатными фамилиями, а чаще всего борьбу между знатью и городами, приурочивая к этим моментам свои выступления и действуя нередко в союзе с городами. Одним из крупных центров крестьянского движения были владения монастыря Саагуна (в Леоне, близко к границе Старой Кастилии). Здесь обосновались клунийские монахи и получили от короля Альфонса VI широкие привилегии. Несмотря на то, что в 1085 г. был дарован фуэрос и местному населению, клунийцы проводили жестокий феодальный режим, устанавливая новые повинности, платежи и ограничения, которые у крестьян получили название «дурных обычаев». Это и дало повод к ряду крестьянских восстаний в 1096, 1110, 1117 гг. Восставшие добились частичных уступок и дарования новых фуэросов, но эти восстания продолжались и дальше на протяжении XII и XIII вв., сопровождаясь всякий раз новыми уступками. Другим крупным центром восстаний были город Сант-Яго и прилегающая территория, где крепостные выступали совместно с горожанами в 1117 и 1136 гг., разрушая замки и не останавливаясь перед убийствами феодалов. Подобные восстания происходили и в других местах Леоно-Кастильского королевства, и уже к началу XIII в. это дало определенный результат: зависимые группы крестьянства завоевывают себе личную свободу и добиваются формального закрепления своих прав и вольностей как в фуэросах, так и в законодательных актах. Мы имеем ряд относящихся к этому времени законов, которые предоставляли сервам право убежища, точно фиксировали объем платежей и повинностей в пользу сеньора, запрещали продажу крепостных вместе с землей, разрешали крестьянам свободную передачу имущества по наследству без согласия сеньора.

Однако борьба кастильского крестьянства за свое освобождение происходила во многих случаях в тесном союзе с горожанами, составляя часть более широкого движения, в котором ведущая роль принадлежала именно городам. Уже в XI в., т. е. с самого начала ре-^{106}конкисты, мы наталкиваемся на факт возрастающего значения городских общин, несмотря на то, что они находились еще на стадии своего первоначального формирования. Это составляет специфическую особенность, в частности, кастильских городов. Возникавшие на отвоеванных частях Кастильского плоскогорья города явились опорными пунктами для колонизационного движения на юг, и это давало им возможность занять весьма устойчивые позиции в борьбе со знатью. Они добивались широких прав самоуправления и ряда привилегий, также закрепленных в особых фуэросах. Содержание последних было весьма разнообразно, но, как общее правило, фуэросы создавали для общин и городов почти полную независимость и демократический характер управления. Городская община обычно слагалась из главного города и окружающих селений. Во главе города стоял так называемый «консехос» (совет), который руководил всеми отраслями управления и имел собственную милицию. Располагая военной силой, города играли важную роль в войнах с маврами. Во всех крупных битвах городские ополченцы составляли значительную часть армии, причем на службе у городов состояли в большом количестве и кабальерос. В битве при Лас Навас де Толоса в 1212 г., когда решалась судьба мавров, принимали участие военные силы наиболее значительных городов (в их числе Куенка, Медина, Вальядолид, Толедо, Авила, Сеговия и ряд других, в целом около 15 городов). По мере продвижения на юг, росло материальное могущество городов, которые пополнялись новыми элементами, ставшими носителями промышленности и торговли. Навстречу колонизационному движению на юг оттуда направлялся в завоеванные области поток эмиграции так называемых мосарабов; наряду с ними в завоеванных городах удерживалось и местное население — евреи и мусульмане, носившие особое название «мудехаров». В отношении этих групп населения, связанных с промышленной и торговой деятельностью, на первых порах, в частности в

конце XII и в начале XIII в., проводилась политика терпимости; их права и обязанности фиксировались в особых фуэурсах. {107}

В течение первого периода реконкисты, т. е. в XII и XIII вв., кастильские города не только материально укреплялись, став средоточиями испанской промышленности и торговли, но и превратились в значительную политическую силу, оказавшую влияние на политику правительства и на ход самой реконкисты. В системе феодальных классов города заняли особое и, можно прямо сказать, руководящее место, сплоченно и организованно выступая в союзе с крестьянством против знати. Но подобно тому, как кастильская знать не чувствовала себя крепко связанной с королями и по произволу переходила от одного к другому, так и наиболее сильные и влиятельные города выступали нередко самостоятельно, без какого бы то ни было согласия со стороны короля, по собственному почину ведя борьбу с маврами или со знатью или друг с другом. На первом месте стояла защита собственных своих вольностей и независимости, и в этом смысле кастильский и любой испанский город со своей крепкой организацией был явлением типично феодальным, равно как и упомянутые крестьянские бегетрии. Однако правильно понятый собственный интерес перед лицом воинствующего и алчного дворянства толкал эти вольные и ревниво оберегающие свою независимость города и общины на путь объединения своих сил. По мере того как разгоралась борьба между отдельными знатными фамилиями, города стали объединяться в федерации, так называемые «германдады», или братства, которые издавали собственные приказы, имели свою администрацию и суд, выносили самостоятельные решения и приговоры, не считаясь даже с королевской властью. В отдельных районах, например на Кантабрийском побережье, такие германдады вели даже войны с иностранными государствами и заключали мирные договоры, выступая как настоящие государи. Чаще всего такие объединения возникали в периоды междоусобиц или при малолетстве королей, когда особенно остро разгоралась борьба между представителями знати. Первые германдады в Кастилии относятся ко второй половине XII в., но периодом их широкого развития был XIII в. В конце этого столетия городские союзы стали возникать почти во всех провинциях Леона-Кастиль- {108}ского королевства, а в 1298 г. отдельные провинциальные германдады слились в один общий союз, представлявший собой внушительную политическую силу. Германдады в своих статутах точно оговаривали права и обязанности общин в отношении короля, равно как и взаимные обязательства членов союза. Эти статуты нередко заканчивались грозными предостережениями по адресу всех, кто посягнет на городские вольности. «Если какой-нибудь человек, — читаем мы в одном из них, — принадлежащий к союзу, представит королевскую грамоту, предписывающую взимание какого-либо налога вопреки фуэросам, он должен быть убит жителями той области, куда явится, или другими членами германдады».

Таковы были те движущие силы, из которых слагался и при помощи которых проводился процесс реконкисты. Территориальный рост государства, расширение его материальной базы, сильное давление со стороны городов и крестьянства, наконец, обстановка постоянных войн и междоусобиц — все это вместе взятое, казалось бы, должно было приводить к концентрации власти в руках короля. Однако глубокая противоречивость классовых отношений и классовой борьбы этого периода создавала часто непреодолимые препятствия для политического объединения страны. Правда, за это время мы видим сильных представителей королевской власти, которые находили поддержку у городов, крестьянства и широкой массы среднего и низшего дворянства (кабальерос) и настойчиво расширяли территорию королевства, действуя как самовластные государи. Но такие попытки были кратковременны и встречали отпор не только со стороны высшей знати, но и со стороны городских общин, ревниво оберегавших в первую очередь собственные местные вольности и права. Процесс централизации власти в такой обстановке принимал затяжной характер тем более, что кастильские короли не располагали достаточно мощным административным и судебным аппаратом. Ни королевский совет ни королевская судебная курия не занимали в системе государственного управления того места и не играли той роли, какую мы видим (правда, несколько позднее) во Фран- {109}ции. Наряду с органами управления, непосредственно подчиненными королю, существовали гораздо более сильные административные и судебные организации — городов, сеньоров, духовной знати, военно-рыцарских орденов, из которых каждая располагала и собственной военной силой.

Эта противоречивость и независимость общественных сил особенно ярко сказалась на истории сословно-представительных учреждений, которые возникают на Пиренейском полу-

острове раньше, чем где бы то ни было в Западной Европе. Первоосновой этих учреждений были собрания знати и духовенства, которые время от времени созывались королями Леона в X в. для решения различных вопросов как церковного, так и общеполитического порядка. Такие собрания устраивались и в XI в., но чаще всего состояли лишь из представителей одной знати. В первой половине XII в. (в 1137 г.) этим собраниям присваивается название «кортесов», под которым стали понимать собрания представителей от трех сословий — дворянства, духовенства и городских общин. Первые такие кортесы были созваны в 1188 г. Со времени окончательного слияния Леона и Кастилии стали созываться общие кортесы, причем преобладающее место в них заняли города. Характерной особенностью кортесов XIII и отчасти XIV в. было то, что дворянство и духовенство были представлены на них главным образом высшими группами этих сословий, а города полностью; в отдельных случаях мы видим в кортесах даже и крестьян. Благодаря своему могуществу и организованности кастильские города оттеснили на задний план первые два сословия и через посредство кортесов определяли политику королей по всем вопросам управления: они давали свои решения по вопросам войны и мира, престолонаследия, введения новых налогов и нередко вмешивались даже в частную жизнь королей, устанавливая для них прожиточный минимум и предостерегая от излишней расточительности. Формально кортесы были совещательными учреждениями, и король мог согласиться или не согласиться с их мнением, но очень часто преобладающий голос городских общин имел решающее значение, тем более, {110} что все три сословия являлись на сессии с вооруженной силой. При этом с самого начала вошло в обычай, что король приносил в присутствии кортесов присягу, в соблюдении законов и фуэросов страны.

Из приведенной характеристики классовых взаимоотношений в Леоно-Кастильском объединении мы вправе придти к выводу, что успешный ход реконкисты и руководящая роль в этом своеобразном процессе «собираания» испанских земель, выпавшая на долю Кастилии, вытекала из очерченного выше соотношения классовых сил, из выдающегося значения в государстве городских и крестьянских общин, создававших сильный противовес насильственным и захватническим стремлениям знати. Леоно-Кастильские короли вынуждены были считаться с этой крупной силой кастильского общества, учитывать ее интересы в своей политике, тем более, что она в руках королевской власти была важнейшим козырем в борьбе со своеволием феодалов.

Совсем иначе сложились общественные отношения в другом крупном объединении Арагоно-Каталонском. Территориальный рост этого объединения только отчасти был обусловлен реконкистой. В весьма значительной степени он определялся тесными связями Арагона и особенно Каталонии с югом Франции и Средиземноморским бассейном. Составные части этого государства — Арагон, Каталония и Валенсия — в свою очередь сильно отличались друг от друга как по уровню экономического развития, так и по характеру общественных отношений и даже языку. Наиболее экономически сильной с самого начала была Каталония, но политический перевес оказался все же на стороне более отсталого Арагона. Первоначально эти два государства были слабо связаны друг с другом, так как графство Барселонское, выделившееся из Испанской Марки, тяготело к соседним областям южной Франции, расположенным в районе Прованса. Еще до рассматриваемого периода выдвигаются здесь на первое место города: Барселона, Монпелье и Марсель. В XI в. на территории так называемой «Старой Каталонии» вместе с сельским хозяйством начинает развиваться ремесло. К XII в. каталонские города, особенно Барселона, становятся центрами разно-{111}образной промышленной деятельности, а приморское положение было благоприятно для торговых сношений. Однако в течение XI и XII вв. преобладающая роль в западной части Средиземного моря принадлежала Пизе и Генуе, и только после завоевания Балеарских островов и освоения так называемой «Новой Каталонии» и Валенсии, т. е. только с половины XIII в., Каталония с Барселоной во главе приобретает руководящее значение в этом районе и становится на путь более широких предприятий. В обстановке постоянных войн и соперничества, борьбы с пиратами создались необходимые предпосылки для объединения Каталонии и Арагона. Последний точно также находился в тесном соприкосновении с областями южной Франции, но преимущественно с Тулузой, а также с Кантабрийским побережьем Пиренейского полуострова. Однако очень скоро, на основе установившихся экономических связей (в пределах всего бассейна реки Эбро) перед обоими государствами встали общие задачи борьбы за территории, которая, как, мы уже видели, шла в двух

направлениях — в сторону южной Франции и Италии, с одной стороны, и мавританских земель на полуострове, с другой.

Экономическое и политическое объединение этих областей, равно как и совместное участие в реконкисте не могли сгладить исторически сложившихся существенных различий в их общественном строе. Даже язык каталонцев гораздо ближе к южно-французскому языку (так называемому «провансальскому»), чем к современному испанскому. Но все же общественные отношения Арагона и Каталонии являются разновидностями одного общего типа. В Арагоне феодальная система во многом напоминала французскую. Здесь сложилась могущественная и влиятельная аристократия, восходящая своими корнями еще к визиготским временам. Она имела сильную политическую и военную организацию и между собой была связана иерархически. Высший слой, как и в Кастилии, носил название «богатых людей», за ними следовали среднее и низшее дворянство — кабальерос, или идальго. Арагонское дворянство благодаря своей сплоченности сумело закрепить за собой значительную часть королевских доменов и {112} {файлы isp112.jpg, isp113.jpg} полную свободу от общегосударственных платежей. При этом аристократическая верхушка держала в своем подчинении на основе вассальных отношений среднее и низшее дворянство и получала львиную долю при разделе новых территорий во время реконкисты. Города вследствие своей экономической слабости не в состоянии были противостоять сплоченной силе арагонской аристократии, хотя и объединялись, как и в Кастилии, в германдады. В соседней Каталонии эти взаимоотношения складывались несколько иначе. Дворянство и здесь было могущественным и влиятельным сословием, но и города располагали здесь гораздо большим удельным весом, чем в Арагоне, и создавали организованный противовес (во главе с Барселоной) местной аристократии. Однако в силу резкого социального расслоения каталонских городов последние не смогли играть той выдающейся роли, какая выпала на долю кастильских городов. Городская верхушка охотнее шла на союз с аристократией, чем с ремесленной массой. Отсюда становится понятным, почему каталонские города добиваются вольностей позднее, чем кастильские. Роль духовенства в обоих государствах была столь же значительной, как и в Кастилии, а в Арагоне духовенство считалось даже первым сословием. Местная духовная знать, наряду со светской, была обладательницей громадных земельных пространств. В этой части полуострова были особые условия, выдвинувшие на первое место церковь, — это борьба с еретиками, в частности с альбигойской ересью. Руководящая роль в этой борьбе принадлежала клунийцам, а затем нищенствующим орденам — францисканцам и особенно доминиканцам. Основатель последнего ордена, Доминик, был активным участником и вдохновителем крестового похода против еретиков южной Франции, объявленного папой Иннокентием III. Последний пытался даже поставить Арагон в вассальные отношения к римскому престолу. Города и знать обоих государств решительно выступали против таких притязаний.

Это могущество и сплоченность господствующего класса опиралось на беспредельную власть над закрепощенным крестьянством. В тот самый период, когда {113} кастильские крестьяне успешно боролись за свое освобождение, в Арагоне и Каталонии крепостной гнет усиливался. Только на территориях, отвоеванных у мавров, в частности в Новой Каталонии, мы наблюдаем нечто сходное с положением кастильского крестьянства. В коренных же областях Арагона и Каталонии крестьяне не в состоянии были с успехом выступать против сплоченной и крепко организованной силы феодалов. Нигде в Европе мы не видим такой беспредельной власти сеньора над личностью крестьянина, как именно здесь. Она нашла отражение и в законодательстве, которое лишало крестьян права судебной защиты против произвола помещиков. Последним предоставлялось право умерщвлять своих подданных и подвергать их всевозможным истязаниям. Особенно широко практиковались здесь так называемые «дурные обычаи». В Каталонии сеньоры захватывали все имущество умершего бездетным крестьянина и значительную часть наследства, если оставались дети и жена. Они брали определенный штраф в случае нарушения крестьянином супружеской верности, требовали платежа в случае отчуждения имущества в качестве приданого, в случае пожара во владениях сеньора и, наконец, назначали такие суммы за выкуп, что крестьянин лишен был возможности получить свободу. Этот выкуп, так называемый «ременс», сам явился сильным средством для еще большего порабощения личности крестьянина. Применение «дурных обычаев» приближало положение арагонских и каталонских крестьян к положению рабов. Нужно сказать, что следы рабства в этой части

полуострова, оказались весьма крепкими и живучими. Промышленное и торговое развитие Каталонии и вызванная им потребность в дешевой рабочей силе создали здесь — с XIII в. в особенности — рынок рабского труда. Торг невольниками (из восточной Европы, в том числе и из России) принимает в это время в бассейне Средиземного моря и, в частности, в Каталонии и на Балеарских островах громадные размеры. И это не могло не повлиять на положение закрепощенного крестьянства.

В итоге двухвекового развития в Арагоно-Каталонском объединении окончательно оформилось резко рас-^{114}члененное на отдельные классы и группы феодальное общество. Кроме указанных выше группировок, мы и здесь видим усиление торгово-промышленных элементов — мудехаров (мусульман) и евреев. Последние два элемента в течение XI и XII вв. пользовались даже относительной свободой и находили защиту у отдельных представителей государственной власти. Но все же классовая борьба принимает здесь иной характер, чем в Кастилии. Рост материального и политического могущества аристократии не находил себе достаточного противовеса в городском движении и создавал крайне неблагоприятную обстановку для борьбы закрепощенного крестьянства за свое освобождение.

Вследствие такого соотношения сил на политику государственной власти наибольшее влияние оказывала именно аристократия. Процесс централизации государственной власти затруднялся здесь еще в большей мере, чем в Кастилии, засилием феодальной знати. Политика арагонских королей определялась в основном сборниками фуэросов, которые последовательно расширяли и закрепляли привилегии крупнейших магнатов. Эта характерная особенность политического строя Арагонского объединения нашла яркое отражение в структуре и деятельности местных кортесов, которые и здесь возникают раньше, чем аналогичные учреждения остальной Европы. Начало совместных собраний дворянства и духовенства относится в Арагоне к концу XI в. (1071 г.), но представители городов впервые появляются, по-видимому, только в 1163 г. (по мнению некоторых историков еще позднее, в 1274 г.). В Каталонии созыв первых кортесов из трех сословий датируется 1218 г. Самой характерной чертой, в особенности арагонских кортесов, и было явное преобладание высших групп дворянства над представителями других сословий. В Арагоне кортесы состояли не из трех, а из четырех чинов или штатов: духовенства, высшей знати, кабальерос и горожан. Дворянство было представлено далеко не всеми своими группами: в кортесах могли заседать лишь определенные, наиболее привилегированные его слои. Точно также и из городов правом представительства пользовались только те, в которых количество домов было не ниже ^{115}400. Таким образом, арагонские кортесы по своему составу носили резко выраженный аристократический характер и очень часто делали королевскую власть своим послушным орудием.

Но наряду с кортесами в Арагоне в этот период возникло и другое учреждение, должность так называемого «Великого судьи Арагона» («Хустисия майор»). Великий судья, хотя и назначался королем, мало-помалу превратился в защитника интересов привилегированной знати. Ко второй половине XIII в. удельный вес Великого судьи настолько поднялся, что он стал как бы посредником между королем и его подданными и был наделен неограниченными полномочиями, ставившими его чуть ли не выше королевской особы. Великому судье можно было жаловаться на любого представителя власти, в том числе и на короля. Чрезвычайно любопытна была самая процедура открытия кортесов. Король являлся туда, становился на колени и с непокрытой головой первый присягал кортесам, между тем как Великий судья, сидя со шляпой на голове, обращался к королю с такими словами: «Мы равные Вам, делаем Вас нашим королем и сеньором с тем, что Вы будете соблюдать наши привилегии и вольности, а если нет, так нет». Что означала последняя загадочная фраза, об этом недвусмысленно гласила так называемая «Привилегия унии», дарованная арагонскому дворянству в 1287 г. и предоставлявшая ему право с оружием в руках защищать свои вольности. Кроме того, Сарагосские кортесы 1283 г. принудили короля Педро III издать «Всеобщую привилегию», которая создавала ряд гарантий против посягательств со стороны короля и его министров на суверенитет кортесов вплоть до низложения короля и замены его другим, «хотя бы даже иностранцем или даже иной религии». Наконец, в промежутке между сессиями кортесов заседала особая комиссия, так называемая «депутация королевства» из восьми членов (по два от каждого сословия), осуществлявшая контроль за соблюдением фуэросов и расходом финансов. Политическое объединение Арагона и Каталонии оставило в неприкосновенности отдельные кортесы для обеих областей и

лишь в редких {116} случаях созывались общие кортесы. Точно также и в отвоеванной у мавров Валенсии с 1283 г. стали созываться свои особые кортесы, состоявшие, как и в Каталонии, из трех сословий.

Португалия по своему общественному и политическому строю во многом напоминала Леон и Кастилию, в составе которых она первоначально находилась. Мы здесь видим такие же группировки среди дворянства, большую роль играли города, экономическое развитие которых облегчалось приморским положением, судоходностью рек, естественными ресурсами страны. Но роль церкви и духовенства была здесь более значительной в рассматриваемый период, чем в других частях полуострова. Со времен основателя королевства Альфонса Энрикеса Португалия попала в ленную зависимость от римского престола и благодаря этому удельный вес духовной знати, равно как и ее земельные богатства, непомерно росли. Духовно-рыцарские ордена — иоанниты, тамплиеры, особенно же кастильские ордена Калатрава и Сант-Яго де Компостела, принимали самое активное участие в реконкисте. Что же касается зависимых групп населения, то положение их в северной и южной частях королевства существенным образом отличалось. На севере крепостничество сохранялось на всем протяжении данного периода, а в южных районах, отвоеванных у мавров, создавались так же, как в Кастилии и Новой Каталонии, благоприятные условия для раскрепощения. Кортесы и здесь играли выдающуюся роль. С 1254 г. в них принимают участие и города. Королевская власть являлась в Португалии могущественным фактором экономического и политического объединения страны, хотя благодаря тесному союзу с церковью она и носила теократический характер. Португалии удалось сохранить свою самостоятельность и в последующие столетия. В XIV—XV вв. наряду с Каталонией и Валенсией она становится одной из самых передовых в экономическом отношении стран Пиренейского полуострова.

Реконкиста XI—XIII вв. нашла себе яркое художественное отображение в средневековом испанском эпосе, в знаменитой поэме о Сиде Кампеадоре. Герой этой поэмы (как и многие действующие лица) — вполне {117} реальная историческая фигура. Это Родриго Диас да Вивар, представитель кастильской знати XI в., современник королей Фердинанда Великого и Альфонса VI. Он был родом из местечка Вивар, неподалеку от Бургоса. Родриго де Вивар, получивший затем прозвище Сиды Кампеадора (Сид от арабского Сеид — господин, Кампеадор — воитель), всю жизнь провел в военных экспедициях. Он принимал участие во взятии Толедо в 1085 г. и состоял на службе у кастильского короля, но в дальнейшем он рассорился с ним и заключил союз с мавританскими эмирами; нередко воевал с маврами и на собственный страх и риск. Под его знаменами мы видим и христиан и мусульман. Располагая собственной военной силой, он завоевывал территории и города, занимался грабежом и разбоем, проявлял обычную в те времена жестокость. В 1094 г. он приступом взял Валенсию и правил ею в качестве самостоятельного государя вплоть до своей смерти (1099 г.).

Таков исторический Сид Кампеадор, как он изображен в современных хрониках. Его личность произвела на современников и ближайшие поколения неизгладимое впечатление, и он стал любимым героем народных сказаний, баллад и в особенности «Поэмы о Сиде». Большинство исследователей относят появление этой поэмы к XII в., когда реконкиста была в полном разгаре — и это ярко отразилось в самом ее содержании. Она дает нам совершенно иной облик Сиды сравнительно с историческим Родриго Диасом де Виваром, о котором рассказывают хроники. Перед нами выступает не представитель крупной знати, а средней руки дворянин и вместе с тем народный герой, о котором неизвестный нам автор повествует с эпическим спокойствием и вместе с тем с любовью, именуя его всегда, «мой Сид Кампеадор». В основе поэмы сохранилась подлинная историческая канва и лишь некоторые эпизоды в ней вымышлены, но это не сухой рассказ средневековой хроники, а яркое изображение подвигов героя и не менее яркая картина окружавшего его общества. Сид Кампеадор, попавший под опалу короля, покидает свой родной замок Вивар, трогательно прощается с семьей и отправляется со своей дружиной в поход против мав-{118}ров, одерживает ряд побед, набирает богатую добычу, щедро наделяет ею своих кабальерос, нещадно уничтожает мавров, но в то же время отпускает на волю пленников, чтобы не поминали его лихом. Победивши двух мавританских князьков, Сид из захваченной добычи шлет подарок королю Альфонсу, который возвращает герою свою благосклонность; с неменьшим рвением Сид дальше ведет войну с графом Барселонским, имея в своем войске как христиан, так и мавров. Завоевание Валенсии составляет отдельный эпизод

поэмы. Победителем возвращается Сид в Кастилию, и за его дочерей уже сватаются молодые аристократы из фамилии Каррильо. Автор наделяет этих представителей «рикос омбрес» отрицательными чертами: они трусливы, бесчестны, они надругались над молодыми женами, дочерьми Сиды, завладевши богатым приданым. Оскорбленный отец требует от короля суда над насильниками. Поэма изображает заседание кортесов, специально созданное по этому поводу: дело заканчивается поединками, в которых графы Каррильонские терпят полное поражение от Сиды. В этом столкновении незнатного дворянина, обязанного своей славой только личным качествам, с трусливыми представителями высшей знати нашло яркое отражение одно из общественных противоречий периода Реконксты. Еще в более демократических чертах выступает перед нами Сид в народных романах, которые, по-видимому, и легли в основу поэмы. В них он обрисовывался как человек низкого происхождения, как защитник интересов народа, как подлинный народный герой. И этот Сид Кампеадор — Сид народных сказаний и герой поэмы — глубоко историчен и правдив. Он воплощает в себе характерные черты Реконксты и ее движущих сил. Весь цикл сказаний о Сиде представляет для нас ценнейший исторический источник, дающий наглядное и яркое представление о том, чем в действительности была Реконкиста в период своих решающих побед.

————— {119}

ГЛАВА IV

ЗАВЕРШЕНИЕ РЕКОНКСТЫ И ОБЪЕДИНЕНИЕ ИСПАНИИ (XIII—XV вв.)

1. КАСТИЛИЯ И АРАГОНО-КАТАЛОНСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ В XIII—XIV вв.

В итоге Реконксты XI—XIII вв. на месте прежних мавританских владений образовался на полуострове ряд государств. Из этих государств Кастилия заняла первое место как по размерам территории, так и по той роли, какая выпала на ее долю в последующей истории Испании. Под властью кастильских королей оказались крупнейшие центры арабской Испании с самыми значительными городами, богатыми и цветущими провинциями и с многочисленным и очень сложным по своему составу населением. Самый ход и характер Реконксты создавал несомненно благоприятные условия для преуспевания этого нового государства. Если обладание основной частью территории полуострова и центрами промышленности и торговли, унаследованными от мавров, давало толчок и экономическому подъему страны после периода упадка, связанного с распадом Кордовского халифата, то и общественные отношения в Кастилии, сложившиеся за время Реконксты, создавали относительно здоровую социальную основу для развития Кастилии. Исключительная роль, выпавшая на долю городов и крестьянства в ходе Реконксты, была причиной того, что в широком потоке военных экспедиций и колонизации засилие светской и особенно духовной знати в значительной степени было ослаблено. Мы можем сказать, что широкая масса кастильского народа, в полном смысле слова демократическая масса, выдвинулась в процессе Реконксты на первый план; именно она и явилась основной движущей силой в процессе формирования Испании как нации, как национального государства. Колонизацион-^{120} {файлы isp120.jpg, isp121.jpg} ному потоку с севера шла навстречу волна эмиграции с юга, и утверждение в новых и новых завоеванных пунктах приводило к устранению господства мелких тиранов, мавританских феодалов, гнет которых создавал крайне тяжелое положение для местного населения. Сильно расширившаяся в своих пределах Кастилия покрылась густой сетью городов, с более демократическим управлением нежели то, какое существовало в других странах средневековой Европы, с вольными крестьянскими общинами — бегетриями и со свободным крестьянством, какого, еще совсем не знала остальная Европа. И это уже само по себе не могло не отразиться на положении тех групп населения, которые Реконкиста застала на отвоеванных местах. А эти группы были весьма разнообразны и по своему племенному и социальному составу, и по своему положению. Прежде всего, это весьма значительное мусульманское население, которое все время притекало из северной Африки и

уже поглотило первоначальную арабскую прослойку. Часть этого населения пополнила и обновила ряды феодальной верхушки, а основная масса втянулась в промышленность и торговлю или же обрабатывала поля либо в качестве свободных, либо находясь на различных ступенях зависимости. Вся масса мусульманского населения получила общее наименование мудэхаров. Во время реконкисты мудэхары попадали не в одинаковое положение. В случае упорного сопротивления при взятии того или другого города, они становились рабами или зависимыми, но в большинстве случаев при сдаче городов и населенных пунктов они оставались на местах и им предоставлялась свобода религии и право жить на основании собственных законов и обычаев. Мало того, их права и вольности ограждались специальными фуэросами и королевскими грамотами точно так же, как и права городов и бегетрий. Но на всем протяжении Кастилии не было однородного порядка: в одних случаях мудэхары жили бок о бок с христианским населением, в других — им выделялись отдельные кварталы.

Как пережиток прошлого оставались еще некоторое время мосарабы. Но во время реконкисты многие из них шли навстречу завоевателям или содействовали им при {121} овладении отдельными городами и затем подчинялись общим законам королевства. Однако предшествующий период мавританского господства наложил на них особый отпечаток, и они все еще выделялись как особая группа населения и получали от королей и особые фуэросы. Наконец, третьим составным элементом прежнего населения арабской Испании были евреи. Количество их на полуострове было весьма значительно. Во время господства арабов и мавров, их положение было весьма благоприятным, но в XI в., когда халифат раздробился, оно резко изменилось к худшему, и это вызвало массовую эмиграцию. Во время реконкисты евреи устремились навстречу завоевателям. Они служили в качестве посредников между испанцами и мусульманами, выступали даже и в качестве военной силы. Главным образом евреи занимались торговлей, но многие были представителями учености, выступая в качестве профессоров, медиков, писателей. Кастильские короли XI—XII и отчасти XIII в. оказывали покровительство евреям, за исключением Фердинанда III Святого, который их сурово преследовал и изгонял из страны. Но в целом первый период реконкисты оказался и для евреев благоприятным временем.

История другого крупного объединения на полуострове — Арагоно-Каталонского — шла несколько иным путем. Из трех составных частей этого объединения (Арагон — Каталония — Валенсия) наиболее отсталым был Арагон, но ему принадлежало политическое господство, в то время как Каталония с крупнейшим своим центром Барселоной в экономическом отношении заняла первое место среди всех областей Пиренейского полуострова. Каталония и соседняя Валенсия очень рано стали втягиваться в торговые сношения с европейскими странами, африканским и малоазиатским побережьем, с Италией и южной Францией. В Каталонии возникают разнообразные виды промышленного и сельскохозяйственного труда, укрепляются экономические связи с соседней Кастилией, а в XII—XIII вв. Барселона стала одним из крупнейших морских торговых центров Средиземного моря. Здесь возник первый зародыш депозитного банка, а составленный в Барселоне около {122} 1238 г. первый свод морских законов и обычаев был принят к руководству на всем протяжении Средиземноморского бассейна. Экономическое развитие Каталонии толкало союзный Арагон на путь территориальных расширений, но главным образом в сторону южной Франции и Средиземного моря. В итоге это объединение превратилось в крупную морскую державу. Но общественный строй этого объединения не испытал на себе такого громадного влияния реконкисты, какое мы наблюдали в Кастилии.

Таким образом, к XIV в. на Пиренейском полуострове стала закладываться единая экономическая основа, которая благодаря многообразию естественных ресурсов, богатому наследию мавров и, наконец, установлению торговых связей с европейским и восточным рынками, казалось бы, создавала благоприятные условия для превращения Испании в такое же крепкое государство, как Англия или Франция. Несмотря, однако, на то, что политическое объединение страны завершается к концу XV в., концентрация власти в руках абсолютного монарха все время наталкивалась на непреодолимые препятствия, коренившиеся в разнородности отдельных составных частей королевства, но главным образом в характере классовых взаимоотношений и классовой борьбы в Испании. Термин «реконкиста» в применении к данному периоду уже не определяет специфических особенностей классовых противоречий, так как за исключением Гранады, весь полуостров уже находился в распоряжении Кастилии, Арагона и Португа-

лии. Борьба с маврами продолжалась, но предметом домогательств на этот раз было уже африканское побережье и лишь частично южная оконечность полуострова. Однако основное содержание политической истории этого периода заключалось не столько в борьбе с маврами, сколько в борьбе в каждом из государств за уже завоеванные территории, за распределение их между различными группировками испанских феодалов.

В обстановке этой нарастающей и ожесточенной борьбы и происходит в течение XIV и XV вв. постепенное сближение двух крупнейших государств полуострова и слияние их в единую Испанскую монархию. Но в начальные моменты этого периода оба эти государства — Кастилия, с одной стороны, и Арагон с Каталонией и Валенсией, с другой, — значительно отличались друг от друга по своему общественно-политическому строю, по классовым взаимоотношениям. Кроме того каждое из этих крупных государственных образований в свою очередь слагалось из отдельных областей и провинций, сохранивших свой старинный уклад жизни, свои местные особенности. Наиболее цельный характер носила тогда территория Кастилии. Прочно владея центральным плоскогорьем, она была хозяйном положения и на богатом, цветущем юге, а сравнительно демократический характер ее общественного строя обеспечивал ей устойчивость и ее политического строя, благодаря сильному воздействию на политику королей со стороны городов и свободного крестьянства. Прошло целых два столетия, прежде чем создавалась возможность и даже необходимость объединения этих двух столь различных по своему внутреннему строю государств. Основной интерес изучения этого периода и заключается в том, чтобы установить, в силу каких именно условий политическое объединение страны завершилось к концу XV в. и Испания превратилась в единую монархию, а вслед за тем и в колониальную державу.

Но когда мы обращаемся к истории обоих государств, то мы сразу попадаем в гущу сложных и запутанных событий, непрерывных междоусобий внутри, напряженной классовой борьбы, острых международных конфликтов. Правда, в этом отношении Испания не составляла исключения, в сходных чертах протекают события и в остальной Европе, где в этот же период формируются в жестокой внутренней и международной борьбе национальные государства. Но то, что происходило в XIV—XV вв. на Пиренейском полуострове, по сложности, запутанности, остроте конфликтов, оставляет позади самые бурные события европейского континента. Нет никакой возможности в кратком очерке дать систематическое изложение всех этих событий. Ограничимся поэтому наиболее характерными моментами в истории обоих государств, обратив особое внимание на ход событий в Кастилии. {124}

Непосредственно после завоеваний, совершенных в первой половине XIII в. при Фердинанде III, политика его ближайших преемников находилась под влиянием городов, которые создавали мощный противовес домогательствам духовной и светской знати. Но следует учесть, что за время реконкисты различным группам знати из отвоеванных территорий и захваченных богатств все же досталась львиная доля и что если основной движущей силой реконкисты были города и крестьянство, то руководство принадлежало верхушке знати и прелатам церкви, в частности духовно-рыцарским орденам. Церковь давала и знамя борьбы с неверными, она рассматривала войну с маврами как войну священную, как крестовый поход. С неменьшим рвением она и утверждалась на завоеванных местах, восстанавливая и создавая вновь храмы и монастыри, пуская в ход все средства идеологического воздействия на массы. Поэтому городам и крестьянским бегетриям приходилось все время отстаивать добытые свободы путем напряженнейшей борьбы. Поэтому и политика кастильских королей носила противоречивый характер. С одной стороны, они пытаются централизовать управление и сломить политическое могущество знати, с другой — они дают новые пожалования духовным и светским магнатам. Такой была политика и одного из наиболее крупных кастильских королей Альфонса X Мудрого (1252—1284 гг.).

Его широкая, но неудачная завоевательная деятельность легла тяжелым бременем на податные группы населения. Выпуск недоброкачественной монеты, вздорожание цен, увеличение налогов создавали в стране широкое недовольство. Во внутренней политике он стремился создать единую систему управления. Именно при нем появляется целый ряд законодательных сборников, в которых делается попытка свести воедино визиготские законы, многочисленные фуэросы, церковное законодательство и элементы римского права. Все эти опыты не являлись собраниями действующих законов и представляют чисто исторический интерес как

показатели наметившегося поворота в практике управления. Наиболее ярко эти новые черты выступают в сборнике, известном под названием «Семь частей», где настойчиво проводится мысль об исключительном праве короля издавать законы, чеканить монету, отправлять правосудие, распоряжаться военными силами королевства, давать пожалования с установлением непосредственной зависимости от короля. Но эти абсолютистские тенденции носили скорее программный характер, хотя они и находили себе опору в городском и крестьянском движении. Характерно, что в периоды междуцарствий, ставших для Кастилии хроническим явлением, наиболее сильные представители королевской власти выдвигались горожанами, которые и в кортесах играли главную роль. Не менее характерно и то покровительство, какое Альфонс X и его ближайшие преемники оказывали мudeхам и евреям, т. е. промышленным и торговым элементам городского населения. Но в то же самое время законодательная практика Альфонса X обнаруживала и другую тенденцию, которая находилась в резком противоречии с первой и на этот раз отражала уже интересы дворянства, в первую очередь феодальных магнатов. Последние добились установления наследования для старшего в семье, по испанской терминологии так называемого «майоразго», которое затрудняло отчуждение дворянских имуществ и их раздробление. Поскольку именно в данный период (начиная с Альфонса X) идет широкая практика раздачи целых территорий, населенных пунктов, в том числе и городов, верхушке кастильского дворянства, майоразго не только усиливало процесс собирания земельной собственности в руках немногих, но и юридически закрепляло за ними эти приобретения. Младшие отпрыски дворянских фамилий, лишённые наследства, пополняли собою ряды дворянства второго ранга, так называемых «сегундонес», или же клира. Таким путем наряду с магнатами создаются кадры рыцарства или кабальерос, которые составляют вооруженную силу не только короля, но и городов и представителей крупной знати. Располагая обширными владениями и собственной военной силой, крупная знать самочинно захватывала новые территории, не останавливаясь перед расхищением и коронных земель.

Таким образом, уже при Альфонсе X наметилась характерная особенность в распределении земель, отнятых {126} у мавров. Расширение материальной базы кастильского королевства по мере захвата мавританских территорий продолжало укреплять материальное положение верхушки господствующего класса. Какие последствия имело это для экономического развития страны, наглядно видно из одного характерного явления. Отнятые у мавров обширные пастбища Эстремадуры и Андалузии создавали благоприятные предпосылки для испанского овцеводства, но эти пространства очутились в руках светских и духовных магнатов (главным образом духовно-рыцарских орденов), которые и монополизировали в своих руках торговлю шерстью. Именно при Альфонсе X и возникает в 1273 г. объединение кастильских овцеводов, так называемое «Мёста», которое в дальнейшем превращается в могущественную и привилегированную организацию с собственной администрацией, казной и судебным трибуналом. Благодаря этому, один из ценнейших ресурсов слагавшегося национального хозяйства стал с самого начала источником обогащения для крупных феодалов.

В таких условиях становится совершенно понятным, почему и при Альфонсе X, несмотря на ясно наметившиеся объединительные тенденции, классовая борьба разворачивается в прежних размерах: друг другу противостоят две крупные силы — города и феодальная знать. Неудачная внешняя политика короля создавала постоянные поводы для мятежных выступлений крупных знатных фамилий, добивавшихся полного освобождения от податей и уничтожения городских вольностей. Поскольку Альфонс X не обнаруживал склонности заходить так далеко в своих уступках, крупнейшая знать Кастилии осуществляла свое право денатурализации, предлагая свои услуги королям Арагона, Наварры и даже гранадскому эмиру. Мятежные феодалы, упорно сопротивляясь абсолютистским замыслам короля, не останавливались перед попытками его низложения и замены другим. Они усиленно поддерживали кандидатуру второго сына Альфонса X, Санчо, который нашел поддержку своим домогательствам не только у знати, но и у крупнейших городов. Хотя в основном города были сторонниками крепкой королевской власти, но и в их среде сильны были сепаратистские тенденции. В разгавшейся {127} борьбе между Альфонсом X и его сыном Санчо на сторону последнего стала не только вся крупная знать, но и значительная часть городских «консехос» (советов) Кастилии, Леона и Галисии, объединившихся в 1282 г. в германдаду и требовавших предоставления им

права восстания в случае нарушения фуэросов, а также права наказания королевских судей и чиновников (вплоть до применения смертной казни).

Правление преемников Альфонса сплошь было заполнено кровавыми смутами и междоусобиями, в которых принцы и знатные фамилии выступали против посягательств на их полную независимость со стороны королей. Но в это же время разрастается и движение кастильских городов. В 1295—1296 гг. возникают новые германдады, а в 1298 г. создается общий союз всех германдад, имевший свою администрацию, суд и военную силу. Восстание знати приняло особенно широкий характер, когда на престол вступил малолетний король Альфонс XI (1312—1350 гг.). По свидетельству современной хроники, король, став совершеннолетним, нашел страну совершенно опустошенной благодаря грабежам и бесчинствам крупной знати, а города в упадке вследствие непомерных налогов.

Альфонс XI прибег к жестокому террору в отношении знати, заманивая отдельных ее представителей по одиночке и заставляя убивать их в своем присутствии. Время этого короля было поворотным моментом в истории Кастилии. При нем города значительно усилили свое влияние в политической жизни страны, занимая в кортесах первенствующее положение. Кортесы в это время стали созываться почти периодически и развивали широкую законодательную деятельность. К этому времени относится издание сборника городских фуэросов, а также сборник фуэросов бегетрий. Деятельность кортесов при Альфонсе XI поражает обилием изданных законов. Они решительно выступали против расточительности и роскоши: были точно установлены предельная стоимость платья для невесты, количество смен платья, какое мог обеспечить своей жене муж дворянского происхождения (не больше трех в течение четырех месяцев), количество гостей на брачном пиршестве (не больше 32). {128} {файлы isp128.jpg, isp129.jpg} Ряд законов еще более был заострен против знати. Интересны в этом отношении постановления о наказаниях за нанесенные оскорбления: знатный человек в этих случаях должен был лишиться одной четверти своих земель, обыкновенный кабальеро — одной трети своего имущества, а горожанин уплачивал штраф в 500 мараведи. Но, с другой стороны, Альфонс XI был несомненно сильным представителем королевской власти. Терроризируя знать и покровительствуя городам, он в то же самое время вмешивается в городское самоуправление, посылая своих чиновников, так называемых «коррехидоров». Однако, уже с Альфонса XI и начинается сплошная полоса междоусобий, которая без перерыва тянется вплоть до времен Изабеллы и Фердинанда.

Смерть застигла Альфонса XI в походе при осаде Гибралтара. Он пал жертвой «черной смерти», которая в эти годы произвела страшные опустошения во всей Европе. Он оставил пятнадцатилетнего законного сына Педро и несколько незаконных детей от своей любовницы. Престол унаследовал Педро, получивший название Жестокого (1350—1369 гг.). Его правление открыло одну из самых кровавых страниц испанской истории. Этот король даже по своим личным качествам — яркое воплощение эпохи. Летописец, рассказавший о его деяниях, принадлежал к лагерю его противников и, быть может, стусил краски, приписывая ему целую цепь кровавых расправ. Едва ли кто из его предшественников или преемников был многим лучше его в этом отношении. Во всяком случае Педро Жестокий запечатлелся в памяти потомства благодаря не только своей жестокости, но и своей богатой приключениями жизни и деятельности. В своей политике он продолжал линию отца, и уже на другой год после вступления его на престол созданные им кортесы провели ряд законов в интересах средних групп, особенно горожан. Эти законы касались промышленности, торговли, борьбы с монополистами; внесены были также законы, освобождавшие горожан от непомерных расходов на содержание королевской свиты в случае приезда короля в город. Поставка продовольствия была ограничена точными цифрами: не более 45 овец, 22 дюжин сушеной рыбы, а {129} свежей не более, чем на 90 мараведи и т. д., в общем вся сумма на «угощение» не должна была превышать 1850 мараведи. Наряду с такими курьезными на наш взгляд мероприятиями, на этих кортесах были проведены и весьма существенные. Одно из таких постановлений касалось организации местной милиции для борьбы с разбойниками и бандитами. Жители каждого города или села должны были находиться в постоянной боевой готовности и по первому звуку набатного колокола вооруженный отряд милиции (так называемые «соматены») должен был являться на место происшествия. Одно из постановлений относилось к рабочему законодательству: рабочие принуждались под страхом тяжелого наказания работать от восхода и до захода солнца.

Из этих постановлений, получивших одобрение короля, ясно вытекала политика Педро Жестокого, направленная против знати и высшего духовенства, и последние были готовы воспользоваться любым поводом, чтобы оказать сопротивление этому «гонителю» знатных и даже свергнуть его с престола. Его сводные братья, незаконнорожденные дети короля Альфонса XI, положили начало мятежам, а Педро дал и с своей стороны подходящий для этого повод, связанный с его брачными делами. Он был не только жесток в расправе, но отдавал дань и любовным увлечениям, и эта сторона его жизни стала занимательным сюжетом для романов. Во время переговоров о заключении брака с французской принцессой Бланкой Бурбонской он сошелся с красивой доньей Марией Падильей. Когда мать и первый министр настояли на том, чтобы он бросил свою возлюбленную и обручился с Бланкой, он сделал это, но на третий день засадил свою невесту в тюрьму, а сам вернулся к Марии и стал жить с ней открыто, что вызвало всеобщий скандал, дало повод к восстанию знати и части городов и даже привело к международным осложнениям. Педро Жестокий на этот раз полностью оправдал свое прозвище, действуя с невероятной жестокостью, но силы в этой борьбе оказались неравными.

Один из «незаконнорожденных» претендентов на кастильский престол, Генрих Трастамара, с помощью раз-^{130}бойничьих банд французских авантюристов (так называемая «белая компания»), а также арагонских и кастильских дворян завладел Бургосом, Толедо и Севильей и был провозглашен королем. Педро пришлось бежать за границу: он пытался с помощью англичан отвоевать обратно кастильскую корону, но был убит в рукопашной схватке самим Генрихом Трастамарой, который и утвердился окончательно на престоле (1369—1379 гг.), основав таким образом новую династию. С этого времени наступает резкий поворот в классовых взаимоотношениях Кастилии, поворот в сторону усиления знати. Но за это же время намечалось и сближение Кастилии с Арагоном, и для понимания дальнейших событий необходимо познакомиться с тем, что происходило в течение XIII—XIV вв. в Арагоне и Каталонии.

Крупнейшим событием в истории Арагона второй половины XIII в. несомненно является окончательное утверждение в Сицилии и борьба за господство в Средиземноморском бассейне. Эта широкая завоевательская политика, продиктованная в первую очередь торговыми интересами Каталонии, создала сложный узел международных противоречий.

Формальным поводом для притязаний на Сицилию явился брак короля Арагона Педро III Великого (1276—1285 гг.) с дочерью сицилийского короля Манфреда. Последний погиб в борьбе с претендентом на сицилийскую корону Карлом Анжуйским, ставленником папы Климента IV. Был казнен в 1268 г. и племянник Манфреда Конрадин. Опираясь на свои родственные связи, Педро III стал оспаривать Сицилию у Карла Анжуйского. Первым шагом для овладения Сицилией явилась африканская экспедиция Педро III, завершившаяся установлением в 1280 г. протектората над Тунисом, который благодаря близости к Сицилии являлся удобной базой для подготовки военных операций. В распоряжении арагонского короля уже была обширная эскадра, когда, сицилийцы, восставшие против тиранической власти Карла Анжуйского («Сицилийская вечерня» 31 марта 1282 г.), обратились к нему за помощью. Последовавшие затем военные операции (в 1283—1284 гг.) были успешны для Педро III, но овладение Сицилией ^{131} вызвало интердикт со стороны папы и вторжение в пределы Каталонии и Арагона французских военных сил. Эта интервенция закончилась, однако, полным поражением французов.

Упорная борьба за опорные пункты в Средиземном море продолжалась и дальше. Наряду с Сицилией, объектом домогательств Арагона становятся Сардиния и Корсика. Сицилия окончательно была закреплена за арагонским домом в 1302 г., а Сардиния была завоевана в 1323—1324 гг. В этих морских экспедициях руководящая роль принадлежала каталонцам. В обстановке постоянных войн выработался своеобразный тип авантюристов-конкистадоров, объединявшихся в отдельные банды наподобие уже упомянутой южно-французской «белой компании». Не имея определенных занятий, они за свой страх и риск отваживались на различные пиратские предприятия. Вскоре после занятия Сицилии в 1302 г. один из таких отрядов направился на восток под предлогом помощи византийскому императору против турок. Успех военных операций в Малой Азии привлек сюда новые отряды каталонских, арагонских и наваррских авантюристов, и дело закончилось тем, что в Афинах образовалось в 1326 г. Каталано-Арагонское государство, находившееся под покровительством сицилийского короля, но к концу этого столетия ликвидированное.

Однако успешная борьба за новые территории не давала еще прочных результатов, так как в это время международная обстановка была необычайно напряженной благодаря таким событиям, как Столетняя война (между Англией и Францией). Сложным было и внутреннее положение в самом Арагоне. Общественный строй сохранял свой аристократический характер и даже больше того: во второй половине XIII в. арагонская знать была сильна и заносчива, как никогда, являясь на кортесы с вооруженной силой и поднимая восстания. Уже при Педро III Великом, который вел успешные операции в Тунисе и Сицилии, она добилась издания так называемой «Всеобщей привилегии» (1283 г.), в которой предоставлялись исключительные права высшей знати в городской верхушке. Правда, в Арагоне к этому времени {132} стала заметно усиливаться и королевская власть, как это мы видели и в Кастилии. Так, например, преемник Педро III, Альфонс III Великолепный (1285—1291 гг.), при своем вступлении на престол не считал нужным приносить по установившемуся обычаю присягу в кортесах в соблюдение феодальных и дворянских привилегий. Знать немедленно подняла оружие, объединилась в «унию» (союз) и предъявила еще более широкие требования. Король упорно сопротивлялся этим притязаниям, заявив, что в Арагоне «столько же королей, сколько «фрикос омбрес» (богатых людей), но в конце концов вынужден был уступить. В 1287 г. он даровал знати новую хартию, известную под названием «Привилегии унии». Она ставила знать в положение независимых государей, обладавших правом менять своего государя по произволу и в случае нарушения этой хартии поднимать против него оружие. Именно с этого времени Великий судья Арагона как защитник дворянских интересов приобретает исключительное значение в государстве.

В дальнейшем ходе событий наблюдаем в Арагоне те же две характерные особенности — растущую разнуданность знати и усиление королевской власти. Наиболее ярко эти черты сказались при Педро IV Церемонном (1336—1387 гг.), современнике кастильского короля Педро Жестокого. В ответ на попытки короля установить жесткий порядок знати и городская олигархия вновь образовали унию и подняли восстание. Базой этого движения были Арагон (знать и городская верхушка городов Уэска, Барбастро, Сарагосса) и Валенсия. Педро IV сначала вынужден был пойти на уступки и подтвердил привилегии унионистов на кортесах Сарагоссы в 1347 г., но через год, воспользовавшись удобным моментом, лично отправился во главе карательной экспедиции в Валенсию. Очутившись в начале на положении пленника, он, однако, получил поддержку от каталонцев, с помощью которых расправился с унионистами как в Валенсии, так и в Сарагоссе. После этого он кинжалом разрезал пергамент, на котором была изложена «Привилегия унии», и с такой яростью это сделал, что ранил себе руку. Еще с большей яростью он расправился с мятежными баронами. Он приказывал {133} вливать в их глотки расплавленный металл из того колокола, по звону которого унионисты собирались на свои собрания.

Ликвидация унии не означала, однако, полной отмены дворянских привилегий: дело шло только об ограничении непомерных притязаний арагонского дворянства, которому противостояли дворянство и города Каталонии, неизменно отстаивавшие абсолютистскую политику короля. Следует также отметить, что мудехары и евреи, в руках которых находились промышленность и торговля, продолжали пользоваться покровительством центральной власти и при Педро IV.

Только положение крестьян несколько не изменилось к лучшему. И если арагонская знать получила отпор своим притязаниям на полную независимость, то их власть над крепостными по-прежнему оставалась непоколебленной.

Таким образом, к концу XIV в. в двух крупных государствах Пиренейского полуострова ясно наметились аналогичные сдвиги в классовых взаимоотношениях. И в Кастилии, и в Арагоне в это время наблюдалось усиление абсолютистских тенденций. Процесс формирования централизованной испанской монархии вступает в последнюю свою фазу, которая характеризуется объединением обоих государств. Уже при указанных двух королях-современниках, Педро Жестоком Кастильском и Педро Церемонном Арагонском, классовая борьба в обоих государствах проходила в тесном взаимодействии. «Незаконнорожденные» противники Педро Жестокого во главе с Генрихом де Трастамара нашли себе поддержку у арагонского короля, и это вызвало целый ряд войн между двумя государствами. Как уже было сказано, Генрих воспользовался услугами интернациональной по своему составу армии авантюристов («белая компания»), которая, проходя через территорию Арагона, вопреки заключенному соглашению,

разграбила и опустошила ряд городов и местечек. После поражения и гибели Педро Жестокого, Генрих II Трастамара стал законным кастильским королем. Но ему пришлось отстаивать свою власть, а также и территорию Кастилии от многочисленных врагов, в первую очередь от Португалии, король которой занял соседнюю Галисию под предлогом защиты интересов сыновей Педро Жестокого. Последних поддерживал и ряд городов Кастилии и Галисии, поднявших восстание против нового короля. Дело осложнилось тем, что Генрих в качестве союзника Франции должен был бороться и с Англией, где оказались претенденты на кастильскую корону — герцоги Ланкастерский и Йоркский, женатые на дочерях Педро Жестокого (от Марии де Падильи). В столь сложной обстановке Генрих II старался опереться на союз с Арагоном, закрепляя его путем брачных комбинаций. Но внутри Кастилии ничем не сдерживаемая знать поднимает голову, добиваясь от Генриха широких раздач и захватывая самочинно государственные земли.

2. ПРИЗРАК КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

С конца XIV в. на Пиренейском полуострове наступает сплошная полоса смут, междоусобий, невероятной анархии. Разнузданность знати и князей церкви, бесчинства и разбои дворянских банд, авантюристов, искателей приключений — все это сливается в один сложный клубок. На этом фоне безудержного разгула феодалов, распавшихся на отдельные группы и фамилии, перед нами проходит целая вереница кастильских и арагонских королей, обладавших причудливыми прозвищами, но необычайно слабой властью. Оба государства вступили в период затяжного кризиса, причем события в Кастилии и Арагоне настолько тесно переплетаются, что уже нет возможности их излагать раздельно. Вспышки мятежей стали особенно частыми, ими сопровождалась каждая смена на престоле, причем в большинстве случаев вступали на престол малолетние короли, за которых правили многочисленные регенты из крупнейших фамилий. В Кастилии такое положение тянулось на протяжении всей первой половины XV в. и стало особенно напряженным, когда на престол вступил двухлетний Хуан II (1406—1454 гг.). Регентство захватил один из крупнейших магнатов Кастилии Альваро де Луна, превратившийся потом в королевского фаворита (любимца). Ему принадлежало до 70 городов и огромное количество поместий. Он был высшим сановником (коннетаблем) Кастилии и гроссмейстером (главой) духовно-рыцарского ордена Сант-Яго де Компостела, располагая доходами, которые во много раз превышали королевские. Против этого могущественного фаворита образовалась обширная коалиция, в составе которой мы видим королевских принцев, кастильских и арагонских магнатов. Борьба тянулась десятки лет, пока, наконец, король не согласился на казнь своего любимца.

Сходную картину мы наблюдаем и в Арагоне. Там дело осложнялось еще тем, что правящая династия пресеклась, и это привело к острому соперничеству претендентов, так как при разнородности состава Арагоно-Каталонского объединения далеко не так просто было добиться всеобщего признания. В 1412 г. дело закончилось компромиссом. Собравшиеся в Каспе представители от кортесов трех областей остановили свой выбор на Фердинанде, бывшем в это время регентом в Кастилии. Характерно, что кандидатура Фердинанда нашла больше всего сторонников в Арагоне, в то время как Валенсия и особенно Каталония довольно холодно отнеслись к избранию в короли выходца из Кастилии, ревниво оберегая свои феодальные интересы. Эти оппозиционные и сепаратистские тенденции сказывались во все кратковременное правление Фердинанда (1412—1416 гг.), который не проявил должного уважения к старинным вольностям каталонской знати и горожан. Последние больше всего были заинтересованы в дальнейшем расширении своего господства в Средиземноморском бассейне. И после Фердинанда, при его сыне Альфонсе V Мудром (1416—1458 гг.), влияние каталонцев на политику нового короля нашло свое выражение в борьбе за Неаполь, который был завоеван в 1443 г. Таким образом, к тому времени, когда окончательно наметилось слияние Кастилии и Арагона, последний представлял уже крупную морскую державу в западной половине Средиземного моря.

Процесс слияния двух крупнейших государств Пиренейского полуострова завершился при кастильском короле Генрихе IV (1454—1474 гг.) и арагонском — Хуане II (1458—1479 гг.) — брате Альфонса V. В течение первой половины XV в. в классовых группировках Кастилии произошли изменения, поставившие земельную знать в положение, сходное с Ара-

гоном. За это время влияние городской демократии, которая так упорно противостояла земельным магнатам в предыдущие столетия, сильно пошатнулось. Об этом наглядно свидетельствует сокращение представительства от городов в кастильских кортесах. В течение XIII и XIV вв. на кортесы приглашались «депутаты от всех городов, местечек и сел нашего государства», как значится в королевских призывных грамотах. Для прав участия в кортесах достаточно было иметь собственный совет; утрата совета или подчинение города или селения сеньору вело за собою и утрату права представительства. В XIII и XIV вв. города и даже местечки занимали преобладающее место в кортесах, да и самые кортесы созывались особенно часто, представляя в этом отношении исключительный случай в истории западноевропейских сословно-представительных учреждений данного периода.¹ С конца XIV и особенно в XV в. городское представительство сильно падает, и в призывных грамотах королей речь идет лишь о депутатах «от некоторых городов и местечек». Несмотря на то, что при Хуане II за 48 лет кортесы созывалась 38 раз, представительство от городов ограничивалось всего лишь 17 наиболее крупными.² Причину этого явления следует искать в усилении земельной знати, духовной и светской, которая, как мы видели, захватывала в свои руки огромные территории, города и местечки, представительство от которых переходило к тем же сеньорам. И в самих городах, в связи с их экономическим ростом, наблюдалось {137} резкое социальное расслоение и захват руководящей роли в консехос привилегированной верхушкой.

При последнем короле династии Трастамары, Генрихе IV, феодальная анархия достигает небывалых размеров. И Генрих IV подобно своим предшественникам начинает с раздачи земель крупным знатным фамилиям. В одной из самых цветущих провинций Испании, Андалузии, возникают обширные латифундии, уцелевшие вплоть до наших дней. Кастильская знать распадается на отдельные банды, которые совершают разбойничьи набеги на города и села.

Эти кровавые междоусобия заполняют собою весь период правления Генриха IV. Династия Трастамары пресеклась в виду отсутствия детей у Генриха от первой жены. Король женится второй раз и родившуюся от этого брака дочь Хуану он объявляет наследницей престола. Появление на свет дочери приписывалось, однако, не королю, а любовнику королевы Бельтрану, ставшему временщиком слабого короля. Это и дало повод к образованию лиги знатных фамилий во главе с толедским архиепископом. Они выдвинули кандидатуру брата короля Альфонса. За Генрихом IV стояла новая неродовитая знать и часть городов. Лига объявила короля низложенным, надругавшись в Авиле над его статуей, с которой они срывали и растаптывали знаки королевского достоинства. Генриху IV удалось в конце концов одержать победу над мятежниками в 1467 г., но все же ему пришлось уступить домогательствам знати. Альфонс был объявлен наследным принцем. Однако через год король снова восстановил Хуану в правах инфанты (наследницы престола), тем более, что Альфонс вскоре умер. Это внесло некоторое замешательство в ряды лиги, но они взамен Альфонса выдвинули кандидатуру сестры короля Изабеллы. Изабелла, однако, отклонила предложение короны при живом брате и удовольствовалась титулом кастильской инфанты. Генрих IV на этот раз не оказал особого сопротивления и в 1468 г., держа за узды лошадь, на которой сидела сестра, доставил ее из монастыря св. Иеронима в Гисанде в Сеговию, признав за ней право наследования.

Вставал вопрос о замужестве инфанты и, как это {138} издавна установилось по обычаям феодальной эпохи, вопрос этот приобретал большое политическое значение, ибо заключение брачных союзов связывалось тогда с судьбой территорий и даже целых государств. Неудивительно, что в связи с замужеством Изабеллы развернулась борьба многочисленных претендентов на ее руку. В числе этих претендентов мы видим Карла, герцога Гиеньского (брата французского короля Людовика XI), короля португальского Альфонса, английских принцев —

¹ Кортесы созывались за время с 1252 по 1474 г. 138 раз. К концу XIV в. они стали собираться периодически. За весь указанный период только при Педро Жестоком кортесы были созваны один раз, а в большинстве случаев они созывались через каждые два-три года.

² Так, например, на мадридских кортесах 1435 г. присутствовали депутаты от следующих городов: Бургоса, Леона, Заморы, Торо, Саламанки, Сеговии, Авилы, Вальядолида, Сории, Толедо, Кордовы, Мурсии, Хаэна, Куенки, Мадрида, Гвадалахары и Севильи. После 1492 г. в этот список была включена и завоеванная у мавров Гранада.

Ричарда, герцога Глостерского (будущего короля Ричарда III) и герцога Кларенса — и наконец сына арагонского короля Хуана II, Фердинанда.

Придворная партия Генриха IV с своей стороны поддерживала притязания крупнейшего магната, великого магистра ордена Калатрава. Здесь же находила себе поддержку и кандидатура португальского короля. В этом состязании многочисленных претендентов на руку молодой инфанты шансы на успех определялись соотношением сил в международной борьбе за территории и классовыми группировками на Пиренейском полуострове. Предпочтение английского или французского претендента означало бы включение Кастилии в орбиту политики указанных государств, португальская кандидатура открывала перспективы слияния Кастилии с государством, которое, несмотря на свои ничтожные размеры, обнаруживало уже тогда упорное стремление к колониальным захватам. Но все предшествующие попытки объединения Кастилии и Португалии были неудачны, ввиду противоречивости интересов господствующих классов этих стран.

Совершенно иначе стоял вопрос об объединении Кастилии с Арагоном. Не забудем, что и арагонский престол после соглашения в Каспе занимала кастильская династия. Арагонская аристократия и тогда уже не возражала против кастильского кандидата на арагонский престол. Международная обстановка точно также диктовала политику сплочения сил и создания мощного противовеса домогательствам соседней Франции с ее могущественным монархом Людовиком XI. Однако основную причину ясно наметившегося сближения Кастилии и Арагона следует искать в классовых группировках этих {139} государств. Если политический строй Арагона и на данном этапе сохранил свой аристократический характер, то к XV в. и в Кастилии перевес в классовой борьбе оказался на стороне крупнейшей земельной знати: городские ремесленники и крестьянство уже не создавали достаточного противовеса их притязаниям, между тем как в составной части арагонского объединения — в Каталонии, а также на Балеарских островах началась полоса крестьянских восстаний. Страх перед дальнейшим подъемом крестьянского движения сыграл несомненно значительную роль в деле объединения двух крупнейших государств Пиренейского полуострова.

В январе 1469 г. в Сервере уполномоченные Изабеллы и Фердинанда подписали брачное соглашение на следующих условиях. Фердинанд обязывался свято блюсти законы и обычаи Кастилии, иметь свою резиденцию именно в этом королевстве и не отлучаться из него без ведома Изабеллы, не оказывать предпочтения иностранцам при назначении на городские должности, а на военные или гражданские должности давать назначение только с согласия Изабеллы, предоставить последней исключительное право раздавать церковные бенефиции. Все государственные акты подписываются обоими. Фердинанд обязывался также неуклонно вести борьбу против мавров, не покушаться на владения и привилегии знати и не добиваться восстановления прав на домены, принадлежавшие раньше его отцу в Кастилии. Вскоре после этого состоялось свидание между Фердинандом и Изабеллой, причем первому пришлось ехать из Арагона в Кастилию с величайшими предосторожностями, в роли погонщика мулов, дабы усыпить бдительность шпионов и прислужников маркиза Виллены — лидера королевской партии. 19 октября 1469 г. архиепископ толедский совершил брачный обряд над королевской четой. Король Генрих IV, находившийся в это время в Андалузии, поставлен был перед совершившимся уже фактом, и это явилось для него поводом для того, чтобы нарушить соглашение с сестрой и вновь выдвинуть в качестве инфанты дочь Хуану.

Разрыв короля с Изабеллой послужил началом новой вспышки кровавых междоусобий, наглядное представ- {140} ление о которых дает один современный автор. По его словам, три крупнейших магната «поставили своей задачей опустошить всю Андалузскую страну»; они «с каждым днем умножают число убийств и грабежей, в которых они взаимно обвиняют друг друга; вся страна пришла в запустение... вследствие того, что война не позволяла заниматься земледелием». Относительно Мурсии этот же автор замечает: «вот уже более пяти лет (его рассказ относится к 1473 г.) как ни письма, ни гонцы, ни прокуратор, ни казначей, не отправляются туда и не являются к нам оттуда». Великий магистр Алькантары «засыпает не иначе, как с копьем в руке, под охраной иногда пятисот, иногда же трех тысяч всадников». «А что мне сказать, — восклицает автор, — о благородном городе Толедо, об этом дворце императоров, где все без исключения — и большие, и малые — ведут поистине печальную и несчастную жизнь. Народ восстал вместе с деканом Морелес и приором де-Арош и выгнал из города графа

де Фуэнсалида, его сыновей, Диего де Робера, который занимал дворец, и всех сторонников великого магистра. Тогда изгнанники начали войну против города, а город против изгнанников. Так как горожане — ревнивые защитники веры, то надо полагать, что по их мнению все имущество земледельцев Фуэнсалиды оказалось недостаточно правоверным, потому что они разграбили их деревни и разорили Гвадемур и другие места. Изгнанники с своей стороны и с тем же самым католическим рвением сожгли многие дома».

Положение в Арагоне было еще более грозным. Происходившая здесь, как и в Кастилии, борьба среди представителей крупной знати и богатых горожан осложнялась широко развернувшимся крестьянским восстанием в северной Каталонии и на Балеарских островах. Как уже было указано, арагонское и каталонское крестьянство с давних времен находилось под жестоким крепостным гнетом. Уже в начале XV в. начинается революционное брожение среди каталонских крепостных, так называемых «ременс», настойчиво выдвигавших требование отмены «дурных обычаев» и полной ликвидации крепостничества. Арагонские короли из страха перед восстаниями крестьян неоднократно вынуждены были издавать {141} декреты об отмене «дурных обычаев» и смягчении участи крестьян. Сеньоры и горожане каждый раз оказывали этим декретам упорное сопротивление, добиваясь решительной расправы с восставшими. Дело осложнялось еще тем, что в Каталонии стали резко сказываться сепаратистские тенденции, и, когда арагонский престол перешел в руки Хуана II, каталонцы поставили ему условие не являться в их страну без особого приглашения кортесов, т. е. представителей знати и городов. В такой обстановке и крестьянское движение приобрело политический характер, так как ремесленники стали возлагать свои надежды на арагонского короля, а последний в свою очередь стремился использовать это движение в целях подчинения Каталонии интересам арагонской монархии. В 1462 г. восстание приняло громадные размеры, имея в качестве вождя мелкопоместного дворянина Франциско де Вернтальят. Из Ампурдана, где раньше всего поднялись крестьяне, восстание перекинулось в соседние области северной Каталонии: Безалю, Санта-Пау, Олот, Кампродон, епископства Херонское и Викское и охватило даже часть южной Франции — Руссильон и Перпиньян. К этому движению примыкали кроме ремесленников также и свободные крестьяне, испытывавшие на себе гнет сеньоров, малоземельные и безземельные батраки и поденщики, и это сказалось на лозунгах восставших крестьян. «Адам умер, — заявляли они, — не оставив завещания, следовательно, земля должна быть разделена на равные участки между всеми людьми — его детьми, так как несправедливо, чтобы одни владели ею, а другие оставались без земли». По мере разрастания движения оно стало принимать организованный характер. Главный вождь крестьян, упомянутый уже Вернтальят, создал из крестьянских ополчений крепкую военную организацию, разбив их на роты и эскадроны, причем крестьяне давали на нужды войны определенные взносы. Но вместе с тем Вернтальят настойчиво убеждал крестьян выступать за короля и добиться для него доступа в Каталонию. Крестьянские отряды повели наступление на ряд городов и монастырей северной Каталонии, что вызвало большое смутение среди сеньоров и горожан. Барселонский совет пытался мирным путем договориться {142} с ремесленниками, организовав для этой цели комиссию из представителей трех сословий. Однако, бесконечные переговоры депутации с крестьянскими вождями ни к чему не приводили. Сеньоры же с самого начала отвергали этот путь компромисса, добиваясь решительной расправы с мятежниками.

В особой записке каталонские феодалы заявляли, что «нет ни малейшего основания оказывать милости крестьянам, тем более, что они коварным образом устроили объединение, желая при его посредстве скупить наши земли..., они воровски присваивают себе наши ренты и владения: они стали нарушать и другие наши права, просто называя «дурным обычаем» все то, чего не хотели нам платить;... они взяли за оружие и стали убивать каждого, кто решился что-нибудь потребовать от них. Они заключили между собой соглашение умерщвлять своих сеньоров, осаждают их замки, грабят на больших дорогах, захватывают в плен дворян, открыто нападать на их дома».

После долгих и бесплодных переговоров летом 1462 г. начались открытые военные действия между каталонским принципатом и арагонским королем Хуаном II, опиравшимся на восставших крестьян. Хуан II, объявленный барселонским советом врагом отечества, вступил в пределы Каталонии и при помощи Вернтальята захватил ряд городов. Осенью депутаты Барселоны с отчаяния предложили каталонский трон кастильскому королю Генриху IV, но вмешательство последнего не могло остановить крестьянского движения, а летом 1463 г. Генрих IV,

договорившись с Хуаном II, отказался от притязаний на Каталонию. Борьба затянулась еще на ряд лет, и мир был заключен только в 1472 г.

Вождь крестьян Вернтальят получил титул виконта де Бассо, звание члена королевского совета, земельные владения и феодальные права над крестьянами. Крестьянам даны были некоторые льготы и отсрочки в уплате повинностей и недоимок, но даже и эти частичные уступки вызвали решительное противодействие в особенности со стороны церковных феодалов.

В 1474 г. каноники Херонского епископата, собравшись на избирательное собрание в кортесы, признали себя {143} «окруженными со всех сторон нечестивым племенем ремес, бывших виновниками смут в отечестве», и потребовали, чтобы крестьяне приведены были в прежнюю зависимость от сеньоров, приносили им присягу в верности и выполняли те повинности, которые вытекали из нее и записаны были в грамотах подчинения. Домогательства церковников увенчались полным успехом: король особым декретом восстановил за церковью права, принадлежавшие ей до восстания ремес. Несколько позднее в 1481 г. подтверждены были и права остальных сеньоров в отношении зависимых от них крестьян. Таким образом, первый этап каталонской крестьянской войны, широко использованный группировками господствующего класса, оказался в сущности поражением для крестьянства.

Но каталонское восстание не было единичным явлением в пределах Арагонского объединения. Аналогичное движение развернулось на острове Майорка. В истории средневековых крестьянских восстаний это движение представляет особый интерес. Основную массу восставших и здесь составляло крепостное крестьянство, так называемые «форензес», но господами положения здесь с момента завоевания острова у мавров были не столько крупные собственники, сколько их арендаторы, мелкопоместное дворянство и городская олигархия. Каталонские кабалерос в качестве колонистов закрепили за собой земельные участки, а наряду с ними и горожане находили для себя выгодным заниматься сельским хозяйством, заменяя труд вечнонаследственных арендаторов трудом невольников. Мы уже говорили выше, что Балеарские острова с XIII в. были одним из крупных центров невольничьего торга на Средиземном море. В итоге местное крестьянство оказалось здесь в исключительно тяжелом положении, которое ухудшалось еще частыми эпидемиями. Неудивительно, что крестьянские восстания начинаются здесь уже в XIV в. Крупное восстание разразилось на Майорке в 1384 г. и с еще большей силой возобновилось в 1391 г., сопровождаясь погромами евреев-ростовщиков, избиениями невольников и осадой главного города Пальмы, причем форензес каждый раз находили поддержку у городских низов. Но {144} {файлы isp144.jpg, isp145.jpg} самое крупное восстание на этом острове произошло в 1451 г., когда богатые горожане Пальмы потребовали от крестьян, желавших выкупить свои участки, предъявления письменных документов на право владения этими участками. Таким путем горожанам удалось присвоить значительное количество крестьянских участков. При первой же попытке захвата этих участков быстро выросшее крестьянское ополчение под предводительством сына сельского батрака Симона Балестера появилось у стен Пальмы. Повстанцы прекратили доставку продовольствия в город и отвели воду из каналов. Тогда городские власти были вынуждены вступить с ними в переговоры. Решено было отправить депутацию к неаполитанскому королю. Тем временем губернатор собрал военные силы и попытался запугать крестьян, но последние оказались сильнее и вновь осадили Пальму. Городские заправилы оказались на этот раз более сговорчивыми, тем более, что крестьяне нашли поддержку у городских ремесленников. Восставшим были обещаны некоторые уступки и амнистия, но только для того, чтобы усыпить их бдительность и подготовить решительную расправу. При содействии нового губернатора удалось уговорить крестьян послать к королю новую депутацию во главе с вождем Балестеро. Как только депутация покинула остров, началась жестокая расправа, в результате которой были казнены все вожаки восстания, в том числе и заместитель Балестеро кожевник Москаро. Крестьянам пришлось кроме прежних недоимок покрывать все убытки, причиненные горожанам, а также расходы по проведенной экзекуции. После этого поражения, в 1462 г. восстание вновь вспыхнуло под непосредственным влиянием каталонского восстания, но уже в 1463 г. эта последняя вспышка была подавлена жестокими казнями, между тем как каталонское движение еще продолжало развиваться.

Крестьянская война в Каталонии и на Майорке, непосредственно предшествовавшая объединению Арагона и Кастилии, в конечном итоге и решила последующую судьбу этих государств. К сожалению, история крестьянских движений в самой Кастилии совершенно не ис-

следована, но судя по отрывочным и неполным указани-^{145}ям источников, и здесь имели место восстания крестьян, хотя и не в столь широком масштабе, как в Каталонии. Наиболее известно восстание крестьян в Андалузии, в местечке Фуэнте-Овехуна («Овечий источник»), послужившее впоследствии сюжетом для одноименной пьесы испанского драматурга Лопе де Вега. Во всяком случае Арагон и даже наиболее склонную к сепаратизму Каталонию, феодалов и богатых горожан этих стран страх перед крестьянским восстанием, которое после короткого перерыва вновь вспыхнуло в 1484 г., заставил преодолеть исторически сложившуюся взаимную отчужденность и внутреннее соперничество и пойти на неизбежный компромисс. Кроме того и международная обстановка толкала на этот же путь объединения и концентрации сил. В тот самый момент, когда Фердинанд и Изабелла оформили свой брачный союз, завершилась борьба между Арагоном и Францией из-за спорных пограничных областей, в частности из-за Руссильона. Людовик XI использовал затруднительное положение на Пиренейском полуострове для окончательного закрепления за Францией ряда спорных территорий на юге. Фердинанду пришлось не один раз спешить на выручку к своему отцу Хуану II во время войны с Францией, последовавшей вскоре после окончания борьбы с каталонским принципатом. Если в конечном итоге Руссильон и оказался потерянным навсегда для Арагона, то Людовику XI, отвлеченному борьбой с бургундским герцогом, не удалось помешать образованию на Пиренейском полуострове крупного могущественного государства.

Генрих IV и поддерживавшая его придворная партия после заключения брачного союза между Фердинандом и Изабеллой делали последние отчаянные усилия, чтобы отстоять дело Хуаны путем различных брачных комбинаций. Генрих снова пошел на примирение с сестрой, а последовавшая в 1474 г. его смерть открыла для Изабеллы прямой путь к престолу. В том же году в Сеговии она и была провозглашена королевой Кастилии. Однако всеобщего признания она сразу не получила: против нее образовалась сильная коалиция крупной знати и городов во главе с недавним союзником Иза-^{146}беллы архиепископом толедским. Новая партия, заручившаяся поддержкой португальского короля, упорно отстаивала притязания злополучной Хуаны. И только в 1479 г. дело закончилось всеобщим признанием Изабеллы. В этом же году умер арагонский король Хуан II, и оба государства окончательно объединились под властью «католических государей» — Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской.

————— ^{147}

ГЛАВА V

ИСПАНИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ «КАТОЛИЧЕСКИХ ГОСУДАРЕЙ»

1. ПОЛИТИКА ТВЕРДОЙ ВЛАСТИ

Таким своеобразным способом два наиболее крупные государства полуострова объединились под властью «католических государей» Фердинанда и Изабеллы, образовав единую Испанскую монархию. Время их правления представляет поворотный момент в исторических судьбах Испании. Оно открыло перед господствующим классом беспредельные перспективы, но оно же таило в себе зловещие признаки грядущего упадка. То, что переживала Испания в конце XV в., во многом сходно с внутренней историей других европейских стран. Абсолютные монархии выросли в ряде государств континента, но сложившаяся к этому же времени испанская монархия имеет с ними, по замечанию Маркса, «лишь чисто внешнее сходство» (т. X, стр. 722). Экономическое развитие страны за предыдущие столетия на широкой базе отвоеванных территорий с богатейшими источниками материальных средств производства, с унаследованными центрами промышленности, торговли, с широкими возможностями для развития сельского хозяйства не могло не создать условий для экономического и политического объединения Испании, оно не могло не подорвать вместе с тем значения феодальной знати, превратив ее в паразитический класс. Но в этом процессе была и другая сторона, сложившаяся исторически и наложившая яркий и своеобразный отпечаток на весь ход испанской истории. Ее можно определить одним, но очень выразительным испанским словом — реконкиста. Если мы сопоставим начало и конец этого многовекового периода, то поразимся, какая громадная раз-

ница между ними. В XI в. реконкиста проходила при таком соотношении общественных сил, которое в ведущем государстве {148} Кастилии, казалось, обеспечивало благоприятные условия для развития основной массы кастильской народности. В XV в. реконкиста получила свое завершение как раз в период правления «католических государей», но соотношение сил резко изменилось в пользу наиболее паразитической части испанского общества и в явный ущерб народным массам и всем здоровым элементам разнообразного и пестрого по своему составу населения Испании. Народные массы осуществляли реконкисту, а плоды ее достались старому феодальному классу. Но последнему для того, чтобы обеспечить себе спокойное обладание ими и взять последний оплот мавров — Гранаду, необходимо было прежде покончить с феодальной анархией и разрешить грозный крестьянский вопрос.

Первые годы правления королевской четы еще во многом напоминают времена их предшественника — Генриха IV. Дворянские банды, возглавляемые духовными и светскими магнатами, хозяйничали по всему полуострову, занимаясь грабежами и насилиями, нарушая нормальное течение жизни. Но уже с самого начала дала себя знать твердая рука новых правителей страны, направившая свои удары в первую очередь против знати. Эта политика беспощадного террора находила себе поддержку в городских объединениях, располагавших и собственной военной силой и материальными ресурсами. Уже в 1480 г. создалась «Святая германдада», представлявшая собой конфедерацию городов, объединившихся в борьбе против феодальной знати. Мы уже видели, как исторически эти организации возникали. Несмотря на то, что города теряли свои вольности, их военная и судебная организация сохранялась и была использована «католическими государями» для борьбы против знати. Конфедерация кастильских городов располагала отрядом в 2 тысячи всадников и значительным количеством пехоты, которые и несли полицейскую охрану. Сторожевые посты расставлены были по стране через каждые пять миль и при первой же попытке грабежа или насилия начиналось преследование. Германдада имела свой суд из представителей от городов; он немедленно приступал к разбору дела, вынося суровые приговоры, причем широко применялась смертная казнь. Решения суда {149} были безапелляционны и тотчас же приводились в исполнение. Финансировалась эта организация теми же городами, которые ввели для этого особое обложение всего населения. Таким путем королевская власть получили готовую вооруженную силу, которая была широко использована как для полицейской охраны, так и для военных целей. В 1488 г. «Святая германдада» была учреждена и в Арагоне. Уже в течение первых лет своего правления новые государи обрушились беспощадным террором на крупных феодалов, ликвидируя дворянские банды в Галисии, Андалузии и Кастилии. Многие поплатились своей жизнью, многие спаслись бегством, — замки их срывались до основания, имущество конфисковывалось.

Одновременно началась и реорганизация самой системы управления, и важнейшие реформы были проведены уже на первых кортесах, созданных в Толедо в 1480 г. Несмотря на сопротивление знати, на этих кортесах был проведен ряд актов, лишивших знать права воздвигать новые замки, чеканить собственную монету. Коронные земли, захваченные самочинно или даже пожалованные прежними королями, были отобраны. Обширные владения духовно-рыцарских орденов точно также перешли в ведение короля, рыцари этих орденов были переведены на точно фиксированную пенсию и самое управление орденами перешло в дальнейшем к королю Фердинанду, что было санкционировано и папской буллой.

Умиротворение страны и ликвидация дворянских разбойничьих банд обусловлено было в конечном итоге организованным сопротивлением городов, а также мелкопоместного дворянства, поставившего главные военные контингенты для борьбы против ненавистных ему крупных магнатов. Но этой борьбой двух феодальных группировок испанского общества далеко еще не исчерпывается сложное содержание начального периода царствования Фердинанда и Изабеллы. К первым же годам их правления относится и второй этап крестьянского движения, широко развернувшегося в той же Каталонии, но нашедшего определенное отражение и в других районах полуострова. Даже в Кастилии, где, как мы видели, {150} крестьянство находилось в наиболее благоприятных условиях, в XV в. давало себя знать усиление феодального гнета. Политика «католических государей» в отношении кастильского крестьянства была довольно противоречива. Беспощадная расправа со знатью не могла не вызывать сочувствия и поддержки со стороны крестьян. Королевская власть проводила даже ряд актов, обеспечивавших крестьянам свободное обращение со своим имуществом, облегчавших выкуп на волю,

устранявших злоупотребления со стороны феодалов. Но эта политика не была выдержана до конца: нередко Фердинанд и Изабелла давали приближенным лицам в качестве пожалований целые населенные пункты и тем самым ставили население в зависимое положение от нового господина. Несравненно тяжелее было положение арагонского крестьянства, которое и в XV в. продолжало находиться под феодальным гнетом могущественного дворянства. И здесь крестьянство уже само вставало на борьбу за свое освобождение. Конец XV и начало XVI в. были весьма богаты крестьянскими восстаниями, правда, возникавшими спорадически и не перераставшими в общую крестьянскую войну. Фердинанд в своем собственном домене пытался облегчить положение крестьянства путем ограничения феодальных привилегий и запрещения «дурных обычаев», но его мероприятия каждый раз наталкивались на противодействие могущественной дворянской олигархии.

Разрешение крестьянского вопроса пришло из того района испанской монархии, где развернулось наиболее крупное по размерам крестьянское восстание. Этим районом по-прежнему была Каталония. Мы уже видели, каковы были предпосылки и каков был ход каталонской крестьянской войны на первом ее этапе. Постановления кортесов 1481 г., восстановившие права и привилегии сеньеров, означали полный крах для крестьянства. Сеньоры не преминули воспользоваться своей победой и, ничему не научившись из уроков подавленного восстания, усилили эксплуатацию ремесленников. Но это и послужило толчком к новому взрыву крестьянской войны. Она возобновилась осенью 1484 г., главным ее очагом по-прежнему была долина Миерес в Херонском {151} диоцезе. Во главе восставших стал отважный крестьянин Педро Хуан Сала, хорошо знакомый с военным делом, как и многие крестьяне этого района, нередко участвовавшие в войнах того времени. Ему удалось собрать значительные отряды ремесленников, вооружить их арбалетами и с самого начала нанести поражение отряду, посланному из города Хероны для усмирения. Этот успех вызвал смятение как среди дворянства, так и среди членов городского совета Барселоны. Фердинанд в это время находился в Андалузии, а его именем каталонским принципалом правил, в качестве наместника, его двоюродный брат Генрих. Напуганные движением ремесленников местные власти растерялись, между дворянством и горожанами не было единства. Последние более склонны были идти на компромисс, тем более, что вождь крестьян, выступая за освобождение крестьян, ссылаясь на согласие короля. Между тем восстание разрасталось и перекинулось в соседние районы. В Викском диоцезе движение возглавлял племянник Салы, Варфоломей. Попытки подавить восстание все время терпели неудачу, так как и войска (главным образом пехотинцы) неохотно шли на усмирение. В январе 1485 г. два крестьянских ополчения, возглавляемые дядей и племянником, очутились уже у предместий Барселоны. Они захватили Кальдас, Гранольерс и Таррасу и подвергли эти пункты разгрому. Только в конце марта дворянскими отрядами удалось нанести крестьянам серьезное поражение и захватить в плен их вождя Педро Салу. Его доставили в Барселону, привязали к трем ослам, на берегу моря обезглавили и четвертовали, голову вывесили на городской башне.

Но восстание ремесленников на этом не окончилось, оно превратилось в партизанскую войну. И это усложняло для представителей господствующего класса задачу окончательного подавления восстания. Явившиеся сюда агенты короля добивались компромисса, на котором настаивали и горожане. Но местные сеньоры, в особенности духовенство, продолжали упорствовать и требовали решительной расправы с ремесленниками. Наконец, в декабре 1485 г. отправились в Андалузию к Фердинанду делегации от крестьян, сеньоров, духовенства и от города {152} {файлы isp152_1.jpg, isp152_2.jpg, isp153.jpg} Барселоны для выработки соглашения под руководством самого короля. 21 апреля 1486 г. в монастыре св. Марии де Квадалупе (возле Кордовы) состоялось совместное совещание делегаций с королем, а через несколько дней была обнаружена так называемая «Сентенция», которой отменялось крепостное право в Каталонии. Этим государственным актом отменялись шесть так называемых «дурных обычаев». «Мы не можем их терпеть, — говорится в документе, — без великого греха и не подвергаясь тяжким укорам совести, так как названные дурные обычаи влекут за собою массу всевозможных злоупотреблений и заключают в себе явную несправедливость». Однако эта отмена наиболее ненавистных для крестьянства феодальных повинностей обусловлена была определенным выкупом и только такие повинности, как «право первой ночи», насильственный привод кормилиц в дом сеньера, были отменены без вознаграждения. У сеньора было отнято право уголовной юрисдикции, переходившее теперь к короне, но гражданская юрисдикция за ним сохранялась. Данный акт не

отменял окончательно феодальной зависимости и обязывал крестьян приносить сеньорам присягу в том, что они держат в зависимости от сеньоров мансы, дома и всякого рода земли и угодья, но без подчинения «дурным обычаям». Крестьяне получили право свободно уходить со своих участков и брать с собою движимое имущество, кроме виноградного пресси, и при условии предварительной уплаты всех долгов. Что же касается их земельных участков, то они переходили к сеньору. Крестьяне лишены были права отчуждать свои земельные держания за исключением тех, которые были ими приобретены путем купли. Отменялись, таким образом (да и то с оговорками), личные права сеньора, проистекавшие из его функций как государя. Сентенция полностью сохраняет за ним так называемые «реальные права», связанные с земельными держаниями, в том числе десятину и другие поборы в пользу церкви. Освобождались от этих повинностей только те крестьяне, которые могли доказать документами, что они освобождены от них. Следует при этом подчеркнуть, что восставшие ремесленники особенно яростно боролись против {153} феодального гнета со стороны церкви и как раз этого они не добились. В Сентенции речь шла только о смягчении личной зависимости на определенных условиях, а материальные интересы сеньоров всячески ограждались. Заканчивается Сентенция внушительными угрозами по адресу крестьян.

«Ремесленники, — читаем мы там, — и многие крестьяне, не будучи ремесленниками, но находясь под нашей властью или под властью прелатов, баронов, рыцарей, горожан и других лиц, восстали в большом числе с оружием в руках и начали открытую войну в принципате, силой вторгались в королевские города и местечки, убивали жителей принципата, рыцарского и других сословий, незаконно пользовались королевским знаменем и, что еще хуже, от нашего королевского имени захватывали, грабили и насильственно удерживали многие замки, присвоили себе королевские права и прерогативы по выдаче охранных грамот, требованию выкупа и заключению в тюрьму, оказывали сопротивление нашим агентам, нападая на них, раня и преследуя, так что мы вынуждены были выставить пешее и конное войско для обуздания ярости и неистовства крестьян». Король распорядился наказать смертью зачинщиков восстания и конфисковать имущество у семидесяти главарей крестьянских отрядов. Многие крестьяне считали себя обманутыми, и отдельные вспышки мятежа еще имели место. Но основная масса отхлынула от движения. Так закончилось одно из наиболее крупных в европейской истории того периода крестьянских восстаний. Если оно и расшатало основы феодального строя в наиболее передовом углу Испании, то оно все же удержало за дворянством и духовенством земельные участки и ускорило процесс экспроприации мелкого производителя, страдавшего одинаково как от пережитков крепостничества, так и от власти ростовщиков и предпринимателей. Новая испанская монархия, боровшаяся против своеволия феодалов и пошедшая на компромисс с крестьянством, продолжала, однако, стоять на страже интересов господствующего класса.

Разрешив задачу посредничества между феодалами и крестьянством изданием Сентенции, «католические {154} государи» могли теперь обратить внимание на территориальное расширение объединенного королевства. Но и во внешней политике путь испанской монархии был глубоко противоречивым. Разнородность ее состава, которая не могла быть сглажена фактом объединения Кастилии и Арагона, направляла завоевательные стремления обоих государств в различные стороны. Интересы Арагона и в особенности каталонской буржуазии втягивали Фердинанда в гущу европейской политики. От его предшественников остался ему в наследие ряд неразрешенных и спорных международных проблем: не закреплена была еще окончательно южная Италия, оставались в качестве залога за неуплаченный долг Франции соседние графства Руссильон и Сердань, очень остро стоял вопрос о Наварре. Все эти проблемы обостряли отношения с Францией, в то время как для Кастилии характерны были дружественные отношения с этим государством. Интересы кастильских господствующих групп теснее были связаны с неразрешенными задачами в пределах Пиренейского полуострова и, поскольку Кастилия была и осталась основной и руководящей частью в составе испанской монархии, то этим и определился дальнейший процесс расширения королевства.

2. ВЗЯТИЕ ГРАНАДЫ И «СВЯТАЯ ИНКВИЗИЦИЯ»

Наступал момент завершения реконкисты. Все предшествующие мероприятия и акты «католических государей» — усмирение феодалов, разрешение крестьянского вопроса, укреп-

ление абсолютистского аппарата — только расчищали путь, создавали необходимые условия для осуществления центрального и основного акта правящей королевской четы — взятия последнего оплота мавров на полуострове, Гранады. Этот оплот держался в течение двух столетий, после того как уже весь полуостров находился в обладании Кастилии, Арагона с Каталонией и Португалии. Небольшое Гранадское княжество, прикрытое снежной горной цепью — Сиерра-Невадой, стало с XIII в. центром притяжения для всех мусульман, не подчинившихся завоевателям. Занимая {155} незначительную часть побережья, от Малаги до Гибралтара, оно находилось в соприкосновении с северной Африкой и это давало ему точку опоры в борьбе против могущественных северных соседей. В XIV в. Гранада, управляемая султанами, переживала период значительного подъема. Это был густонаселенный центр с разнообразной промышленностью, с прекрасной оросительной системой, цветущими полями и садами. Столица этого княжества украсилась великолепными дворцами, мечетями и другими памятниками арабской архитектуры. Приобретшая мировую известность резиденция гранадских султанов — Альгамбра — создавалась именно в это время на основе более древних сооружений. Гранадский университет привлекал к себе внимание как один из центров учености. Гранада дала многих представителей науки, литературы, искусства. Окруженная высокими стенами и башнями, расположенная на одной из разветвлений Сиерра-Невады, Гранада представляла хотя и небольшой, но серьезный оплот против домогательств кастильских королей в XV в. За предшествующие столетия делались попытки завоевания отдельных пунктов этого княжества, но всегда неудачно. Чаще всего сами гранадские султаны вмешивались в междоусобия своих соседей, охотно заключая выгодные для себя союзы и поддерживали одну из борющихся сторон. Создавались экономические и культурные связи между гранадским и испанским населением. В Альгамбре, между прочим, кроме знаменитых арабских декоративных росписей в «зале суда» сохранились стенные росписи с изображением различных сцен. Эти росписи, как предполагают, были сделаны в XV в. или итальянскими или даже одним из каталонских художников. Все это, казалось, свидетельствовало о возможности мирного сосуществования испанских государств и небольшого княжества, где сосредоточилась мавританская народность. И пока политика кастильских королей определялась в значительной степени демократическими силами испанского общества, до тех пор и не возникало настойчивого стремления во что бы то ни стало ликвидировать этот остаток мавританских владений. В самой Кастилии и даже в аристократическом Арагоне так называемые {156} мудехары наряду с евреями пользовались широким покровительством со стороны королей. С конца XIV в. положение резко изменилось к худшему. Упадок значения городов и установление ничем не сдерживаемого господства алчной и анархичной духовной и светской знати уже сами по себе ставили вопрос о судьбе Гранады. Однако понадобилось еще целое столетие, прежде чем создались условия для завершения реконкисты.

Задача, которая вставала перед Фердинандом и Изабеллой в деле захвата Гранады, облегчилась тем, что Гранадское княжество в это время раздиралось внутренними междоусобиями. Власть в Гранаде оспаривали друг у друга члены одной и той же правящей фамилии. Это и давало удобный повод для вмешательства во внутренние дела слабейшего княжества. Военные экспедиции в его пределы начались уже с 1481 г., но все же понадобилось десять лет для окончательного подчинения этого остатка мавританских владений в Испании. За это время целый ряд населенных пунктов Гранадского эмирата попал в руки Фердинанда, непосредственно руководившего военными операциями. К концу 1490 г. у мусульман осталась только столица Гранада с прилегающими окрестностями. Узурпировавший власть сначала у отца, а потом у дяди султан Абу Абдалах (или Боабдиль) заперся в стенах города, окруженного испанскими войсками. В лагере находилась и королева Изабелла, преисполненная религиозного фанатизма в борьбе против последнего оплота «неверных». Когда по случайной причине лагерь осаждавших сгорел от пожара, был выстроен у стен Гранады новый каменный город, которому Изабелла дала имя Санта Фэ («Святая вера»). Испанские рыцари, вдохновляемые присутствием королевы и подстрекаемые фанатичным духовенством, смотрели на эту войну, как на святое дело. Стиснутые кольцом осаждавших и утратившие всякую надежду на помощь из Африки, мавры во главе с Боабдилем вынуждены были капитулировать и в декабре 1491 г. договорились с представителями Фердинанда и Изабеллы об условиях сдачи города; 2 января {157} 1492 г. была занята испанскими войсками Альгамбра, и на следующий день состоялось торже-

ственное вступление в город короля и королевы. Условия мирного договора носили примирительный характер. Ими обеспечивалась неприкосновенность личности и имущества, свободное отправление мусульманского культа, сохранение мечетей и их имущества, оставление в занимаемых должностях мусульман и евреев, освобождение пленных, ограничение подати, предоставление маврам права свободно переселяться в Африку вместе со своим имуществом. Было дано взаимное обязательство — не препятствовать жителям Гранады переходить из одной веры в другую; было также оговорено, что мавры могли свободно передвигаться по всей территории королевства, находя защиту своей личности и имущества.

Несомненно, завоевание Гранады в 1492 г. — крупнейший факт испанской истории. Он не только составил определенную веху на пути дальнейшего территориального роста государства, но, как увидим дальше, оставил глубокий след и во внутреннем общественном и политическом строе Испании. Нельзя понять истории «величия и падения» Испанской державы (на протяжении одного лишь столетия), если не учесть и не уяснить классового содержания основного факта испанской истории этого времени — завоевания Гранады. Это не просто успешное военное предприятие, это вместе с тем и поворотный момент в ходе классовой борьбы, определивший собою и дальнейшее расширение государства и ход событий внутренней его истории.

Решающий натиск на последний оплот мавров проводился при поддержке широких и разнообразных кругов испанского общества. На борьбу с маврами с одинаковым энтузиазмом и религиозным рвением шли и крупные магнаты, и широкая масса рыцарства, и горожане, и даже крестьянство. Испанскому абсолютизму «католических государей» удалось сначала при помощи военной силы городов сломить феодальную знать, найти компромисс в разрешении грозного крестьянского вопроса и тем самым предохранить господствующий класс от зловещих проявлений крестьянской революции и {158} {файлы isp158_1.jpg, isp158_2.jpg, isp159_1.jpg, isp159_2.jpg} после этого направить волю и чувства столь противоречивых и различных классов по единому руслу борьбы против «неверных».

Вековая воспитательная работа католической церкви дала свои результаты: она привила религиозный фанатизм и расовую ненависть не только господствующим группам испанского общества, но и угнетенному классу — крестьянству, она отравила его сознание таким ядом, который на ряд столетий предохранил дряхлеющий, но продолжающий командовать класс феодалов от новых взрывов крестьянской революции. Буржуазные историки в повышенных тонах повествуют о героических подвигах кастильских и арагонских рыцарей у стен Гранады. Это событие испанской истории окутано легендой, которая заслоняет собою другую необычайно мрачную и кровавую сторону этого «героического подвига».

Мы уже видели, что захват Гранады был оформлен мирным договором, который давал широкие и благоприятные условия для мирного сожительства христианского и мусульманского населения. Но вскоре после взятия Гранады условия мирного договора были нарушены и началось беспощадное преследование мавров и евреев. Главным орудием королевской власти в борьбе против неверных и еретиков была «святая инквизиция». Возникнув впервые в Арагоне и южной Франции еще в XIII в., она была реорганизована на испанской почве в первые же годы правления Фердинанда и Изабеллы. Подлинным ее основателем был фанатичный и неумолимый в делах веры духовник королевы — доминиканец Томас Торквемада. Он еще до окончания борьбы за престол вынудил у Изабеллы обещание, что как только она станет королевой, она посвятит себя «искоренению ереси во славу Божию и для преуспевания католической веры». Уже в 1478 г. по просьбе Фердинанда и Изабеллы папа Сикст IV издал буллу об учреждении в Кастилии инквизиции. Этот акт был окончательно оформлен в 1480 г. назначением двух инквизиторов, одного ассессора и одного прокуратора-фискала, а в 1481 г. инквизиционный трибунал уже приступил к делу. В первую очередь жертвами «святой инквизиции» стали {159} евреи. В предшествующие столетия они пользовались относительной веротерпимостью. Они составляли торговую и промышленную часть населения полуострова, многие из них роднились с христианами, переходили даже в христианство и занимали часто высокое общественное положение. Но уже с XIV в., а особенно в XV в. разворачивается в Испании полоса еврейских погромов, которые непосредственно предшествовали введению инквизиции. Еврейство воспринималось в Испании под воздействием католического духовенства как величайшая ересь, но особую бдительность инквизиторы проявляли к так называемым «новым христианам» или

«иудействующим», которые, при внешнем соблюдении католических обрядов, втайне оставались верны «Моисееву закону». После массовых арестов, широкого шпионажа, мучительных допросов и пыток, 6 января 1481 г. на севильской площади состоялось первое ауто да фе («акт веры») и было сожжено шесть евреев. В 1483 г. был назначен в качестве главного инквизитора Кастилии и Арагона Торквемада, который и выработал окончательный устав для «святой инквизиции» и последовательно, с присущей ему жестокостью и изуверством, проводил его в жизнь. Количество жертв инквизиции не поддается точному учету, и источники дают об этом противоречивые показания, но во всяком случае за время руководства этим делом Торквемады было сожжено в Испании едва ли менее восьми тысяч человек, главным образом иудействующих, еще большее количество подверглось другим суровым наказаниям, причем у всех осужденных, как правило, имущество конфисковывалось и шло отчасти на оплату инквизиторов, а отчасти в королевскую казну.

Таким образом, ко времени завоевания Гранады работа инквизиционного трибунала была в полном разгаре и неудивительно, что ликвидация мавританской твердыни послужила поводом для нового взрыва религиозного фанатизма и национальной нетерпимости. На этот раз инициатором преследований мавров и гранадских евреев оказался духовник Изабеллы Хименес де Сизнерос — фигура столь же яркая и типичная для своего времени, как и Торквемада. Он стал королев-^{160} {файлы isp160.jpg, isp161.jpg}ским исповедником в 1492 г., когда были подписаны условия договора с маврами. Но эти условия не касались евреев, и в этом же году был издан акт об изгнании всех евреев из Кастилии и Арагона с запрещением увозить с собою «золото, серебро, монету и предметы, не подлежавшие вывозу из страны». По наиболее проверенным данным эмигрировало из Испании 165 тысяч человек, 50 тысяч крестилось и 20 тысяч погибло. Новый духовник, получивший через три года толедскую архиепископскую кафедру, направил свое религиозное рвение на побежденных мавров. Он начал насильственно обращать последних в христианство, в явное нарушение мирного договора. Он искал поводов для превращения этой практики в систему; доведенные до отчаяния мавры подняли восстание в городе Альбасете и против них была отправлена карательная экспедиция. Под страхом изгнания или дальнейших преследований в 1499 г. 50 тысяч мавров крестилось. Чтобы закрепить этот акт массового обращения неверных в католическую веру, Сизнерос решился на следующую меру. На одной из площадей Гранады он учинил грандиозный костер из арабских книг и рукописей, представлявших собой подлинные шедевры. Он пощадил только около 300 арабских сочинений по философии, медицине, истории, естественным наукам, передав их в библиотеку университета в Алкале. До двух тысяч книг и рукописей богословского содержания погибло в пламени.

Сизнерос продолжал насильственные обращения в христианство, и в 1500 г. в районе бывшего Гранадского эмирата — в Альпухарре, Баэсе, Гвадиксе, в теснинах Филабрес возникли новые восстания и притом настолько серьезные, что кастильское войско долго не могло справиться с ними, и только с прибытием сюда Фердинанда повстанцы капитулировали. Им было предложено переселиться в Африку, если они не хотят отречься от мусульманства. В 1502 г. эта мера была распространена на всю Кастилию. С тех пор в Испании остались только обращенные в христианство мавры, получившие название «морисков». Политика принудительного обращения в христианство не находила, себе широкого применения ^{161} в Арагоне, Каталонии и частично в Валенсии. В этом районе полуострова с наиболее развитой промышленностью и торговлей, деятельность инквизиционного трибунала все время наталкивалась на упорное сопротивление, которое нередко выливалось в насильственные акты. Городской совет Барселоны делал настойчивые представления о том, что такая политика подорвет торговлю и равносильна гибели самого города. Но все же и здесь мудехары, мориски и иудействующие, напуганные кровавым террором, господствовавшим в соседней Кастилии, предпочитали эмигрировать за пределы полуострова.

С установлением инквизиции завершилось и формирование государственного аппарата испанской абсолютной монархии. Католическая церковь и глава ее — римский папа — нашли на Пиренейском полуострове благоприятную почву для своего господства. В течение длинного ряда столетий князьям церкви, архиепископам и магистрам орденов удавалось занимать самостоятельное положение и отстаивать свои собственные интересы в кровавых междоусобицах феодальной знати. При Фердинанде и Изабелле положение церкви значительно изменилось. С

первых же лет правления названных королей она лишилась и здесь своей материальной базы, так как обширные владения духовно-рыцарских орденов отошли к короне, а звание магистра этих орденов перешло к Фердинанду. В пользу королевской власти был разрешен и вопрос о праве назначать на епископские должности. После некоторого сопротивления папа Сикст IV уже в 1482 г. вынужден был признать за «католическими государями» право так называемой «суппликации», т. е. право отвода папских кандидатов и раздачи церковных бенефиций своим собственным кандидатам. Наконец, завершающим моментом в изменении судеб испанской церкви явилось учреждение «святой инквизиции». По замечанию Маркса, «...духовенство (в Испании — *А. К.*) еще со времени Фердинанда Католика стало под знамя инквизиции и давно перестало отождествлять свои интересы с интересами феодальной Испании. Напротив, благодаря инквизиции церковь превратилась в самое страшное орудие абсолютизма» (К. Маркс {162} и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 720). Таким образом, на испанской почве инквизиция, а вместе с нею и церковь приобрели громадное политическое значение, с неумолимой жестокостью осуществляя единство Испании по признаку религиозной и расовой принадлежности и обрушиваясь во имя этого единства на такие группы населения, в руках которых сосредоточивались в течение ряда предшествующих столетий и торговля и ремесленный труд. Не забудем, что на кострах инквизиции тысячами погибали и из пределов Испании десятками и сотнями тысяч выселялись не только богатые евреи и мориски, но и ремесленный люд, представлявший разновидность угнетенного класса.

Если взять в целом аппарат королевского абсолютизма, каким он сложился за время правления Фердинанда и Изабеллы, то самой своей структурой он ярко иллюстрирует специфические особенности испанской монархии и ее классовой основы. Несомненно и в Испании централизация аппарата и формирование бюрократии идут в чертах, сходных с остальными государствами Западной Европы. Отнятие суверенных прав у крупных феодалов выдвигало на первый план среднее и мелкое дворянство, а также горожан. Из их среды и пополнялись ряды королевской администрации, причем большую роль играли люди юридически образованные так называемые «летрадос». Один из современников, Диэго Мендоза, автор «Гражданской войны в Гранаде», дает такую характеристику этой категории королевских слуг: «Католические короли отдали заведывание юстицией и правительственную власть в руки законоведцев, т. е. таких людей, которые занимали срединное положение между людьми знатными и незнатными и не могли возбуждать зависти ни у тех, ни у других. На них лежала обязанность исполнять законы, быть скромными и осмотрительными и говорить правду; в своем образе жизни они руководствовались старинными правами; они не делали никаких визитов, не принимали никаких подарков, не заводили слишком тесных связей, не носили роскошной одежды и не окружали себя роскошной обстановкой».

Высшая знать потеряла, свою политическую власть, но заняла, почетное положение при дворе, где она рас- {163} полагалась в определенном иерархическом порядке. Высший ряд этой придворной иерархии занимали «гранды» (аристократия), но руководящая роль в управлении фактически перешла к новому служилому дворянству, получавшему это звание в силу актов «королевской милости». Точно так же и в городах поднялся удельный вес королевских чиновников, так называемых «коррехидоров», которые, не считаясь с муниципальными вольностями, были проводниками королевских решений на местах и наделены были для этого широкими полномочиями. Аналогичный процесс мы наблюдаем и в области церковного управления. Реформы, проведенные в частности Сизнерос, укрепляли и здесь непосредственную связь с королевской властью и зависимость от нее служителей церкви. Неудивительно, что и кортесы, игравшие такую важную роль в течение предшествующего периода, теперь созываются чрезвычайно редко и превращаются в совещательное учреждение при короле. В первые годы Фердинанд и Изабелла еще созывали кортесы и через них провели первые свои реформы в области суда и управления, но как раз в тот промежуток времени с 1482 по 1498 г., когда произошли такие решающие события, как завоевание Гранады, открытие Америки, учреждение инквизиции и изгнание евреев, кортесы ни разу не были созваны.

За это время окончательно сформировались органы центрального управления, делавшие излишним созыв кортесов. Но организация центральной власти как раз и вскрывает перед нами своеобразный характер испанского абсолютизма, отличающий его от других европейских разновидностей монархического строя. Центральный аппарат слагался из целого ряда советов:

совет финансов, или по-испански «асиенда», государственный совет и судебный совет, чаще всего называвшийся королевским советом. Первоначально это были по существу отдельные секции общего совета, который обычно назывался «наш совет», но в дальнейшем они выделились как самостоятельные органы. Приведенные названия не дают, однако, точного понятия о круге вопросов, подлежавших ведению каждого из них. Так, судебный, или королевский совет сосредоточивал в себе все нити внутреннего управления и выполнял не только функции верховного суда, но и административные. Среди членов этого совета испанская аристократия имела только декоративное значение, руководящая роль принадлежала летрадос, являвшимся главными проводниками королевского абсолютизма. Президент этого совета занимал в государстве второе место после короля. Так называемый государственный совет ведал преимущественно иностранными делами и здесь аристократические элементы были сильнее всего представлены. Наконец, функции асиенды точнее всего соответствуют этому названию. Этот орган действительно сосредоточил в своих руках политику финансовую.

Все перечисленные советы, выросшие из королевского совета предшествующего периода, в основном напоминают соответствующие органы центральной власти и в других западноевропейских государствах. Но наряду с этими действительными проводниками государственного единства появился ряд новых советов, нарушавших и во всяком случае усложнявших это единство. Таковы: совет германдады (правда, упраздненный в 1498 г.), совет инквизиции, или верховный совет, совет орденов, королевский совет Арагона, совет Индии. Наличие такого рода советов, организованных по различным принципам (в этом отношении они напоминают московские «приказы» XVII в.), было показателем того, что испанская монархия не в состоянии была преодолеть слагавшуюся веками местную, провинциальную ограниченность и независимость отдельных общественных сил. Она включила в свой состав исторически сложившиеся организации — высший аппарат городских конфедераций и духовно-рыцарских орденов, приспособила, к своим потребностям инквизицию, оставила до поры до времени государственный аппарат Арагона, присоединила сюда и новый орган колониального управления. Такой же пестротой и громоздкостью характеризуется и организация военных сил Испании. Правда, переворот в военном деле не мог не коснуться и Пиренейского полуострова; во всяком случае и здесь королевская власть располагала уже непосредственно значительными военными кадрами, но это еще не было вполне реорганизованное войско нового образца. Характерно, что при взятии Гранады мы встречаем те же составные элементы военной силы, какие наблюдали и в более ранние периоды реконкисты: королевские отряды, городскую милицию, отряды отдельных сеньеров и кабальерос духовно-рыцарских орденов. Еще по-прежнему кое-где мы наблюдаем военные экспедиции, предпринимаемые на свой страх и риск частными лицами (экспедиции в Африку). Однако в это же время зарождается и постоянное войско, непосредственно подчиненное королю, правда еще носившее характер резерва, но благодаря стараниям Сизнерос в начале XVI в. насчитывалось уже до 40 тысяч пехотинцев. Реорганизация войска, облегчалась тем, что многовековая борьба с маврами — реконкиста — выработала тип конкистадора (завоевателя), делавшего из войны профессию, а открытие Америки создало широкие перспективы для таких конкистадоров-авантюристов,

Противоречивой и громоздкой организации испанского абсолютизма соответствовала и не менее противоречивая его политика. Если, с одной стороны, Фердинанд и Изабелла рядом своих мероприятий в области экономической политики содействовали материальному преуспеванию своего государства, то, с другой стороны, создавались серьезнейшие препятствия для такого преуспевания. Торговый баланс Испании уже тогда был для нее крайне неблагоприятен. Несмотря на поощрение собственной промышленности, она не в состоянии была завоевать себе места на европейском рынке. Располагая такими ценными ресурсами, как тонкорунная шерсть. Испания не имела сколько-нибудь заметной суконной промышленности, и всемогущее объединение испанских овцеводов, так называемая Мэста, пользовалось у «католических государей» исключительным вниманием в ущерб интересам широких масс крестьянства. Земледелие и сельское хозяйство в целом были в полном пренебрежении; а над испанской промышленностью тяготели стеснительная опека и строжайшая регламентация. Преследование евреев и мавров в особенности наносило тяжелые удары промышленному и торговому развитию Испании. И в то самое время, когда перед ней открывались заманчивые перспективы по ту

сторону Атлантического океана и начиналась экономическая революция, назревали уже зловещие признаки неизбежного упадка.

3. ОТ РЕКОНКИСТЫ К КОЛОНИАЛЬНОМУ ГРАБЕЖУ

Взятие Гранады завершало реконкисту. «Святая инквизиция» под руководством Хименес де Сизнерос, Деса, и других изуверов католицизма делала из этого факта все необходимые выводы во славу и преуспевание католической религии, а у стен Гранады, в том же 1492 г. в лагере-городе «Святая вера» генуэзец Христофор Колумб после долгих переговоров и проволочек получил, наконец, от «ханжи-фанатички Изабеллы» (как ее называет Маркс) милостивое разрешение отправиться на поиски «прямого пути в Индию» через Атлантический океан. Это совпадение двух крупнейших событий испанской истории — взятия Гранады, и открытия Америки — не случайный факт: одно событие вытекало из другого.

В нашу задачу не входит подробное изложение открытия новых земель, но все же пройти мимо этого факта, мы не можем. Он составляет существенное звено в ошеломившем даже современников превращении Испании в мировую державу. В XV в., в силу целого ряда глубоких причин, стремление найти «прямой путь в Индию», получить непосредственный доступ к сказочным богатствам далеких азиатских стран, о которых знали только из уст заезжих иностранных купцов или отдельных путешественников, превратилось в какую-то навязчивую идею. Над этим ломали голову ученые географы вроде флорентинца Тосканелли, отважные мореплаватели и искатели приключений, главным образом итальянцы по происхождению. Таковым оказался и уроженец Генуэзской торговой республики Христофор Колумб. Исходя из представления о шарообразности земли, усвоенною уже древними авторами и подтвержденною упомянутым Тосканелли, Христофор Колумб утвердился в мысли, что, направившись прямо на запад, можно добраться до берегов Азии. Но для этого нужны были материальные средства и мощь государственной власти, {167} которой его собственное отечество не располагало. Так начинаются его похождения при дворах различных государств. Сперва он попадает в Португалию, где уже с самого начала XV в. отдельные экспедиции вели разведки вдоль западного побережья Африки. Но десяток лет, проведенный в Португалии, оказался бесплодным. Идеи Колумба сочувствия и поддержки не нашли, и тогда он в 1485 г. переезжает в соседнюю Испанию и пытается заинтересовать своими проектами «католических государей» — Фердинанда и особенно Изабеллу. Однако момент оказался крайне неблагоприятным. В это время военные действия против Гранадского княжества были в самом разгаре. Королевская чета и ее ближайшие советники всецело были поглощены военными приготовлениями, а государственная казна была пуста. Задача овладения остатками мавританских владений была в сознании обоих государей и влиятельных лиц, окружавших королевский престол, насущной, не терпящей отлагательства и вполне реальной, осуществимой, планы же Колумба ими признавались фантастическими. Королевский двор переезжал с места на место в зависимости от хода военных действий, а вслед за королевской свитой следовал и Колумб, пытаясь заинтересовать своими планами приближенных Изабеллы. Кое-кого ему удалось привлечь на свою сторону, в том числе контролера финансового управления Кастилии Квинтаниллу, королевского исповедника Диэго Диаса и других. Колумба принимают в придворный штат, милостиво выслушивают его предложения, которые изучаются в комиссии ученых саламанкского университета. У некоторых ее членов мелькают сомнения, нет ли чего еретического в самом исходном положении Колумба о шарообразности земли. Во всяком случае дело затягивается, Колумб коротает время, торгуя книгами и картами, предаваясь утехам любви с обедневшей дворянкой, время от времени получая денежные субсидии от двора и участвуя даже в военных действиях против мавров.

Устав ждать, Колумб пытается найти себе других покровителей. В 1488 г. по его поручению его родной брат Бартоломео отправился к английскому королю Генриху VII Тюдору. Велись переговоры также и во Фран- {168} ции, но, очевидно, идея открытия «прямого пути в Индию», овладевшая отдельными умами, еще не доходила до сознания более широких кругов, не казалась чем-то реальным и выполнимым, да и внутренняя обстановка во всех европейских государствах была чрезвычайно напряженной. Между тем в Испании назревали решающие события вокруг осажденной Гранады. Самому Колумбу, бесплодно потратившему целых семь лет упорных домогательств, дело казалось безнадежным, и он уже серьезно подумывал о пере-

езде во Францию. Но его испанские покровители — Квинтанилла и сборщик церковных доходов в Арагоне Сантангела, а также склонившийся на их сторону крупнейший представитель церкви архиепископ толедский Мендоса — не склонны были допустить даже и мысли о том, что Колумба переманят во Францию. Они ускорили ему свидание с Изабеллой как раз в разгар шумных празднеств по поводу сдачи Гранады.

Колумба выслушали, но его условия показались чрезмерными некоторым влиятельным придворным. Дело казалось окончательно проигранным, и разочарованный генуэзец оседлал мула и направился из лагеря «Святой веры» к Кордове, чтобы взять курс на Францию. Он уже отъехал несколько миль, как вдруг его нагнал курьер с приказом королевы немедленно вернуться. Дело в том, что Сантангела и Квинтанилла приложили в это время отчаянные усилия, чтобы убедить Изабеллу принять условия Колумба, сославшись на успехи соседней Португалии и соблазняя перспективами открытия золотых и алмазных россыпей, а также насаждения «истинной веры» среди языческих народов. «Ханжа-фанатичка» (выражение Маркса) поддалась очарованию грядущей славы и обогащения. Нехотя уступил ее настояниям и безучастно относившийся к этим проектам Фердинанд. Колумб вернулся, но только 17 апреля 1492 г. его условия были приняты и договор подписан. Согласно этому договору Колумб назначался адмиралом во всех землях, им открытых в океане, и эта высокая должность должна была передаваться его наследникам. Он назначался также вице-королем и генерал-губернатором во всех открытых землях. В его пользу должна была удерживаться десятая часть всех жемчугов, драгоценных камней, золота, серебра, пряностей и других предметов, найденных, купленных, вымененных или добытых в пределах его адмиралтейства. Колумб объявлялся единственным судьей во всех делах или спорах по торговле между этими странами и Испанией. Наконец, он несет восьмую часть расходов по снаряжению экспедиции и получает восьмую часть барышей.

Но все это пока еще было впереди, в данный же момент, когда нужно было отправляться в неведомый путь, ему были предоставлены всего-навсего три небольших каравеллы (судна) вместимостью — две около 100 тонн каждая, а третья — в 40 тонн. Снаряжение производилось в небольшом городке Палос, на жителей которого была еще до этих событий наложена контрибуция за какую-то провинность. Взамен наказания им было предложено принять участие в оснащении флотилии и подборе экипажа из собственной среды. Для этой цели были даже выпущены арестанты из тюрьмы. Кое-как все было улажено, и 3 августа 1492 г. этот ничтожный по своим размерам флот во главе с адмиралом Христофором Колумбом отправился в путь навстречу океанским бурям и опасностям. Нет необходимости вдаваться в подробности о том, как плыла эта флотилия, какие события переживала. 13 октября увидели землю, которая оказалась островом, получившим название Сан-Сальвадор. Уже здесь внимание Колумба и его спутников привлекли кусочки золота, служившие туземцам в качестве украшений. Знаками туземцы давали понять, что дальше на юг есть много золота. Выяснилось далее, что в этом районе целый архипелаг небольших островов. Но Колумб, не говоря уже о его спутниках, поглощен был мыслью о золоте. В своем дневнике он уже забывает упоминать о боге и буквально делает такую запись: «я иду далее исключительно ради золота и пряностей». Наконец, объезжая многочисленные острова, он добирается до Кубы, не подозревая, что это тоже остров, и проходит вдоль его берегов. Отсюда он доходит до Гаити, названной им Эспаньолой. Встречая постоянно туземцев, Колумб и его спутники усиленно выменивают золотые украшения на всякого рода безделушки. Золото становится буквально навязчивой идеей: «наш господь в своем милосердии направляет мой путь туда, где я открою золотые россыпи», пишет Колумб в своем дневнике.

Между тем одна из каравелл «Санта Мария» потерпела крушение и приведена была в негодность, капитан другого судна «Пинта», отправившись на самочинные разведки, фактически дезертировал и в распоряжении Колумба осталось самое маленькое судно «Нинья», на котором нужно было спешно возвращаться обратно, чтобы сообщить «католическим величествам» о результатах этого первого путешествия. С «Пинта» в конце концов встретились, и оба корабля двинулись в обратный путь. Когда они оставили Эспаньолу позади, то «Пинта» с порченной мачтой стала отставать, а «Нинья» потеряла ее из вида и дальше пробиралась одна. После долгих мытарств и приключений она, наконец, добралась 15 марта 1493 г. до Палоса, откуда она вышла в августе предыдущего года.

Возвращение Колумба произвело в Испании громадное впечатление, и «католические государи» устроили ему торжественный прием в Барселоне. Его рассказ о путешествии произвел сильное впечатление на присутствующих, и уже сразу принялись за организацию второй экспедиции с гораздо большим энтузиазмом, чем год тому назад. Главным распорядителем по организации новой экспедиции был назначен севильский архидьякон де-Фонсека. На это дело были пущены все средства: две трети церковной десятины, имущество изгнанных евреев, заем у богатого герцога Медины-Сидонии. Собрали все орудия, какие только были в распоряжении государства. Изабелла была воодушевлена мыслью о насаждении католической религии среди язычников. Папа назначил специального наместника для этой цели. 25 сентября 1493 г. из Кадикса большой флот из 17 кораблей с двухтысячным экипажем, во главе с Колумбом, отправился в дальний путь к новооткрытым островам. На этот раз в составе экспедиции были разнообразные элементы: и дворяне, и ремесленники, и духовные, и просто искатели приключений, мечтавшие о наживе и похождениях. Когда эта экспедиция добралась до {171} Эспаньолы, где в предыдущем году была оставлена колония и выстроена крепость, то оказалось, что крепость разрушена, а колонистов не было в живых. Из рассказов туземцев стало ясно, что часть колонистов перебила друг друга в борьбе за добычу, а другая стала сама добычей воинственных туземцев. Флот переменил стоянку и в удобной бухте произведена была высадка, где и положено было основание первой колонии, под названием Изабелла. Дальше пошли усиленные поиски золота, о чем Колумб пишет «их католическим величествам обстоятельные донесения», но пишет также о другом. Он предлагает установить планомерную работоторговлю, выменивая на здешних захваченных туземцев скот, который здесь особенно нужен. Даже «католические государи» над этим задумались и воздерживались от какой-либо пометки на полях полученного письма. Надежда на открытие золотых россыпей не оправдалась пока, и это смущало Колумба, а среди поселенцев порождало бесконечные смуты и недовольство. В дальнейшем Колумб набрел еще на один остров, сохранивший до сих пор старое туземное название Ямайка. Курсируя вдоль берегов новооткрытых островов, он находился в полной уверенности, что это Азия. Кубу он принимал за материк и усиленно искал на основании сведений, почерпнутых из описания путешествия XIII в. венецианца Марко Поло, Малаккский полуостров, известный тогда под именем «Золотого Херсонеса». Вернувшись после длительного отъезда в Изабеллу, Колумб узнал, что среди оставшихся колонистов шли постоянные мятежи, они грабили туземцев и довели их до открытого восстания. С туземцами началась настоящая война, которая превратилась в бойню, причем испанцы прибегали, как раньше, так и в этой войне, к излюбленному средству: они натравливали на туземцев собак. Одержан был ряд «побед» над туземцами, и это положило начало беспощадной эксплуатации несчастных туземцев, которых заставляли платить за сохранение жизни и работать на испанских плантациях, а избыток невольников, постоянно пополнявшийся, Колумб направлял целыми партиями в Испанию. Кроме того, каждого туземца заставляли в определенные сроки вносить точно {172} установленное количество золота. Но для того чтобы установить такой режим, необходима была постоянная боевая готовность, и на острове было сооружено значительное количество крепостей. Между тем, испанское правительство, затрачивая огромные средства на сооружение новых экспедиций, подвозивших все необходимое для колонистов, до сих пор не получило от Колумба, кроме его донесений о предстоящих находках золотых россыпей, ничего существенного, а часть мятежных колонистов вернулась самочинно назад и поведала о чрезвычайно печальном состоянии дел в новооткрытых землях. В 1496 г. и сам Колумб возвращается во главе двух оставшихся кораблей в Испанию и высаживается в Кадиксе, в жалком виде, одетый в рясу францисканского монаха, опоясанный веревкой. Встреча с королем и королевой не предвещала ему ничего утешительного. Дело обошлось благополучно, его приняли довольно милостиво, но организация новой экспедиции затягивалась. В выгодность предприятий перестали верить, вербовка экипажа шла весьма туго, и даже арестанты предпочитали тюрьму опасностям далекого путешествия.

Между тем, за это время португальцы сумели опередить Испанию. В 1497 г. из Лиссабона вышел флот под предводительством Васко-да-Гама, а 20 мая 1498 г. этот флот благополучно прибыл в Каликут. Португальцы стали хозяевами в Индийском архипелаге, доступа к которому Колумб бесплодно добивался в течение первых двух путешествий. Это еще более усиливало в Испании недовольство результатами предприятия Колумба. Но, преодолевая все препятствия, он 30 мая 1498 г. во главе 6 судов двинулся, наконец, снова в путь и 1 августа

прибыл к острову, названному им Тринидад. Отсюда на горизонте виднелась полоска земли, которую Колумб окрестил «Святым островом», совершенно не подозревая, что на этот раз он видел не остров, а новый неведомый до сих пор материк. Добравшись до этого воображаемого острова, Колумб очутился как раз в устье реки Ориноко. Роскошная природа поразила его и в его разгоряченном мозгу укреплялась идея, что ему удалось попасть в тот самый земной рай, {173} который согласно библии был в «Эдеме на востоке». Здесь, между прочим, он и его спутники обнаружили у туземцев большое количество жемчуга.

Обследовав таким образом оконечность американского материка и не раскрыв тайны его существования, Колумб прибыл, наконец, в свою колонию и уже на пути к ней узнал от выехавшего к нему навстречу губернатора о том, что происходило на Эспаньоле за время его двухлетнего отсутствия. Были основаны новые поселения и построены новые крепости, велась упорная борьба с туземцами, которых насильственно обращали в христианство, а непокорных жгли на кострах, как это делалось в Испании с евреями и маврами. Отсюда новые заговоры, восстания и новые еще более жестокие расправы. К этому присоединились также мятежи среди самих поселенцев, разделившихся на враждующие партии. Ссорились из-за добычи, из-за власти, нападали на самые поселки, грабили, разрушали, заключали союзы с вождями туземцев. Прибыв в гавань Сан-Доминго, Колумб и сам убедился в исключительной напряженности обстановки. Надо было действовать. Он прежде всего позаботился о том, чтобы отправить обратно в Испанию наиболее опасных колонистов, по большей части выходцев из тюрем. «Их величествам» он отправил два письма, в которых восторженно повествовал о чудесах «земного рая», а также доносил о мятежных поселенцах, требуя сурового суда над зачинщиками. В этом же донесении Колумб просил о продлении его полномочий на захват и пересылку невольников. Но далеко не все изъявили готовность возвращаться на родину. Суда ушли, а Колумбу пришлось иметь дело с продолжавшимся мятежом. Не располагая достаточными силами для его подавления, он вступил с восставшими в переговоры и по существу полностью принял все их условия. Мятежным поселенцам розданы были земельные участки с широким применением подневольного труда туземцев. Так было положено начало системе колониального рабства уже в конце 1499 г., и основоположником ее был не кто иной, как сам Христофор Колумб.

Между тем, при испанском дворе все больше и больше {174} росло недовольство положением дела в колонии. Противники Колумба разжигали это недовольство, ссылаясь на исключительные привилегии, предоставленные ему в ущерб государственным интересам Испании. Фонсека, на которого, как мы видели, была возложена организация заокеанских экспедиций, поставил вопрос о снаряжении флота, который занялся бы обследованием тех самых берегов, которые показались Колумбу «земным раем». В состав этой новой экспедиции, организованной помимо адмирала и в явное нарушение его прав, вошел между прочим и один итальянец Америго Веспуччи. В мае 1499 г. флот был уже у берегов Южной Америки и залив, к которому он пристал, был назван Венецуэлой. Экспедиция набрала много жемчуга, невольников и в 1500 г. вернулась в Кадикс. Независимо от нее туда же стали направляться и другие мелкие флотилии. Вести об изобилии жемчуга, вызвали в Испании настоящую горячку и тягу за океан. Один из соратников Колумба по первым путешествиям Пинсон, ставший потом его врагом, в 1500 г. во главе четырех кораблей направился в те же места «земного рая». Ему первому удалось побывать в южном полушарии и открыть новую часть береговой линии южноамериканского материка. Наконец, в том же 1500 г., на рубеже двух столетий, отправилась вдоль африканских берегов по пути, проложенному Васко-да-Гама, португальская экспедиция под командой Кабрала, держа курс в Индийский архипелаг. По не вполне выясненным обстоятельствам, Кабраль, миновав острова Зеленого мыса, повернул немного западнее той дороги, по которой плыл Васко-да-Гама, и 22 апреля 1500 г. причалил к возвышенному берегу. Он завладел этой территорией от имени Португалии и назвал ее Вера Крус (Истинный крест). Это были берега Бразилии.

Но в то самое время, когда по пути, проложенному Колумбом, стал направляться уже целый поток авантюристов и искателей золота, жемчуга и других заманчивых вещей, сам адмирал переживал тяжелые минуты. Он круто расправился с новым мятежом, повесив зачинщиков, а тем временем к берегам Эспаньолы пристали два корабля, на которых прибыл из Испании в качестве {175} комиссара, Бобадилла с исключительными полномочиями от короля и королевы, с целью произвести строжайшее расследование о беспорядках в колонии и поступить

сообразно обстоятельствам дела. Бобадилла немедленно взял власть в свои руки, отрешил от должности Колумба, заковал его в кандалы и отправил в Испанию. В октябре 1500 г. узника высадили в Кадиксе, а через два месяца его приняли в Альгамбре «королевские величества». Тронутые его несчастным видом и слезами, они обошлись милостиво с Колумбом и на словах обещали восстановить его в правах. Но только на словах. Начавшийся стихийный поток испанских авантюристов к новооткрытым землям, удачные экспедиции соперницы Испании Португалии — все это уже не вязалось с теми исключительными привилегиями, которые когда-то выговорил себе Колумб. Португалия уже закрепила за собой территорию, открытую Кабралем, и продолжала настойчиво искать прямого пути отсюда на запад к своим индийским владениям. Под благовидными предложениями решение дела бывшего адмирала и вице-короля откладывалось, а в то же самое время встал вопрос о реорганизации колониального управления. Сменивший Колумба Бобадилла не улучшил положения в Эспаньоле, а затем туда назначили в качестве наместника Овандо с поручением превратить всю торговлю в монополию испанской короны. В отношении туземцев королевский указ постановил: в виду их вымирания вследствие непосильного труда в рудниках, перевозить в Эспаньолу рабов черной расы, т. е. негров. Экспедиция нового правителя была отправлена с небывалым блеском и пышностью, с хорошо подобранным экипажем. Флот состоял из тридцати кораблей, на которых ехало 2500 человек, многие из них знатного происхождения. Но в конечном итоге и для Колумба нашелся некоторый выход. Он стал обдумывать, нельзя ли использовать быстрое течение Караибского моря, чтобы найти путь к «Золотому Херсонесу». На этот раз ему не решились отказать в разрешении отправиться во главе небольшой флотилии, чтобы заняться этим специальным исследованием, и даже торопили бывшего адмирала с отъездом, чтобы освободить себя от его докучливых жалоб. В мае 1502 г. Колумб во {176} главе четырех небольших суден с экипажем в 150 человек отправился в свое четвертое и последнее путешествие. Оно было полно сплошных несчастий и опасных переживаний среди враждебных туземцев побережья Южной Америки. Флот его погиб, сам он влачил жалкое существование на Ямайке в ожидании помощи. Больной и обескураженный в своих надеждах, он все еще продолжает грезить о золоте. В одном из своих последних писем к королям Испании он пишет: «Золото — чудесная вещь. Из золота делаются деньги, а с деньгами, если они есть у кого, можно сделать, что угодно; можно даже извлечь души из чистилища в рай». Или еще: «Всемогущий, всеблагий боже, дай мне в милосердии своем найти золотоносные земли. Воззри на меня, дай мне то, что нужно для служения тебе». После двухлетних скитаний, немощный и разбитый, Колумб вернулся в Испанию 7 ноября 1504 г. Вскоре после его прибытия умерла его покровительница королева Изабелла. Последние годы Колумб влачил жалкое существование. Двор от него отвернулся, на имущество его был наложен арест и когда он умер 20 или 21 мая 1506 г., то смерть его осталась незамеченной.

Так завершился этот эпизод, положивший начало колониальным захватам Испании. Основанные Колумбом колонии на острове Эспаньола явились начальным моментом в истории этих захватов. За океан направился теперь широкий поток завоевателей и колонизаторов, и Испания в течение очень короткого времени превращается в колониальную державу.

Из многочисленных экспедиций, которые стали отправляться за океан, некоторые особенно заслуживают упоминания. Мы видели, что одновременно с Колумбом занимался изучением берегов Америки флорентинец Америго Веспуччи. Он принимал участие в ряде экспедиций — в 1499, 1501, 1503 гг. и первый пришел к выводу, что новооткрытые земли представляют особый материк. Уже в течение первого десятилетия XVI в. испанцы утвердились на побережье Мексиканского залива. В 1513 г. Васко Нуньес Бальбоа — настоящий конкистадор (завоеватель) — первый прошел Дарьенский перешеек и с вершины горы увидел безбрежные пространства {177} Тихого океана. Только с этого момента у завоевателей и разведчиков создалось отчетливое понятие о Новом свете. Походы Писарро, Кортеса и других завершили овладение Южной и Центральной Америкой с прилегающими островами.

Но мы уже видели, что с самого начала Испания натолкнулась на конкуренцию Португалии, этой маленькой страны, которую кастильские государи тщетно пытались включить в состав своих владений. Португалия, несмотря на свои ничтожные размеры, сумела сохранить свою самостоятельность, и уже с самого начала XV в. она в лице своих королей, дворян-завоевателей и буржуазии начала организовывать разведки вдоль атлантического побережья Африки. Первоначально и Христофор Колумб, как мы видели, со своими проектами открытия

прямого пути в Индию явился в Лиссабон, но португальские разведчики и мореплаватели настолько были поглощены попытками обогнуть Африку, что не вняли доводам Колумба. Эти попытки, благодаря путешествиям Васко-да-Гама, увенчались, успехом, и Португалия стала обладательницей Индийского архипелага; кроме того она утвердилась и на новом материке в Бразилии. Таким путем в одно и то же время и одинаково быстро оба Пиренейских государства превратились в колониальные державы. В связи с этим между обоими соперниками с самого начала отношения стали обостряться, и в качестве третейского судьи пришлось неоднократно выступать главе католической церкви, римскому папе. В трех буллах (изданных в 1493, 1494 и 1508 гг.) была установлена условная линия, которая размежевывала колониальные земли обоих государств. Но эти попытки не устраняли соперничества, так как испанские государи, завладевшие Гранадой, не склонны были предоставлять африканский материк в полное распоряжение своего соседа, так как еще и до 1492 г. кастильские и арагонские рыцари нередко предпринимали военные экспедиции к северному побережью Африки, а после окончательного подчинения мавров на полуострове захват северно-африканского побережья и групп островов, расположенных у Гибралтара, стал для испанских конкистадоров очередной задачей: такая политика подсаживалась и стремлением обеспечить безопасность и итальянских владений арагонской короны. Между Португалией и Испанией по всем спорным проблемам африканской колониальной политики заключались соглашения, но они постоянно нарушались, так как, в особенности после завоевания Гранады, африканское побережье стало объектом частных захватов со стороны отдельных конкистадоров. Это было как бы дальнейшим развитием завершенной уже реконкисты. Но более прочное утверждение на африканском побережье относится уже к последним годам жизни Фердинанда, когда он фактически был единоличным правителем объединенной Испании. В 1509—1510 гг. поставлены были в вассальную зависимость, хотя и крайне непрочную, отдельные мусульманские княжества — Тунис, Алжир и Тремесен.

————— {179}

ГЛАВА VI

ИСПАНИЯ — МИРОВАЯ ДЕРЖАВА

1. ОБРАЗОВАНИЕ ИМПЕРИИ КАРЛА V

События времени Фердинанда и Изабеллы — узловой, поворотный момент испанской истории: взятие Гранады завершало один ее период, а открытие заокеанских земель начинало новый период, заполненный еще более знаменательными событиями. Необычайно быстрое превращение Испании в колониальную державу идет параллельно с не менее быстрым расширением ее территорий и в самой Европе. Завершился этот процесс тем, что обширная испанская держава очутилась в составе еще более широкого образования — Священной римской империи. Случилось это в силу целого ряда обстоятельств международного характера. В конце XV в. создалась не только испанская монархия, но и ряд других крупных государственных объединений. Но этот процесс собирания земель и власти в руках королей тянулся на протяжении столетий и вылился в форму затяжных войн, упорной борьбы за спорные территории. Испания в этой борьбе частично принимала участие и в предшествующие столетия, но в XV в. ее роль в международных отношениях становится особенно заметной. Уже самый факт возникновения на Пиренейском полуострове могущественного государства существенным образом отразился на международных отношениях того времени.

Крупнейшим вопросом европейской политики XV в. был так называемый «Бургундский вопрос». Дело заключалось в том, что уже с конца XIV в., а особенно в XV в. стала возвышаться династия бургундских герцогов, вассалов французского короля. В начале они владели областью, находившеюся по соседству с левым берегом верхнего Рейна, в бассейне рек Роны и Соны. Но бургундские герцоги стремились расширить свои владения присоединением новых областей. Они воспользовались тем, что в многочисленных графствах, образовавшихся на побережье Северного моря (устье Шельды и Рейна вплоть до устья Эльбы), в так называемых Нидерландах стали пресекаться местные династии. Чаше всего удачными брачными

союзами они сумели присоединить к своим владениям семнадцать нидерландских провинций. Следует при этом учесть, что в Нидерландах, особенно в южных графствах, выросли крупные и богатые города — центры суконной промышленности и что здесь же скрещивались крупные торговые пути и такие города, как Брюгге, а после него Антверпен стали средоточием всей европейской торговли. Обладание таким богатым районом не могло не содействовать росту могущества бургундских герцогов и росту их притязаний. Они мечтали о королевской, если не императорской короне, между тем как были всего-навсего вассалами французского короля. Это и привело к долгой и упорной борьбе между герцогами и французским королем Людовиком XI. Бургундия была тогда обширным государством, но весьма пестрым по своему составу. Кроме того, она не представляла сплошной территории. Между Нидерландами и Бургундским герцогством в собственном смысле этого слова были чужие и весьма спорные области — Лотарингия и Эльзас. На них-то и посягали герцоги, особенно Карл Смелый, но натолкнулись на упорное противодействие Людовика XI. Не без участия последнего в 1477 г. Карл Смелый потерпел поражение в борьбе со швейцарцами и сам погиб, оставив после себя единственную дочь Марию, которая оказалась наследницей богатых Нидерландов. Людовику XI удалось присоединить к Франции только Бургундское герцогство в узком смысле слова, а из-за Нидерландов и началась борьба, которая вылилась в соперничество из-за руки Марии Бургундской.

Вопрос о ее замужестве сделался крупнейшей международной проблемой. Из многочисленных претендентов на руку Марии, а следовательно и на ее приданое — Нидерланды, выбор пал (по договоренности с Нидерландскими генеральными штатами) на сына германского императора Фридриха III, Максимилиана. От этого брака {181} родился сын Филипп, получивший прозвище Красивого. С другой стороны, у Фердинанда и Изабеллы, «католических государей» Испании, была дочь Хуана Безумная, которую и выдали замуж за Филиппа. В 1500 г. от этого брака родился сын Карл, будущий властитель Испании, а затем и Германии. Но к моменту смерти Изабеллы ему было всего только четыре года. Королева перед смертью с одобрения кортесов назначила регентом Фердинанда до совершеннолетия Карла, но здесь-то и сказалась веками создававшаяся враждебность между Кастилией и Арагоном. Кастильская знать не склонна была поддерживать кандидатуру арагонского короля и противопоставила ему Филиппа Красивого, жившего в Нидерландах. На его сторону стали кроме герцога Медини-Сидонии и другие знатные вельможи. Фердинанд удалился в свое собственное королевство и занялся неаполитанскими делами, а в Кастилии началась полоса междоусобий, расхищения коронных имений и насильственных захватов. Совет регентства, в составе которого был и оставшийся верным Фердинанду Хименес де Сизнерос, не в состоянии был восстановить порядок. Явившийся сюда Филипп окружил себя фламандскими фаворитами, а свою жену держал взаперти под предлогом ее умственного расстройства. Но вскоре после прибытия в Испанию Филипп неожиданно умер (в сентябре 1506 г.). Хуана не в состоянии была править и встал снова вопрос о регентстве. В настроениях знати произошел перелом, и Фердинанд был, наконец, признан.

Став единоличным правителем Кастилии и Арагона, Фердинанд продолжал политику территориального расширения Испании. Еще задолго до смерти Изабеллы, в 1493 г., ему удалось отобрать у Франции Руссильон и Сердань. Французский король Карл VIII за это претендовал на занятие Неаполя, когда-то принадлежавшего анжуйской династии. Но ни Карлу VIII ни его преемнику Людовику XII не удалось это сделать благодаря искусной политике Фердинанда. Случилось так, что Людовик XII, захватив южную Италию, не смог в ней удержаться и отказался от дальнейших домогательств, и в 1504 г. Неаполитанское королевство было окончательно закреплено за Испанией. Будучи уже единоличным {182} правителем, Фердинанд сделал еще одно территориальное приобретение — Наварру, которая в течение долгого времени служила яблоком раздора и предметом домогательств для Франции и Испании. Здесь сказалась свойственная Фердинанду ловкость и хитрость, заслужившая похвалу от Макиавелли. Он сумел использовать для захвата Наварры старинных союзников Кастилии, англичан, рассорить наваррцев с папой и в удобный момент без всякого труда захватить большую часть Наварры, на юг от Пиренеев (в 1512 г). Последним актом международной политики Фердинанда была попытка путем брачного контракта подготовить присоединение Португалии, но эти попытки не увенчались успехом, а взять силой Португалию было уже невозможно, так как она к этому времени стала могущественной колониальной державой. В 1516 г. Фердинанд умер и в Испа-

нии снова наступило междоусобице. Выросший за это время наследник престола Карл находился в Нидерландах, его мать Хуана была неспособной править, и регентом, согласно завещанию Фердинанда, стал архиепископ толедский Хименес де Сизнерос.

Этот давний ревнитель абсолютистского режима с самого начала пресек новую попытку крупной знати восстановить старое положение, противопоставив ей военную силу. В ноябре 1517 г. Карл после долгих проволочек вступил, наконец, в Вальядолиду в качестве испанского короля, окруженного, однако, не кастильскими, а фламандскими придворными. Кардиналу Хименесу послано было предложение не появляться при дворе; вскоре после этого он умер. Для Испании наступил новый период ее истории. Через два года после вступления Карла на испанский престол, в 1519 г., он был избран германским императором. В результате этого Испания вместе со всеми своими владениями как европейскими (включая сюда и Нидерланды), так и заокеанскими вошла в состав громадной империи, в которой, по выражению современников, «никогда не заходило солнце». Но центр этой империи оказался не в Испании, а в пределах Священной римской империи. Ход испанской истории на несколько десятков лет круто изменил свое направление. Испанские конкистадоры продолжали расширять колониальные территории в Центральной и Южной Америке, приток американских сокровищ ускорял темпы экономического развития Испании, она переживала грандиозный экономический переворот, который, казалось бы, должен был создать все необходимые условия для перехода к капиталистическому способу производства. Но именно на данном отрезке времени Испания была лишь составной частью более обширного целого — монархии Карла V, который в гораздо большей степени был германским императором, чем испанским королем. Испания со своими богатыми владениями в Европе и вне ее явилась тем источником, из которого черпались новые и новые финансовые средства для ведения войн за цели, чуждые интересам руководящих групп испанского общества. И это в Испании почувствовали с первого же момента появления на ее территории нового короля.

2. ВОССТАНИЕ КАСТИЛЬСКИХ ГОРОДОВ («КОММУНЕРОС»)

В такой обстановке, когда Испания стала составной частью «всесветной» монархии и была включена в орбиту миродержавной политики, чуждой интересам руководящих сил испанского общества, еще раз проснулись давние стремления к свободе и независимости. Из всех общественных групп коренной части Испании, Кастилии, на путь сопротивления и восстания могли встать только города и отчасти дворянство. Крестьянство, задавленное и приниженное, безмолвствовало и оставалось безучастным к происходившим событиям. Между тем, брожение в стране нарастало как раз в тот момент, когда новый король Карл I явился, наконец, из Нидерландов в Испанию, чтобы по стародавнему обычаю принести присягу в кортесах. Но когда он явился на заседание кортесов, созванных в Вальядолиде в 1518 г., депутаты сразу предъявили ему ряд требований: удаление иноземцев, соблюдение старинных вольностей, недопущение вывоза золота за границу. Они почтительно указали, что королю нужно изучить испанский язык. Но Карлу, выросшему в Нидерландах, все эти требования были чужды и непонятны. Ему нужны были только деньги, и он частью неопределенными уступками, частью подкупам {184} добился того, что кортесы дали ему требуемую сумму.

Однако данные обещания тотчас же были нарушены. Фламандская знать, окружавшая короля, начала расхищать государственное добро. Новый король, понимая, что здесь на полуострове необходимо считаться и с голосом отдельных областей, отправляется в Арагон и пытается на местных кортесах получить новую субсидию. Но арагонские кортесы наотрез отказались дать субсидию без предварительного удовлетворения их жалоб, а в Сарагоссе (столице Арагона) поднялось даже восстание против запрещения свободной торговли хлебом и съестными припасами и нарушения привилегий дворянства. Еще менее почтительно обошлись с королем богатые и независимые каталонцы. Они наотрез отказались давать деньги. Пока Карл объезжал свои новые владения, его избрали на императорский престол в Германии и он решил пренебречь Валенсией, куда отправил за субсидией своего фаворита Адриана Утрехтского, но последний ничего не получил. Здесь уже назревало брожение, вылившееся вскоре в гражданскую войну. Призрак гражданской войны реял и над Кастилией. Ближайшим поводом к движению послужило намерение Карла уехать в Германию в связи с новым избранием и предстоя-

шей коронацией. Поскольку средства, отпущенные вальядолидскими кортесами, были уже на исходе, явилась надобность в созыве новых кортесов. Страна в это время находилась в сильном возбуждении, и для того, чтобы избежать излишних неприятностей при отъезде, Карл созвал кортесы неподалеку от границы, в Сант-Яго (в Галисии). Это было уже в самом начале 1520 г., а еще до этого по инициативе горожан Толедо между кастильскими городами начался сговор, чтобы не допустить отъезда Карла, из Испании. На кортесах представители крупнейших городов Кастилии поставили условием для вотирования субсидии — соблюдение их требований. Тогда Карл перенес кортесы в Корунью, дал требуемые обещания и субсидию получил, а вслед за тем назначил своим наместником кардинала Адриана и 20 мая того же года покинул Испанию, не обращая внимания на начавшееся уже движение.

Как только депутаты кортесов разъехались из Коруньи по домам, ряд городов, недовольных уступчивостью кор- {185} тесов и политикой нового короля, подняли знамя восстания. Во главе восставших был город Толедо, откуда вышли и главные вожди всего движения — Хуан де Падилья и Педро Ласо де ла Вега, оба из толедской знати. Они выступили с лозунгом: «Да здравствует король и смерть дурным министрам!» Движение охватило значительную часть кастильских городов — Сеговию (под руководством кабальеро Хуана Браво), Замору (здесь выступили толедец Ласо и епископ Акунья), Гвадалахару, Мурсию, Саламанку, Мадрид, Куенку, Аликанте. Восстание с самого начала приняло революционный характер, в ряде городов свергалась власть и выбирались новые советы. В Сеговии возбужденные ремесленники-сукноделы повесили обоих депутатов кортесов. Кровь лилась на улицах Авилы, Торо, Куенки, Мадрида. Некоторые города, такие, как Медина дель Кампо, Кórдова. Гранада, стояли в стороне, соблюдая нейтралитет. Но первая же попытка регента кардинала Адриана подавить восстание расширила круг восставших городов и придала движению еще более острый, насильственный характер. Высланный против Сеговии военный отряд натолкнулся на решительное сопротивление, к стенам города его не подпустили. Сеговия совместно с Толедо рассылала своих агентов по другим городам, предлагая организовать конфедерацию и прислать своих представителей в Авилу. Этот боевой союз восставших городов, обычно называвшихся «коммунерос», окончательно оформился после того, как войска Адриана, якобы случайно, сожгли и разграбили Медину дель Кампо — крупный торговый и денежный центр Испании, складочное место сукна, шелка и хлеба, а вместе с тем один из главных арсеналов. 29 июля 1520 г. «Святая Хунта» (как стало называться представительство конфедерации городов) собралась, наконец, в Авиле. К сожалению, это движение до сих пор не изучено со стороны классового его состава. Первоначально к нему примыкала часть знати и духовенства, из среды которых двигались даже, как мы видели, и вожди. Большую роль играли и средние группы городского населения, но если и не везде, то все же весьма заметное место в восстании коммунерос занимали ремесленники {186} и городские низы, которых буржуазные историки, писавшие об этом восстании, предпочитают именовать «чернью». В составе Святой Хунты мы видим дворян, духовных лиц, горожан средней руки, представителей интеллигенции и в большом количестве представителей от низших групп городского населения. Так, например, представителями от Авилы были ткач Пунильос и строгальщик Бобадилла, от Саламанки — ремесленник Виллария.

Члены Святой Хунты принесли взаимную присягу положить свою жизнь «за короля и коммуну», низложили коррехидоров и провозгласили главнокомандующим всеми вооруженными силами коммунерос Хуана де Падилью. Регент кардинал Адриан был объявлен низложенным, и Хунта выступала как высшая власть в стране «во имя Хуаны и Карла». Несмотря на то, что Хуана (или Иоанна, дочь Фердинанда и Изабеллы) страдала умственным расстройством, восставшие горожане верили в здравость ее рассудка и во всяком случае ориентировались на нее как на испанку.

Чрезвычайно показательно для этой своеобразной революции кастильских городов сочетание революционных методов борьбы с довольно умеренной программой, которую они изложили в петиции отсутствующему Карлу. В основном они повторяли те же пункты, какие были уже изложены в петициях на сессиях кортесов в Сант-Яго и Корунье. Они вновь просили удаления иностранцев, периодического созыва, кортесов, упорядочения администрации и суда, недопущения вмешательства церковников в гражданские дела, прекращения расточительности двора, запрещения вывоза золота и серебра из пределов Испании, сосредоточения всей американской торговли в Севилье. Но Хунта присоединила и ряд новых пунктов: чтобы каждый го-

род посылал в кортесы по три представителя (от дворянства, духовенства и горожан); чтобы депутаты были абсолютно неприкосновенны и подавали бы свои голоса в соответствии с желаниями своих избирателей; в случае, если они брали пожалования от короны, должны были предаваться смерти. Ряд пунктов был направлен против знати: отмена изъятия знати от налогов, недопущение ее на финансовые должности и воздержание от создания новых представителей знати. Петиция заканчивалась предложением сместить кардинала-регента и всех его сотрудников, распустить совет Кастилии, а самому Карлу вернуться в Испанию, жениться и жить в своем Испанском королевстве.

На эту петицию Карл, поглощенный в это время германскими делами, не обратил никакого внимания. В то же время его осаждали донесениями и его собственные агенты. Кардинал-регент, напуганный ходом событий, рекомендовал императору частично пойти на уступки, чтобы расколоть движение и привлечь на свою сторону дворянство, но независимо от этого последнее уже начало отходить от горожан, поскольку революция кастильских городов принимала антидворянский характер. Хунта перенесла свою резиденцию из Авилы в Тордесильяс, где находилась Хуана Безумная. Это было в сентябре 1520 г. Кардинал отправлял Карлу одно письмо за другим, полные отчаяния. «Странная вещь, — пишет он, — во всей старой Кастилии едва ли найдется местечко, в котором мы могли бы чувствовать себя в безопасности и которое не находилось бы в союзе с другими мятежниками». Несмотря, однако, на столь благоприятную ситуацию, в движении коммунаров начали проявляться признаки распада. Полного единства в конфедерации не было. Каждый город, каждое местечко, по давней средневековой традиции, на первое место выдвигал свои собственные привилегии, защиту своих феудосов. В тех же городах, которые, благодаря экономическому развитию, в состоянии были преодолеть средневековую ограниченность и узкость политического кругозора, сильно сказывалось социальное расслоение. Очевидно, этим нужно объяснить, почему цветущие города Андалузии или стояли в стороне от движения или принимали в нем слабое участие. Андалузская буржуазия, в частности в Гранаде, выдвигала такие мотивы своего воздержания: намерения коммунаров сами по себе хороши, но результаты их движения плачевны — восстания, беспорядки, нарушение торговли, господство людей низкого положения, не обладающих «ни знаниями, ни благоразумием». {188}

Правительство Карла учитывало эти обстоятельства и готовилось к решительной расправе с восставшими, собирая свои силы и используя поворот в настроениях кастильского дворянства. В то же самое время Хунта не проявляла достаточной энергии, продолжала посылать свои декларации к Карлу в Германию. Но одного из ее посланцев император приказал арестовать, а другой, не добравшись до Брюсселя (где находилась резиденция Карла), счел за благо вернуться обратно. Хунта просила помощи даже у португальского короля. Тогда кардинал-регент решил действовать: 31 октября 1520 г. он объявил войну коммунарам. Его военные силы стали пополняться из среды кастильской знати и духовно-рыцарских орденов. 17 ноября был взят Тордесильяс и 13 членов Хунты были захвачены в плен. Несколько дней спустя передан на сторону кардинала один из военачальников коммунаров Дон Педро Хирон. Одновременно знать из городов Галисии образовала конфедерацию и стала на защиту короля. Такая же роялистская конфедерация возникла и в Андалузии. Внутри самой Хунты все резче и резче звучали социальные мотивы, враждебные дворянству, 10 апреля 1521 г. в своем манифесте Хунта провозглашала, что она ведет войну против «грандов и кабальерос и других врагов королевства, против их имущества и жилищ огнем, мечом и разорением». Войска коммунаров состояли из двух отрядов: главные силы, во главе с Падилья, Мальдонадо, Браво и другими капитанами, находились у Торрелобатов, неподалеку от Тордесильяс, а меньший отряд, под предводительством воинственного епископа Акунья, стоял у Толедо. Полководцы напрасно теряли время, не сумели объединить свои силы, бесплодно ждали обещанной помощи от ряда городов; началась деморализация войска, массовое дезертирство. Видя, что дело плохо, Падилья 23 апреля с мужеством отчаяния пошел в атаку у местечка Вильялар против неприятельской кавалерии. Войска Хунты потерпели полное поражение. Падилья и другие командиры были захвачены, сто человек осталось на поле сражения, четыреста ранено, до десяти тысяч было захвачено в плен. Вожди были обезглавлены. {189}

Это означало конец восстания, полное его крушение. Но Толедо, первым когда-то выступивший за дело коммунаров, еще делал отчаянную попытку сопротивляться при отсутствии

каких бы то ни было шансов на успех. Вместо погибшего Падильи выступила его жена донья Мария Пачеко. Она призывала жителей Толедо к мести, к стойкому сопротивлению, вела переговоры с Валенсией, где в это время было восстание. К сожалению, и этот эпизод до сих пор остается неосвещенным в научной литературе, но по некоторым данным Мария Пачеко пользовалась широкой популярностью у городских низов. Когда уже все было проиграно и Толедо был занят правительственными войсками, Мария еще оставалась в городе и усиленно хлопотала о помощи извне. По злой иронии судьбы кардинал-регент Адриан, так долго боровшийся против коммунаров, в начале 1522 г. был избран на папский престол. 1 февраля в Толедо по этому поводу предстояло торжество. Город был ярко освещен, всю ночь раздавался праздничный звон колоколов. Но революционная партия, несмотря на свое полное поражение, еще пыталась действовать, и по отдельным улицам города время от времени слышались возгласы «Падилья», «коммунаров». Наступила неизбежная развязка: дом Марии был окружен, но ей все же удалось вместе со своей служанкой мавританкой в крестьянском костюме бежать из города к границам Португалии. В июле император Карл в сопровождении 4 тысяч немецких пехотинцев прибыл в Испанию, когда борьба уже закончилась. Несколько позднее он даровал всеобщую амнистию, но исключил из нее 293 активных участников движения.

Одновременно с восстанием кастильских городов революционная борьба шла и в другой части полуострова — в Валенсии и на острове Майорка. Толчком к движению здесь послужили изложенные уже события первых дней правления Карла. Он воздержался от поездки в Валенсию, между тем как там уже шло глухое брожение среди городских ремесленников. Как в Каталонии, так и в Валенсии, расслоение в городах было гораздо более резким, и поэтому классовая борьба приняла здесь иной характер, чем в Кастилии. Валенсиян-^{190}ские горожане имели свою собственную милицию, получившую наименование «херманий» (соответствует кастильскому «германдад» — братство. Карл I даже санкционировал эту организацию, поскольку официально она предназначалась для борьбы против алжирских мавров. Но в это время в валенсианских городах сильнее сказывалась рознь внутри городского населения. Хермания представила Карлу записку, в которой жаловалась на то, что знать поступает с бедным ремесленным людом, как с рабами. Она требовала избрания от низшего населения представителей для защиты их интересов. Отказ императора послужил сигналом к восстанию. В Валенсии разгорелась гражданская война, борьба городских низов против знати. Хермания, руководившая движением, имела свою Хунту из 13 человек, среди которых выделялись ткач Гильен Соролья, лапотник* Онофре Перис, рабочий Висенте Мочоли и два моряка. Ремесленники и рабочие Валенсии выступали под лозунгами ниспровержения дворянства и конфискации имущества. Из столицы — города Валенсии — движение перебросилось в другие города и тянулось в течение двух лет, то затихая, то вспыхивая, с новой силой. Через посредство соседней Мурсии, валенсианские революционеры находились в контакте с кастильскими коммунарами, хотя и без ощутительных результатов. Окончательное подавление восстания относится к 1522 г. Еще более острый характер носило движение на острове Майорка (в группе Балеарских островов). Революционные традиции здесь были живы еще со времен раннего средневековья. Восстание началось в феврале 1521 г. по инициативе городской хермании, но здесь к восставшим примкнуло и крестьянство. Низы города и деревни выступали против знати и богатых горожан под лозунгами уничтожения дворянства и конфискации имущества у всех богатых людей. Попытка умиротворить восставших ни к чему не привела. Плебейская революция разрасталась, приняла кровавый характер и тянулась в течение ряда лет. Только в декабре 1524 г. восстание было подавлено путем жесточайшего террора и массовых казней. ^{191}

Изложенные события столь же своеобразны, как своеобразна и вся история средневековой Испании. Только революция в Валенсии и на Майорке имеет некоторое сходство с современными ей движениями крестьян и ремесленников в других странах Европы. В то самое время, когда плебейские массы Валенсии и Майорки выступали против господствующего класса, а кастильские коммунары с менее отчетливыми лозунгами упорно боролись с королевскими войсками и знатю, в другой части обширных владений Карла, в Германии, развертывалась великая крестьянская война. Однако, в Испании как раз крестьянство менее всего участвует в движении. Крестьянские революции на полуострове остались уже позади, движение

* Так напечатано. — Ю. Ш.

1519—1522 гг.— это преимущественно движение горожан, и оно носит на себе яркий отпечаток средневековых форм революционной борьбы. По замечанию Маркса, сущность этого движения заключалась «... в защите вольностей средневековой Испании против захватов современного абсолютизма» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 718).

«Разнообразные обстоятельства соединились вместе к выгоде растущей мощи абсолютизма. Недостаток единства между провинциями парализовал их отдельные усилия; однако главную услугу Карлу оказал резкий антагонизм классов — дворянства и горожан, помогший ему унижить и тех и других» (Там же, стр. 720). При Фердинанде Католике, как мы видели, военная сила городов была использована для подавления мятежной знати. При Карле было сломлено окончательно могущество городов, сокращены их старинные вольности, их экономическое и политическое значение пало. А вскоре Карлу без труда удалось покончить и с политической ролью дворянства. После того как в 1539 г. кастильские кортесы отказали в вотировании налогов. Карл удалил из их состава оппозиционеров. «Для кортесов, — замечает Маркс, — это был смертельный удар; их собрание свелось отныне к выполнению простой придворной церемонии» (Там же). И количественно кортесы были ограничены 36 членами.

Изложенными событиями исчерпывается основное содержание испанской истории в тот короткий период, {192} {файлы isp192.jpg, isp193_1.jpg, isp193_2.jpg} когда оно оказалось в составе всесветной монархии Карла V. Именно с этого момента начинается ее упадок, несмотря на ту экономическую революцию, которую она переживала в XVI в. наряду с другими европейскими странами. Мы теперь должны рассмотреть особенности этой экономической революции и выяснить, почему же она на испанской почве, по замечанию Маркса, иссушила источники национальной энергии (т. X, стр. 722).

3. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ В ИСПАНИИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

С конца XV в. на Пиренейском полуострове, как и в остальной Европе, наступает крупный перелом в экономическом развитии. По целому ряду признаков, засвидетельствованных многочисленными показаниями современников, Испания переживала в это время целый переворот в хозяйственных отношениях. Он выразился прежде всего в быстром росте отдельных отраслей промышленности, особенно в суконной и шелковой. Сошлемся хотя бы на характеристику экономического преуспевания Испании, сделанную на сессии кортесов 1573 г. Это была уже пора глубочайшего экономического кризиса, который и дал повод кортесам вспомнить о предыдущем периоде (т. е. первой половины XVI в.), когда торговля шелком и шерстью находилась в цветущем состоянии и в ряде городов, таких, как Толедо, Сеговия, Куенка, Гранада, Севилья, «не было ни одного мужчины и женщины, даже старых, ни одного ребенка любого возраста, которые не заняты были бы тем или другим способом торговлей и промыслом и не помогали бы друг другу; и было очень любопытно ходить по улицам и закоулкам Сеговии и Куенки и видеть, как все без исключения были поглощены работой, понимая толк в выработке шерсти. И всюду было полно людей, занятых работой, довольных и зажиточных, не только среди местных жителей, но и бесконечного количества иностранцев». Это общее впечатление современников подтверждается и фактическими данными. Среди кастильских городов едва ли не первое место по своей промышленности занимала Севилья. Во времена Карла I там насчитывалось {193} до 16 тысяч текстильных мастерских с общим количеством рабочих до 130 тысяч. По замечанию одного автора конца XVI в., Севилья поставляла «всему свету» шелк-сырец, шерсть, кожу, лен. Точно также и в Толедо процветало шелковое производство. Сукна Куенки зеленой и голубой окраски широко экспортировались в Турцию и Берберию. В основном можно констатировать, что в Кастилии в шерстяную промышленность была втянута большая часть населения. Точно также и в других областях испанской монархии заметны были признаки промышленного подъема. В Арагоне наиболее крупным текстильным центром была Сарагосса, в Каталонии — Барселона, несмотря на начавшийся упадок, сохраняла еще старинные черты индустриальной жизни. То же нужно сказать и о Валенсии, где большое место занимали изготовление суконных и шелковых тканей, а также торговля пряностями. Наряду с текстильной промышленностью, занимавшей первое место среди испанских производств, заметную роль играли и другие отрасли промышленности, как керамика (Севилья, Ма-

лага, Талавера, Толедо, Мурсия и др.), обработка кожи (Толедо и Кórдова), металлическое производства и в особенности производство оружия (Толедо). Широко был распространен рыбный промысел, но зато горное дело, несмотря на природные богатства Испании, находилось в зачаточном состоянии. Во всяком случае показатели промышленного роста в значительной части Испании не вызывают никакого сомнения.

Однако для того чтобы определить подлинный удельный вес испанской промышленности как внутри королевства, так и на внешнем рынке, необходимо учесть, что и в других европейских странах XVI век отмечен признаками еще большего промышленного подъема и что баланс испанской внешней торговли, ее экспорта и импорта, был неблагоприятен для Испании. Несмотря на несомненный подъем, текстильная промышленность Испании не только не завоевала внешнего рынка, но не в состоянии была даже удовлетворить запросы национального рынка, она не в состоянии была конкурировать ни с фландрской ни тем более с английской промышленностью. Испанский экспорт в Антверпен — сре- {194} доточие европейской торговли XVI в. — слагался из разнообразных предметов, привозимых из Америки, из объектов же испанского хозяйства преобладала продукция сельского хозяйства — фрукты, технические культуры, вина, в особенности шерсть, а в импорте явно преобладали предметы европейской обрабатывающей промышленности. По словам одного итальянского путешественника, Испания получала из Антверпена все предметы первой необходимости. Это уже само по себе указывало на недостаточное развитие обрабатывающей промышленности и на полную зависимость Испании в этом отношении от иностранного рынка. Наибольшее значение имела для Европы испанская шерсть, которая ценилась очень высоко наряду с английской шерстью. Главный склад ее находился не в Антверпене, а в Брюгге. Характерно, что Испания продолжала снабжать европейскую промышленность столь ценным сырьем, в то время как Англия уже с конца XIV в. начала перерабатывать ее у себя дома, а в XVI в. уже успешно конкурировала своими суконными изделиями с фландрской промышленностью. Несмотря на отмеченные показатели роста суконной промышленности в Испании, она не в состоянии была конкурировать с фландрской промышленностью. Многочисленные испанские суда, привозившие шерсть в Брюгге, грузились на обратном пути готовыми суконными тканями. Испанская монархия с момента окончательного объединения страны пыталась проводить покровительственную политику и прислушивалась к настойчивым просьбам кортесов об устранении препятствий к развитию собственной промышленности, о введении технических улучшений, освоении новых отраслей промышленности, организации промышленных школ. Но все эти мероприятия оставались на бумаге, и в течение XVI в. политика абсолютизма все больше и больше определялась интересами паразитических групп общества. Эта характернейшая черта экономической политики испанских королей особенно губительно сказалась на важнейшей отрасли производства — овцеводстве и шерстяной промышленности. В Испании, как и в Англии, отправными моментами экономического развития явились экспорт главного ресурса страны — {195} шерсти — и связанное с ним развитие овцеводства. Но в Испании по местным климатическим и природным условиям преобладающей его формой было бродячее овцеводство. Огромные стада мериносов в течение летнего сезона паслись в Кастилии, а на зиму перегонялись на юг, на богатые пастбища Эстремадуры и Андалузии. Уже в XIII в. в Испании создалась могущественная и привилегированная организация овцеводов, известная под именем «Мэсты». В XV в. наметился и в Испании перелом в сторону покровительства суконной промышленности. По крайней мере в 1462 г. было предписано, чтобы сумма экспорта шерсти не превышала $\frac{2}{3}$ ее ежегодной добычи. Но наряду с такими мероприятиями Мэста продолжала пользоваться своими привилегиями. Торговля шерстью приняла широко организованный характер. В нее втянуты были наиболее крупные хозяйства Испании, принят ряд мер для быстрого сосредоточения шерсти в важнейших портах, использован аппарат посредников, установлена теснейшая связь с Мэстой, занявшей чрезвычайно влиятельное положение в системе государственных учреждений. Получился в итоге своеобразный союз торговцев и овцеводов под покровительством государственной власти, приносившей в жертву привилегированной верхушке интересы не только обрабатывающей промышленности, но и других отраслей сельского хозяйства. Этот характерный факт проливает яркий свет и на предшествующий период реконкисты, поскольку мавры, против которых велась многовековая борьба, были, с одной стороны, обладателями южных пастбищ, а с другой стороны, сосредоточивали в своих руках и обрабатывающую промышленность, и сель-

скохозяйственное производство. Мавры и были основателями испанского овцеводства. За лозунгом борьбы с неверными скрывались вполне реальные интересы феодальных и полуфеодальных групп испанского общества. Богатейшие пастбища Эстремадуры и Андалузии очутились в руках трех могущественных духовно-рыцарских орденов — Калатрава, Алькантара и Сант-Яго, а затем перешли к испанской короне, фактически к испанским феодалам.

Такая политика использования важнейшего ресурса страны в интересах паразитических групп общества наиболее губительно сказалась на испанской деревне и ее хозяйстве. Плачевное положение земледельческого хозяйства — характерный факт экономической истории Испании XVI в. Современные авторы и иностранные путешественники единодушно говорят о ничтожных размерах посевной площади и огромных пустошах. Производство сельскохозяйственных продуктов не удовлетворяло даже местных запросов. В северные части Испании на протяжении десятков лет ввозился иностранный хлеб. Масса необработанных земель, отсутствие рабочего скота и другого инвентаря, дороговизна продуктов питания — все это обрекало испанское крестьянство на полуголодное существование. Деревенское население не находило себе поддержки в законодательстве, которое главным образом укрепляло положение привилегированных групп общества, в первую очередь овцеводов Мэсты. Новейшие исследования вскрывают перед нами любопытнейшую картину классовой борьбы в испанской деревне XVI в. Вопрос об огораживаниях вставал тогда и на испанской почве не менее остро, чем в Англии, с тем, однако, характерным отличием, что в Англии огораживания производились *для овец*, а в Испании *от овец*, от тех полчищ мериносов, которые прогонялись по широким отгороженным путям, так называемым «каньядам», прорезавшим участки с различными сельскохозяйственными культурами. Мэста, находившаяся всегда в близких отношениях с королевской властью и располагавшая обширными привилегиями, зорко следила через своих контролеров за тем, чтобы установленная ширина каньяды не сужалась соседями-собственниками путем перестановки изгородей. По существу это была борьба между бродячим овцеводством, с одной стороны, и остальными отраслями сельского хозяйства, с другой. Последние, находясь под могучим воздействием рынка, требовали расширения посевной площади и покровительства государственной власти. Но испанский абсолютизм настойчиво держал курс на поддержку пастбищного хозяйства, — «важнейшей опоры королевства». Мы имеем ряд указов, ставивших пастбища выше, чем пахотные {197} участки. Огораживания допускались лишь по специальному разрешению и на определенных условиях. В случаях сомнений и возникавших на этой почве судебных тяжб, необходимо было представление доказательств, что огораживание разрешено и используется для предназначенной цели. Отсутствие таких доказательств давало исполнительному аппарату Мэсты право немедленно удалять изгороди и беспрепятственно прогонять стада. Уже с более ранних времен в сознании деревенского жителя закрепилось пять «запрещенных вещей»: сады, хлебные поля, виноградники, пастбища для рогатого скота и луга. Но о них твердо помнила и всемогущая Мэста. Ревниво оберегая свою монополию, она в потребных случаях выставляла даже доводы идеологического порядка, указывая на «безнравственность» виноделия. К «запрещенным вещам» с полным правом можно было бы присоединить лесное хозяйство, поскольку и здесь мы наблюдаем хищническое истребление лесов, и также оседлое овцеводство различных частных собственников, не находившее себе поддержки у центральной власти.

В итоге можно сказать, что соотношение важнейших отраслей слагавшегося национального хозяйства крайне неблагоприятно отражалось на росте товарно-денежных отношений в стране, на развитии внутреннего рынка. Хозяйственная связь между городом и деревней была необычайно слаба; испанские города, как центры промышленности, перерабатывавшие местное сырье, не оказывали достаточно сильного разлагающего влияния на феодальные отношения деревни, сам город сохранял и в XVI в. свой средневековый облик, а в деревне феодальный гнет, несмотря на волну крестьянских восстаний XV в. и правительственные акты о ликвидации крепостничества, продолжал тяготеть над крестьянством. Современные авторы рисуют нам ужасающие картины обезлюдения деревни, крестьянской нищеты, хронических голодовок и эпидемий, дороговизны продуктов питания и недостатка рабочих рук при колоссальном росте нищих и бродяг. Правда, бродяжничество в XVI в. было общим явлением для Западной Европы (вспомним хотя бы Англию и законы о бедных), но на испанской почве {198} оно приобретало особые черты. Достаточно почитать испанские «плутовские повести», например о

Ласарильо из Тормесса или «Назидательные новеллы» Сервантеса, чтобы получить наглядное представление об испанском бродяге, в котором сочетались нищий и искатель приключений. Социальный облик этих деклассированных элементов весьма пестрый: среди них мы найдем не только экспроприированное крестьянство, поденных рабочих, живущих случайным заработком, но и феодальных слуг, составлявших своеобразную свиту вокруг знатных и богатых; сюда же нужно отнести наемных солдат, готовых служить кому угодно и за что угодно, обедневшее рыцарство (кабальерос), лишенное собственности, но сохранившее дух авантюризма, бедное студенчество, живущее подаванием и кочующее во время каникул по испанским городам и селам. Даже дети богатых родителей предпочитали спокойной жизни бродяжничество, превращая его в страсть и увлечение. Этот тип испанского бродяги-авантюриста сложился исторически и в XVI в. (особенно со второй половины), а также в XVII в. составлял заметную и колоритную фигуру в испанском обществе.

Все это являлось уже признаками не роста, а упадка, который был тесно связан с глубочайшим экономическим кризисом, охватившим Испанию с середины XVI в. Несмотря, однако, на эти черты упадка — слабость внутреннего рынка, возрастающую нищету и обезлюдение деревни — Испания XVI в. представляла могущественную силу, активно выступавшую на международной арене. Выход из тупика до известной степени создавался благодаря обладанию обширными колониями в Новом свете. После открытий Колумба, Америго Веспуччи, Нуньес Бальбоа испанские владения в Америке продолжали расширяться, в особенности при Карле I. Поиски золота воодушевляли многочисленных колониальных завоевателей, и с 1517 по 1556 г. идет сплошная полоса военных экспедиций, действовавших в двух направлениях — к северу и к югу от Панамской перешейки. В Центральной Америке были завоеваны Никарагуа (1521 г.), Гондурас (1524 г.) и Мексика. Завоевание последней было совершено под руководством одного из виднейших испанских конкистадоров, Фернандо Кортеза. Испанцам пришлось иметь дело с крупным государством ацтеков, во главе которого стоял император Монтецума. Борьба длилась более двух лет (1519—1521 гг.) и закончилась полным подчинением Мексики. Вместе с прилегающими областями вновь завоеванные владения получили название Новой Испании.

В последующие годы был завоеван ряд новых областей к северу от Мексики на побережье Тихого океана вплоть до Калифорнии, а на востоке — Флорида и ряд других территорий. К югу от Панамы колониальные захваты связаны с именем другого крупного конкистадора Франсиско Писарро. Начиная с 1524 г., наслышавшись о несметных богатствах южных областей, Писарро предпринимает туда ряд походов и вторгается в пределы крупного государства Перу и после продолжительной и упорной борьбы в 1535 г. присоединяет его к испанским владениям. Одновременно шло завоевание Чили. Но эти завоевания приходилось отстаивать против туземцев, поднимавших восстания и против других конкурировавших конкистадоров. Наконец, кругосветное путешествие Магеллана дало толчок к дальнейшим колониальным захватам Испании. В 20—30-х годах XVI в. идет колонизация в бассейне реки Ла-Платы, получившем название Аргентины.

В итоге этих колониальных экспедиций Испания оказалась обладательницей не только обширных территорий, но и колоссальных материальных ресурсов. Наряду с известными в Европе сельскохозяйственными культурами, испанские колонии давали много новых — пряности, какао, маис, ваниль, сахар, табак, шерсть, ценные минералы и металлы, ценные сорта деревьев. Вся испанская внешняя торговля, по существу говоря, держалась на колониальных продуктах. Андалузия и Новая Кастилия, в особенности же Севилья явились главным складочным местом американских богатств, откуда они шли в Антверпен и во все крупнейшие центры европейской торговли. Но и внешняя торговля сделалась источником обогащения, в первую очередь королевской казны. В целях эксплуатации заокеанских владений в систему государственных учреждений было включено новое звено — совет по делам Индии, ведавший всеми {200} вопросами колониального управления и хозяйства. Наряду с ним выделено было особое учреждение, так называемая «палата контрактации», которая непосредственно ведала всеми колониальными экспедициями и колониальной торговлей. На ее обязанности лежало: организация и снаряжение очередных флотилий, обеспечение правильного товарообмена, сбор колониальных налогов без пошлин. Огромный штат чиновников обслуживал обширное колониальное хозяйство Испании, закрепляя за нею монопольное обладание и пользование американ-

скими сокровищами. Но сложная система колониального управления, в частности палата контракции, созданы были главным образом для эксплуатации американских рудников и доставки ценных металлов в Испанию. Золото и серебро составляло свыше 90% всего американского вывоза, и лишь ничтожная часть приходилась на долю других колониальных продуктов. Недавно один американский исследователь сделал попытку произвести подсчет всего количества ценных металлов, вывезенных из Америки за 150 лет (с 1500 по 1650 г.). По его данным, кривая американского вывоза (золота и серебра вместе) на протяжении XVI и первой половины XVII в. представляется в следующем виде. В начале XVI в., в 1503—1505 гг., он составлял 371 055,3 пезос; до 1525 г. экспорт из Америки то усиливается, то уменьшается, но все же в целом возрастает, а начиная с пятилетия 1526—1530 гг. и вплоть до конца XVI в. рост его идет уже почти без колебаний и ускоренными темпами, достигая своей вершины в пятилетие 1591—1595 гг., когда сумма привезенного в Европу ценного металла равнялась 35 184 862,5; дальше она уже последовательно снижается и в 1656—1660 гг. резко падает до 3 361 115,5. За весь период с 1503 до 1660 г. было ввезено в Испанию 447 820 932,3 пезос ценного металла. Начало снижения кривой ввоза из Америки характерно совпадает с целым рядом других признаков экономического и политического упадка Испании. В области финансовой политики «золотой век» сменился «медным веком», т. е. переходом на медную монету, который означал последнюю отчаянную попытку спасти {201} от неизбежного краха всю финансовую систему испанского абсолютизма.

Таким образом, Испания в XVI в. явилась монопольной обладательницей и распределительницей американских сокровищ. Но этот непомерный рост материального богатства не только не укрепил ее собственного национального хозяйства, а наоборот, ускорил ее экономический крах. Обратное влияние американского золотого и серебряного потока на европейское хозяйство, известное под названием «революции цен» (т. е. резкое вздорожание цен), было повсеместным, но нигде последствия этой революции не были так губительны, как именно в Испании.

По новейшим данным общий подъем цен стал заметным с третьего десятилетия XVI в. Этот подъем происходил, однако, с резкими колебаниями по отдельным годам. В течение первой четверти XVI в. цены в среднем поднялись на 51,5%, а за всю первую половину века повышение выразилось в 107,6%. Во второй половине XVI в. движение цен дает новый значительный подъем, но с еще более резкими колебаниями и скачками.

«Золотой век» в Испании дал в итоге повышение цен в четыре с лишним раза, если же взять наиболее богатый район Испании — Андалузию, то цены там поднялись в пять раз. По отдельным категориям товаров и продуктов повышение цен было особенно значительным и тяжелее всего отразилось на хлебных культурах. В качестве примера можно привести цены на пшеницу: в то время как в Англии цена на нее поднялась за XVI в. на 155%, в Испании она выросла на 556%, а по отдельным годам даже выше этой цифры, обнаруживая при этом необычайно резкие колебания. Революция цен в Испании последовательными толчками расшатывала и без того слабые устои национального хозяйства и тяжело отражалась на положении отдельных классов, в особенности крестьян, ремесленников и пролетариев. Покупательная способность рабочих сократилась на 30%.

Революция цен не была, конечно, основной причиной экономического упадка Испании, но она его ускорила. Корень же этого упадка лежит в том, что важнейшие материальные производительные силы страны оказались в руках паразитов испанского общества — дворянства, удержавшего в своих руках землю, богатевшего в колониальных походах, направлявшего по этому руслу и государственную власть. Королевская власть высасывала последние соки из податного населения, она и американские сокровища обращала на широкие завоевательные походы. Золотой поток через посредство королевской администрации направлялся в карманы крупнейших европейских ростовщиков, которые, давая займы деньги, захватывали в свои руки государственные доходы и целые отрасли народного хозяйства.

Таково было положение внутри Испании, когда ее могущественный повелитель Карл V проводил в Европе свою миродержавную политику, рассматривая Испанию лишь, как «золотое дно». А когда в испанском обществе еще один раз проснулся дух сопротивления, то он решительно расправился со средневековыми вольностями городов и столь же бесцеремонно поступил с кортесами, превратив их собрания в простую придворную церемонию. При этом импера-

торе, по образному замечанию Маркса, «...прах древних вольностей покоился по крайней мере в пышной гробнице. То было время, когда Васко-Нуньес Бальбоа водрузил знамя Кастилии на берегах Дариена, Кортес — в Мексике, Писарро — в Перу; то было время, когда влияние Испании безраздельно господствовало в Европе, когда пылкое воображение иберийцев ослепляли блестящие видения Эльдорадо, рыцарских подвигов и всемирной монархии. Свобода Испании исчезала... но вокруг лились потоки золота, звенели мечи, и зловеще горело зарево костров инквизиции» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 721).

А после Карла «... политический и социальный упадок Испании обнаруживал все позорные симптомы медленного разложения, напоминающие худшие времена турецкой Империи...» (Там же, стр. 720—721). Маркс в своей характеристике Испании XVI в. так определяет основную причину ее упадка: «Напротив, в Испании аристократия приходила в упадок, не потеряв своих самых вредных привилегий, а города утратили свою {203} средневековую мощь, не получив современного значения» (Там же, стр. 721). Со времени установления абсолютной монархии «... эти города прозябали в состоянии непрерывного упадка... Внутренний обмен становился реже, взаимное общение жителей разных провинций слабее, средства сообщения забрасывались, большие дороги пустели» (Там же). Провинциальная ограниченность испанских областей, которая, как мы видели, слагалась исторически, усилилась и окрепла «... благодаря экономической революции, иссушившей источники национальной энергии» (Там же, стр. 722), а абсолютная монархия «... сделала все от нее зависящее с целью не допустить роста общих интересов, возникающих из национального разделения труда и многообразия внутреннего обмена, которые и являются подлинным фундаментом для единой системы администрации и господства общего закона» (Там же).

———— {204}

ГЛАВА VII

«ВЕЛИЧИЕ И ПАДЕНИЕ» ИСПАНИИ

1. ИСПАНИЯ ПРИ ФИЛИППЕ II

История долгого царствования сына Карла I, Филиппа II, охватывающая целое полувеков (1556— 1598 гг.), дает наглядную иллюстрацию приведенным замечаниям Маркса об испанской монархии XVI в. Вступление на престол нового короля, на этот раз не «чужестранца», а, наоборот, воспитанного в строго испанских условиях, казалось бы, не могло предвещать бесславного крушения могущественной монархии и при том так скоро. Когда утомленный и впавший в меланхолию император Карл на торжественном собрании нидерландской и испанской знати в Брюсселе сложил с себя испанскую, а вслед за нею и императорскую корону и удалился на покой в монастырь св. Юста (в испанской провинции Эстремадуре), — это уже означало крах его великодержавных планов. Всеветная монархия распалась. Корона Священной римской империи досталась брату Карла, Фердинанду, а Испания со всеми европейскими и внеевропейскими владениями перешла к его сыну Филиппу, который еще при Карле фактически замещал своего отца в Кастилии и Арагоне. Но в результате этого раздела владения императора распались на две неравные части. Австрийская ветвь Габсбургов удержала за собою германскую империю в ее старых границах, а испанская получила полностью «бургундское наследство» (Франш-Конте и Нидерланды), большую часть Италии (Милан, королевство Неаполитанское, Сицилию и Сардинию) и колониальные территории в Новом свете. Располагая богатейшими территориями в Европе и обширными колониями, Испания представляла крупнейшую державу того времени, и Филипп II, продолжая политику своего отца, но уже в качестве типично испанского монарха, ставил своей {205} задачей утвердить свое господство на всем протяжении Западной Европы. Эта политика втягивала Испанию в самую гущу крупнейших европейских событий, от которых трудно отделить испанскую историю этого периода.

По самому своему характеру Филипп II являлся ярким воплощением испанского абсолютизма со всеми его исторически сложившимися особенностями. Молчаливый и недоверчи-

вый, ревнивый к своему королевскому достоинству, вникавший во все мелочи управления, достаточно образованный, но с ограниченным умственным кругозором — этот могущественнейший монарх Европы делом своей жизни считал как внутри Испании, так и во внешней своей политике беспощадную борьбу с ересью, где бы она ни скрывалась. Таков был завет и его отца, который, находясь уже на смертном одре, заклинал сына преследовать еретиков без пощады и исключения и поддерживать «святую инквизицию». Самая резиденция нового монарха как нельзя больше гармонировала с обликом этого фанатика-изувера на королевском троне. Филипп сменил прежние резиденции (Толедо, Вальядолид) на небольшой город Мадрид, находившийся на пустынном и безжизненном Кастильском плоскогорье. Неподдалеку от Мадрида был сооружен его обширный дворец, знаменитый Эскуриал, бывший одновременно и монастырем, и резиденцией, и усыпальницей кастильских королей. Это величественное, богатое памятниками искусства здание, мрачно выделялось на фоне мертвой пустыни и как бы символизировало собою испанскую монархию и ее главу, вершителя судеб европейской истории и яростного ревнителя католической религии.

Уже в первые годы своего правления Филипп II держал в своих руках нити международной политики. В наследие от отца ему осталась незавершенная борьба с Францией. До сих пор Карл и его фактический заместитель в Испании Филипп находили противовес французским домогательствам на Нидерланды и Италию в Англии, где в это время правила жена Филиппа Мария Кровавая, усердно насаждавшая католицизм. Но протестантская ересь в форме кальвинизма широко распространилась тогда по Европе — во Франции, Нидер-^{206}ландах и даже в католической Испании. Намечавшийся перелом в международной группировке все больше и больше определялся религиозной принадлежностью и создавались два противостоящих друг другу фронта политической борьбы в масштабе всей Европы — протестантский и католический. В столь сложной обстановке Филипп II, несмотря на свои победы над Францией (битва при Сен-Кентене в 1557 г.), склонялся к тому, чтобы заключить мир. Захват герцогом Гизом последнего оплота англичан во Франции Калэ и смерть Марии Кровавой в 1558 г. ускорили окончание войны. По Като-Камбрезийскому миру (1559 г.) Франция отказалась от своих притязаний на Италию в пользу Испании, но зато удержала за собой Калэ. После неудачной попытки жениться на Елизавете Английской Филипп вступил в брачный союз с дочерью французского короля Генриха II (убитого во время турнира в 1559 г.) Елизаветой Валуа и тем самым оформил союз с Францией. В момент ведения брачных переговоров Филипп находился еще в Нидерландах, сильно обеспокоенный успехами кальвинистской пропаганды, но не менее тревожные вести о протестантской ереси шли и из Испании. Оставив в Нидерландах в качестве своей наместницы сестру Маргариту Пармскую и кардинала Гранвеллу с сильными испанскими гарнизонами, Филипп отправился к себе домой. Осенью 1559 г. в Вальядолиде встреча с новой женой была ознаменована грандиозным ауто да фе, на котором были сожжены испанские протестанты, и Филипп II, обнажив меч, торжественно поклялся блюсти чистоту веры и поддерживать «святую инквизицию».

Инквизиционный трибунал стал с этого момента главным орудием политики Филиппа II, но, преследуя с жестоким изуверством всякое проявление свободной мысли, он не склонен был уступать это орудие кому бы то ни было, хотя бы это был и сам глава католической церкви. На этой именно почве он еще до своего вступления на престол выдержал упорную борьбу с папой Павлом IV (до своего избрания кардинал Караффа — деятель тридентского собора). Филипп, как и его предшественники, строго разграничивал вопросы по-^{207}литические от религиозных. Столкновения с римским престолом обуславливались двумя мотивами: заботой о неприкосновенности итальянских территорий и стремлением подчинить испанское духовенство королевской власти. Павел IV держал под отлучением императора Карла и его наследника и в противовес Испании ориентировался на союз с Францией и Турцией. И только в 1559 г., когда Павла IV сменил Пий IV, сторонник Испании, снято было отлучение и восстановлены были мирные отношения с папой. Но Филипп, несмотря на примирение, оставался верен своей политике, не допуская вмешательства пап во внутренние церковные дела Испании и превратив духовенство и инквизиционный трибунал в орудие своей власти. Объединение королевства под знаком чистоты и единства католической религии получило при нем свое завершение; те же задачи он ставил и в международных отношениях. Но эта задача формирования единого католического фронта против протестантской ереси встречала с самого начала рад

труднопреодолимых препятствий. В условия Като-Камбрезийского мира был включен секретный пункт о совместной борьбе против французских протестантов (гугенотов). Но после неожиданной смерти французского короля Генриха II соотношение партий при французском дворе несколько изменилось. Новый король Франциск II был женат на шотландской королеве Марии Стюарт, оспаривавшей у Елизаветы английскую корону. В связи с этим герцог Гиз — дядя Марии Стюарт и глава католической лиги — стал играть при дворе руководящую роль, провоцируя враждебные действия против Англии. Несмотря на то, что Филипп II заинтересован был в истреблении протестантской ереси в Англии, он сильно опасался объединения Англии и Франции под одной короной. С другой стороны, мать молодого короля Екатерина Медичи не склонна была и в отношении гугенотов действовать испанскими методами. В следующем 1560 г. умер Франциск II, и Екатерина, объявленная регентшей малолетнего Карла IX, обнаружила склонность поддержать английскую королеву Елизавету в ее борьбе против Марии Стюарт, прекрасно учитывая, что Филипп с пустым кошельком и тяжеловесной, неповоротливой дипломатией был бессилён. {208} {файлы isp208.jpg, isp209.jpg} Столь же неудачна была и затеянная Филиппом борьба с турками, которые фактически были хозяевами Средиземного моря. Они захватили ряд населенных пунктов, в том числе и Триполи, принадлежавшее ордену иоаннитов. Филипп II после долгих проволочек послал иоаннитам на помощь войска, но большая их часть уже в конце 1559 г. погибла от болезней и лишений или же дезертировала, и в последующие годы испанские войска терпели поражение за поражением. В самих владениях Филиппа в южной Италии, в частности в Неаполитанском королевстве, местное население было терроризировано учреждением здесь инквизиции и находилось в состоянии хронического брожения. Филипп вынужден был даже упразднить в Неаполе инквизиционный трибунал (1565 г.). Но турецкая опасность стала угрожать непосредственно итальянским владениям Испании, в особенности с того момента, когда турецкое войско блокировало Мальту (1565 г.). Обещанная из Испании помощь приходила слишком поздно, так как Филипп много времени потратил на торжественные церемонии, посты и молебствия по поводу блокады Мальты. И лишь с большим трудом удалось спасти остров от турок. Угроза новых турецких нашествий этим не была устранена. Прошло еще несколько лет, пока, наконец, не наступил решающий момент в этой борьбе за обладание Средиземным морем, который стал возможен только благодаря заключению союза в составе папы, Венеции и Испании. Против турок был объявлен крестовый поход, и в 1571 г. огромная эскадра (264 корабля) с сильным экипажем (79 тысяч человек) под предводительством незаконнорожденного сына Карла I, Дон-Хуана Австрийского, в заливе Лепанто нанесла туркам сокрушительный удар. Однако результаты победы не были использованы до конца. Победитель при Лепанто Дон-Хуан носился уже с мыслью о завоевании Константинополя и восстановлении Византийской империи, но Филипп предпочел ограничить военные операции африканским побережьем и в конечном итоге отозвал Дон-Хуана, отправив его в качестве наместника в Нидерланды, а захваченный им Тунис снова перешел к туркам. {209}

В течение того же периода, когда шла борьба с турками, Филипп вел упорную войну со своими подданными в Нидерландах, действуя методами кровавого террора и инквизиционного трибунала. А у себя дома он продолжал с неумолимой жестокостью утверждать чистоту и единство католической религии, отправляя на костер «святой инквизиции» всех инакомыслящих. После расправы с испанскими протестантами с новой силой возобновилось преследование морисков. Несмотря на то, что эти обращенные в христианство мавры были вполне лояльны и даже в моменты революционных восстаний (как например, во время движения коммунаров) оставались совершенно спокойны, испанские короли, подстрекаемые фанатичным духовенством, проводили в отношении их жестокую политику. В бывшем Гранадском княжестве и во всей Андалузии это была наиболее трудолюбивая часть населения; разумеется, многие из них были только по внешности христианами, а в душе сохраняли верность своей прежней религии и в силу этого мориски оставались в вечном подозрении. Еще при Карле I был издан (7 декабря 1526 г.) закон, запрещающий морискам употребление арабского языка, ношение туземной одежды, оружия. Дети должны были обучаться в христианских школах. Наконец, в Гранаду из Хаэна был перенесен инквизиционный трибунал сурово преследовавший всякое вероотступничество. При Карле I мориски неоднократно откупались значительными суммами и добивались смягчения столь сурового режима. При вступлении на престол Филиппа, они пред-

ложили ему субсидию в 100 тысяч дукатов и ежегодный взнос в 3 тысячи на содержание инквизиции. Но все было напрасно. Инквизиция сделала морисков предметом своего особого внимания, широко применяя конфискации. С 1565 г. издается целый ряд эдиктов репрессивного характера, которые и проводятся в жизнь с неумолимой жестокостью под руководством королевского секретаря Диего де Эспиноса, главного инквизитора де Деса и архиепископа севильского Эррера.

Доведенные до отчаяния мориски в конце 1568 г. подняли восстание, провозгласив королем Гранады Абен {210} Гюмепи, потомка самого Магомета. Восставшие все опустошали на своем пути, жгли деревни и города, убивали христиан, захватывали в плен, продавали в рабство. К центру восстания — Гранаде — стекались из Валенсии, Андалузии и других мест мавры, воодушевленные идеей восстановления халифата. Испанские военачальники, застигнутые врасплох, далеко не сразу стянули военные силы, но очень скоро овладели положением и начали жестокую расправу. Деморализованные солдаты предали цветущую Андалузию на поток и разграбление, убивая тысячами женщин и детей или обращая их в рабство. Но они обрушивались на беззащитное население, в то время как восставшие мориски упорно сопротивлялись в горных ущельях. Филипп направил, наконец, сюда значительные силы, поставив во главе их Дон-Хуана Австрийского, которому было поручено выселить всех морисков в Кастилию. С большим трудом Дон-Хуану удалось в начале 1570 г. взять крепость Галеру, защитники которой были перебиты. К концу ноября Андалузия была очищена от морисков, а остальное довершила «святая инквизиция», сжигавшая массами на кострах «отступников от истинной веры».

Политика личного режима, последовательно проводимая Филиппом с самого начала его вступления на престол, к 70-м годам стала уже давать свои результаты. Огромные материальные средства, которыми располагала испанская монархия, поглощались колоссальными расходами на постоянные войны; изгнание и уничтожение морисков превратило в пустыню самые богатые провинции Испании и нанесло непоправимый удар испанскому народному хозяйству; насильственное выколачивание средств, проводимое в Нидерландах под знаком истребления ереси, вызвало там восстание, с которым бессилён был справиться герцог Альба со своим «кровавым советом». Золотой поток из Америки продолжал литься, но королевская казна тем не менее всегда была пуста; налоговый гнет в стране увеличивался, европейские банкиры уже не склонны были давать новые суммы венценосным злостным неплательщикам. Ко времени отречения Карла крупнейшие банкиры Европы, Футтеры, {211} перестали финансировать королевскую казну, их сменили генуэзские банкиры, но и те в 1574 г. отказали в поддержке, и в следующем году испанская монархия, обремененная колоссальным долгом, объявила себя банкротом. Это банкротство настолько ослабило Филиппа, что он не мог уже никакими мерами остановить ход нидерландской революции, завершившейся в 1581 г. формальным отпадением семи северных провинций. И только в одном направлении агрессивная политика Филиппа имела несомненный успех: в 1580 г. он возложил на себя португальскую корону, объединив таким образом под своей властью всю территорию полуострова со всеми колониями. Для понимания этого события необходимо остановиться на предыдущей истории Португалии.

Мы уже видели, что в XV в., когда формировалась испанская монархия, Португалии удалось не только сохранить свою самостоятельность, но и столь же быстро, как и Испания, превратиться в могущественную колониальную державу. Благодаря экспедициям Васко-да-Гама и др. Португалия утвердилась на Индийском архипелаге, побережье Индостана, гвинейском побережье Африки. Экспедиции Кабраля отдали в распоряжение Португалии Бразилию. Она захватила также в свои руки торговлю с Китаем и Японией. Все эти события произошли при короле Эммануиле Счастливом (1481—1521 гг.). Это было время наивысшего процветания Португалии. Лиссабон с его прекрасной гаванью стал одним из крупнейших центров мировой торговли, складочным местом для азиатских товаров. В отличие от испанских португальские купцы играли гораздо большую роль и на европейском рынке, в частности в Антверпене, да и португальское народное хозяйство, промышленность и сельское хозяйство обнаруживали признаки большей жизнеспособности и устойчивости, чем в соседней Кастилии. Но по своему общественному и политическому укладу Португалия была как бы разновидностью испанского общественного порядка. Ее история за этот короткий промежуток времени заполнена аналогичными событиями: борьба с крупными феодалами и духовно-рыцарскими орденами, упадок

кортесов и городских вольностей, развитие и укрепление королевского {212} абсолютизма. Колониальные владения стали в первую очередь источником обогащения королевской казны. Торговля с Азией была объявлена правительственной монополией, которую королевская власть осуществляла путем вооруженного господства и строгого контроля за гаванями и рынками, путем использования раздоров и противоречий между местными раджами, миссионерской пропагандой и широким применением инквизиционных способов обращения неверных и, наконец, самым откровенным пиратством. Лиссабон стал главным складочным местом индийских пряностей и в королевских магазинах устанавливались на них твердые цены. Португальская корона обеспечивала этим себе колоссальные барыши, но от них нисколько не разбогатела. Фактическими обладателями пряностей и монополистами по торговле ими в Европе вскоре оказались крупнейшие представители иностранного капитала, а Лиссабон сделался лишь передаточным этапом на пути к главному рынку Европы — Антверпену. Таким образом в Португалии экономический расцвет оказался недолговечным. Уже при преемнике Эммануила, Иоанне III (1521—1557 гг.), стал наблюдаться прорыв правительственной колониальной монополии изнутри, благодаря алчности королевской администрации. Из колоний от губернаторов поступают жалобы на то, что купцы «не хотят войны, так как она чересчур дорого обходится и дает ничтожный барыш», что королевская служба испытывает большие затруднения от массового дезертирства офицеров, которые становятся купцами, считая, что это дает им гораздо больше шансов на барыш и «менее опасно для жизни». Иезуиты и инквизиционный трибунал заняли в общественном и политическом строе Португалии такое же руководящее место, как и в Испании. Португальские конкистадоры, наряду с испанскими, явились также основоположниками колониального рабства, и торговля невольниками приняла огромные размеры. Экономический и политический упадок Португалии стал заметным уже к середине XVI в., и это облегчало испанским королям задачу подчинения соседней страны.

Поводом для этого послужило пресечение в Португалии царствующей династии, в связи с гибелью в битве {213} с африканскими маврами в 1578 г. короля Себастьяна. Освободившийся престол оспаривали два дальних родственника короля — приор мальтийского ордена Дон Антонио и испанский король Филипп II. Поскольку кандидатура последнего не встречала сочувствия среди духовенства, горожан и низших классов, Филипп, заручившись поддержкой части знати и иезуитов путем подкупов и обещаний, отправил в Португалию 30 тысяч солдат под предводительством герцога Альбы, который быстро овладел крупнейшими городами и занял столицу. Собравшиеся вслед за тем кортесы (в апреле 1581 г.) торжественно провозгласили Филиппа португальским королем. Результатом этой аннексии было то, что под власть испанского монарха попала не только Португалия, но и все ее колониальные владения. Но этот крупный успех внешней политики Филиппа не мог уже остановить ясно наметившегося развала всей его политической системы. В международных отношениях назревали группировки, которым суждено было нанести сокрушительный удар великодержавию испанского абсолютизма.

Мы уже видели, что в начале царствования Филипп II, несмотря на свою фанатичную приверженность делу католицизма, смог выполнить свою миссию и огнем и мечом выкорчевывать ересь и неверие только в собственных владениях. Он бессилен был помешать успехам протестантизма в Англии, а политический расчет удерживал его от решительной позиции и в отношении французских гугенотов. Филипп сохранил сдержанную и выжидательную позицию даже тогда, когда Мария Стюарт, спасаясь бегством в Англию от своих восставших шотландских подданных (1568 г.), обратилась к нему за поддержкой. Но не в меру усердный испанский посланник в Лондоне на собственный риск начал конспирировать совместно с шотландской экс-королевой против Елизаветы. Тайна оказалась раскрытой, отношения обострились. Елизавета захватила испанские суда, которые везли деньги герцогу Альбе во Фландрию. В ответ на это Альба распорядился наложить арест на английские товары в Нидерландах. Когда неугомонный посланник включился в новый заговорщический план убийства Елизаветы и возведения на английский- {214} ский престол Марии, он был удален из пределов Англии и в течение семи лет (1572—1579 гг.) Испания не имела там своего представителя.

Глухая борьба между двумя странами тянулась неопределенное время без открытого разрыва. Английская королева всеми мерами поддерживала голландцев, а ее пираты, во главе с Фрэнсисом Дрэком успешно гонялись за испанскими кораблями, шедшими из Америки. Поя-

вившиеся было вновь в Лондоне дипломатические представители продолжали конспирировать и подверглись в 1584 г. новому изгнанию. Мысль о завоевании Англии все более и более укреплялась в голове Филиппа и стала близка к осуществлению после того, как в 1585 г. был раскрыт новый заговор против Елизаветы и Мария Стюарт сложила голову на эшафоте. В качестве меры предосторожности Елизавета направила к Кадиксу флотилию под командой своего пирата Дрэка. Последний не выдержал роли наблюдателя и в 1587 г. уничтожил испанские суда, находившиеся в гавани. Эта операция у Кадикса, наряду с пиратскими набегами Дрэка на испанские суда у берегов Америки, явилась непосредственным поводом к началу открытых военных действий.

Филипп стал лихорадочно готовиться к высадке на английском берегу, но здесь-то и сказалась обветшалость системы испанского абсолютизма, напоминавшая, по выражению Маркса, «худшие времена Турецкой империи» (т. X, стр. 721). Столь грандиозное предприятие требовало хорошей организации и колоссальных средств. На это и указывали Филиппу наиболее рассудительные его советники, в частности выдающийся адмирал маркиз Санта-Крус, но король остался верен своей политике личного режима. Он предпочитал сам вникать во все мельчайшие детали, все распоряжения и инструкции исходили из мрачного Эскуриала, но посредствующий аппарат насквозь прогнил и подготовка, как и осуществление похода шли с невероятной медлительностью. Во всяком случае, благодаря энергии Санта-Крус, был снаряжен громадный флот, состоявший из 556 кораблей (не считая 240 малых судов) с экипажем в 30 тысяч моряков, 63 890 солдат и 1 600 лошадей. Стоимость этого снаряжения была оценена в 3 800 000 дукатов. На ведение войны были мобилизованы все государственные средства — принудительные займы у дворянства, духовенства и купечества, налоги различных обозначений, двукратная принудительная субсидия от кортесов (кроме обычной, ежегодной, дополнительно в 8 миллионов дукатов), наконец, новый налог на продукты питания, удержавшийся потом на два столетия и получивший ненавистное название «миллиона». Но все эти колоссальные суммы растеклись по карманам чиновников и королевских слуг. Руководство всем этим предприятием находилось в руках неспособных людей и, когда неожиданно умер адмирал Санта-Крус, командование было вверено неспособному и трусливому герцогу Медине-Сидонии, удостоившемуся такой чести только благодаря своей знатности. По приказанию короля он двинул «непобедимую армаду» из Кадикса в Лиссабон, но там дело «снаряжения экспедиции» находилось в полнейшем беспорядке и прошло еще несколько месяцев прежде чем армада смогла направиться к английским берегам. Это было в апреле 1588 г. Условлено было, что наместник южных Нидерландов (оставшихся под властью Испании) Фарнезе Пармский будет ожидать в Дюнкирхене с готовой армией появления в канале армады с тем, чтобы под ее прикрытием произвести высадку в устье Темзы. Но этот план рушился с самого начала. Армада, еле добравшись до Коруньи, уже наполовину была расстроена океанскими штормами. С большими опозданиями, с деморализованными солдатами она, появилась, наконец в июле у английских берегов, но было уже поздно. Войска Фарнезе, не получавшие жалования, страдавшие от болезней, голода и всяких лишений, тщетно ждали прибытия флота, и это вносило дух разложения, а громоздкая армада сама нуждалась в помощи. Английская эскадра, меньшая по объему, но технически лучше оборудованная, с крепким экипажем и умелым командованием спокойно поджидала неприятельский флот. В проливе произошел ряд стычек, а затем поднялась буря, приведшая армаду в полное расстройство. Английская эскадра своей артиллерией наносила удар за ударом. После небольшого затишья, буря загнала испанский флот в Северное море, к Оркнейским островам, и это завершило катастрофу. Лишь жалкие остатки армады добрались обратно до берегов Испании.

Через год после гибели армады не покидавший присутствия духа Филипп втянулся в новую войну, на этот раз с Францией. Там в это время у власти стоял последний Валуа, Генрих III, отступившийся от католической лиги и готовый сблизиться с Генрихом, королем Наваррским. После того как по приказу Генриха III был убит глава католической лиги Генрих Гиз, та же участь постигла и последнего Валуа. В 1589 г. он пал от руки фанатичного монаха, и французский престол оказался вакантным. Ближайшим кандидатом был глава гугенотов, Генрих Наваррский. Филипп II признал данный момент удобным для вмешательства во внутренние дела Франции во имя защиты католицизма и подавления протестантской ереси. Он стал поддерживать католическую лигу деньгами и солдатами. В руках последней находился Париж,

а Генриху Наваррскому пришлось отступить в Нормандию, где он находил поддержку со стороны Елизаветы. Затем Генрих осадил Париж, а на помощь католикам из Фландрии поспешил Фарнезе. Военные действия продолжались несколько лет, не давая решительного перевеса ни той ни другой стороне. Но когда после смерти кандидата католиков Филипп стал настойчиво выдвигать на французский престол свою дочь Изабеллу (внучку Генриха II), то это вызвало перелом в настроениях французских католиков. Исход этой борьбы за престол оказался для Филиппа совершенно неожиданным. Когда в 1593 г. собрались в Париже Генеральные штаты для избрания нового короля, Генрих Наваррский торжественно отрекся от протестантизма и его кандидатура получила всеобщее признание. Однако война между Испанией и Францией продолжалась еще ряд лет и закончилась лишь в 1598 г.

В последние годы своей жизни Филипп II оказался на международной арене изолированным. Ему противостояла коалиция крупнейших европейских держав того времени — Англии, вновь возникшей на карте Европы Голландии и, наконец, Франции. Дело защиты и торжества католической религии на широком европейском {217} фронте рушилось, а сама Испания представляла собой разоренную страну, стонавшую под игом королевского деспотизма. В эти годы крушения великодержавных надежд Филиппу пришлось иметь дело с оппозицией внутри своей собственной страны: объединение Испании под знаменем «истинной религии» не могло, разумеется, устранить разнородности уклада отдельных составлявших ее областей, и Филиппу неоднократно приходилось на провинциальных кортесах (в Арагоне и Каталонии) произносить старинную клятву в соблюдении местных вольностей. В его руках, однако, было страшное орудие инквизиции, перед которым были бессильны ревнители автономии. На протяжении долгого царствования Филиппа мы не наблюдаем сколько-нибудь заметных движений. С ними успел расправиться его отец. В первое десятилетие общественное мнение было несколько взбудоражено эпизодом с Дон-Карлосом, бывшим тогда единственным сыном Филиппа (от первой жены Марии Португальской). Но этот довольно темный эпизод, разукрашенный в последующей историографии и особенно в художественной литературе, скорее относится к области придворных интриг и представляет известный интерес как лишний штрих в характеристике личности самого Филиппа. Молодой наследник очень скоро стал обнаруживать при физической немощи признаки умственного расстройства и позволял себе различные выходки вплоть до покушения на жизнь своего отца. Его подвергли аресту, вели долгое расследование, причем Филипп считал это не наказанием, а мерой предосторожности. «Я, — заявлял он, — потерял надежду видеть своего сына со здравым рассудком и решил принести в жертву богу мою собственную плоть и кровь, предпочитая служение ему и общему благу всяким иным человеческим соображениям». Через несколько месяцев после ареста, в июле 1568 г., Дон-Карлос оказался мертвым. Причина его смерти и до сих пор остается невыясненной.

Этот эпизод, вызвавший различные кривотолки за границей, не оставил никакого следа в испанском обществе, и вплоть до 90-х годов мы не наблюдаем какого-либо проявления оппозиции, несмотря на возрастающее {218} усиление фискального и административного гнета. И только под конец жизни Филиппа, когда рушились все его широкие планы, арагонцы решились поднять знамя восстания в защиту своих старинных вольностей. Но и это восстание произошло в связи с особыми обстоятельствами. История этого восстания тесным образом переплетается с историей одного из доверенных секретарей короля — Антонио Переса. В течение долгого времени он пользовался неограниченным доверием Филиппа, и это открывало ему широкие возможности для честолюбивых замыслов и борьбы против своих соперников. Предметом его интриг оказался не кто иной, как Дон-Хуан Австрийский, которого он пытался обвинить в измене, а поскольку вечно подозрительный Филипп вообще был склонен поддерживать вражду и соперничество между своими советниками, то Пересу не трудно было найти поддержку своим интригам у самого короля. Но один эпизод заставил последнего задуматься по поводу поведения своего любимца. Перес распорядился привести в исполнение приказ короля (через полгода после его подписания), и нанятые им доверенные люди убили секретаря Дон-Хуана, Эболи (1587 г.). Поскольку положение за полгода значительно изменилось — Дон-Хуан находился в открытой борьбе с Нидерландами и, следовательно, был вне подозрения, — это убийство произвело впечатление скандала, и Филиппу пришлось оправдываться, что Перес переусердствовал. Дело кончилось тем, что Перес и его возлюбленная, вдова Эболи, были подвергнуты аресту, правда, не очень строгому. Положение Переса резко изменилось к худшему, когда в связи

с завоеванием Португалии при дворе вновь взял верх его злейший враг герцог Альба; в 1584 г. у Переса были захвачены бумаги, из которых и для Филиппа стали ясны истинные намерения его бывшего фаворита и ложный характер обвинений против Дон-Хуана. Переса подвергли строгому заключению и ему предстояло предстать перед судебным трибуналом, но он сумел бежать из тюрьмы и направиться в Арагон, захватив с собою важные государственные бумаги (в начале 1590 г.). Здесь он отдал себя под защиту и покровительство Великого судьи. Для понимания дальнейшего хода событий необходимо напомнить, что испанские короли XVI в., несмотря на свою централизаторскую политику, формально оставляли нетронутыми старинные учреждения Арагона и Каталонии, так как, нуждаясь постоянно в субсидиях, они старались не обострять отношений со своими непокорными подданными. И только теперь, когда под защиту арагонской конституции укрылся недавний любимец короля, осведомленный во многих государственных тайнах, создался повод для окончательного подавления арагонских вольностей.

У арагонского Великого судьи сохранилось старинное право так называемой «Манифестации», в силу которого лицо, обвиненное в преступлении, которое было совершено на арагонской земле, должно содержаться в местной тюрьме и ему должны быть предоставлены возможности для защиты и благоприятные условия судебной процедуры с освобождением от пыток, с местным составом судей. Вскоре после того, как Перес отдался под покровительство Манифестации, пришел приказ короля о выдаче беглеца и доставке его в Кастилию живым или мертвым. Это и послужило поводом для восстания. Жители Сарагоссы взяли за оружие и поклялись защищать свои вольности. Восставшие поместили Переса в тюрьму Манифестации. Попытки Филиппа получить обратно своего мятежного советника не увенчались успехом. Между тем Перес вел себя чрезвычайно вызывающе и неоднократно допускал выражения, сомнительные с точки зрения католической веры. Воспользовавшись этим, Филипп пустил в ход последнее средство. «Святая инквизиция» в Мадриде послала приказ инквизиторам в Сарагоссу с тем, чтобы они изъяли Переса из тюрьмы Манифестации и заключили в собственное узилище. Арагонские судьи на этот раз не обнаружили склонности ссориться с королем, ни тем более с грозной и всемогущей инквизицией. Они изъявили свое согласие на выдачу Переса, но агенты и друзья последнего взбудоражили население Сарагоссы и, когда 21 мая 1591 г. арагонские власти хотели передать Переса, на сторожевой башне зазвонили в набат. Горожане взяли за оружие, вытащили из дворца королевских представителей, избили их до полусмерти, {220} а затем осадили дворец инквизиции, собираясь его сжечь таким же образом, как инквизиторы сжигали свои жертвы. Толпа ворвалась в тюрьму инквизиции и переправила узника опять в тюрьму Манифестации. На этот раз Перес не стал задерживаться в столице, при помощи своих друзей он тайно бежал и, достигши французской границы, очутился за пределами досягаемости. Таким образом, Перес ускользнул из рук Филиппа, и последнему оставалось только расправиться с мятежными арагонцами. Он направил сюда армию в 15 тысяч человек, и в конце декабря 1591 г. был захвачен и обезглавлен Великий судья. Остальное довершила инквизиция, широко раскинувшая свои сети и предавшая сожжению и другим суровым карам значительное число жителей Сарагоссы.

Но когда Филипп добивал последние остатки средневековых вольностей, вся его политическая система обнаруживала признаки полного разложения. Обширная империя с владениями, разбросанными в Европе и далеко за ее пределами, была совершенно беззащитна. Английские суда под главенством Дрэка, Ралея и других безнаказанно курсировали среди испанских колоний и захватывали американские сокровища, которые, по замечанию Ралея, давали необходимые средства для ведения военных операций против Испании. Не только европейские владения Филиппа были без охраны, но и у себя дома он бессилен был защищаться. В 1596 г. Елизавета, обеспокоенная интригами, которые велись в связи с восстаниями ирландских католиков, отправила флот к берегам Испании. Он неожиданно появился у Кадикса, где укрывались последние остатки испанского флота, и в течение нескольких дней гавань и город были преданы на поток и разграбление, и адмирал Медина-Сидония, все еще сохранивший свой пост после гибели армады, доносил своему повелителю: «не осталось больше ни корабля, ни флота, ни Кадикса». Через два года Филипп II умер. Подводя итог своему долгому царствованию, умирающий король постоянно твердил одну и ту же фразу: «да будет, о боже, твоя воля, а не моя». {221}

2. ПОСЛЕДНИЕ ГАБСБУРГИ (XVII В.)

Когда Филипп сошел в могилу под мрачные своды Эскуриала, где он жил и действовал, с ним уходила в прошлое и испанская монархия. В течение XVII в. она представляла безжизненный труп, который медленно разлагался. Испания XVII в. при трех последних Габсбургах представляет необычайно печальную картину глубокого экономического и политического упадка, корни которого, как мы видели, восходят ко времени Филиппа II и его отца. Правда, Испания представляла еще громадное государство с обширными владениями. Ее правители еще пытались следовать традициям своих предшественников и бороться во имя утверждения католической религии. Испанская армия еще не утратила своих боевых качеств и время от времени одерживала победы. Точно так же испанская дипломатия умела отстаивать интересы своих государей. Но все это были лишь остатки былого величия, и ничто уже не могло остановить процесса крушения всей системы испанского абсолютизма. Уже при ближайшем преемнике Филиппа II, его сыне Филиппе III (1598—1621 гг.), положение монархии существенно изменилось. Политика личного режима, непосредственного руководства всеми деталями управления была уже невозможна, при новом короле, а также и при его преемниках. Старая династия Габсбургов на испанской почве явно вырождалась, как вырождалась и вся испанская монархия. Последние три Габсбурга — люди ничтожные, предпочитавшие проводить время в удовольствиях или в религиозных церемониях, и потому управление государством перешло в руки фаворитов.

Фаворитизм превратился в целую систему и принял в XVII в. небывалые размеры. Другой особенностью политического строя Испании этого периода было непомерное разрастание бюрократического аппарата, ложившегося тяжелым бременем на трудящееся население. Наконец, не менее характерно было материальное и политическое могущество духовенства. Страна нищала, ее торговля и промышленность приходили в упадок, поля находились в запустении, города и села изобиловали {222} нищими и бродягами, низшие классы изнемогали от непосильного фискального гнета, от постоянного выколачивания новых и новых налогов, которые шли на разорительные войны, а еще больше попадали в карманы высшей духовной и светской бюрократии. В этой нищей и разоренной стране было самое блестящее придворное общество в Европе, самые пышные церемонии, а фанатичная преданность католицизму сочеталась с невестройтной распущенностью высших классов.

Филипп III вручил бразды правления герцогу Лерма, ничем не замечательному, кроме своих изящных манер. При нем началась широкая распродажа государственных должностей. Во внешней политике наступило некоторое затишье. С Англией после смерти Елизаветы и вступления на престол сына Марии Стюарт, Якова I, был заключен мир, а в дальнейшем искусный и ловкий испанский дипломат при английском дворе Гондомар сумел в течение долгого времени держать английского короля в тенетах испанской политики. Бессильная воевать, Испания заключила в 1609 г. перемирие с Голландией. Но в это время в Европе назревала новая война, на этот раз на территории Германии. Дипломаты и политики испанские пытались вновь создать католический фронт против протестантских государств, но руководители испанской политики неспособны были занять твердую позицию в сложившейся международной обстановке. Что же касается внутреннего положения, то самым печальным актом нового правительства было окончательное изгнание из Испании морисков в 1609—1610 гг. По подсчету историков, было выселено, погибло или обращено в рабство не менее 500 тысяч морисков, и это нанесло непоправимый удар испанскому земледелию и промышленности.

Правление преемника Филиппа III, Филиппа IV (1621—1665 гг.), явилось новым этапом на пути ослабления Испании. За этот долгий промежуток времени в Европе произошли крупнейшие события. Была в разгаре Тридцатилетняя война (1618—1648 гг.), во Франции росла и укреплялась королевская власть, Англия уже переживала революцию. Испания со своими обширными разбросанными по Европе владениями и старыми {223} претензиями на мировое господство неизбежно была втянута в европейские войны, но это только ускорило разложение ее обветшалого строя. При бездейтельном и ленивом короле верховная власть фактически находилась в руках знатного и богатого фаворита герцога Оливареса, который пытался проводить политику в духе Филиппа II. Частично ему удавалось одерживать дипломатические победы, но только потому, что у испанского короля нашелся подходящий партнер в лице англий-

ского короля Якова I, включившегося в орбиту испанской политики. Стюарты солидаризировались с реакционной державой на континенте и готовы были идти на любые уступки в деле укрепления католицизма как в собственной стране, так и в Европе, вопреки требованиям передовых кругов английского общества. В Англии на этой почве назревала революция, чем и пытались воспользоваться искусные дипломаты испанского короля, не жалея средств на подкупы и подачки английским сановникам и фаворитам.

Но попытка испанских политиков отвлечь Англию от союза с протестантскими государствами, а в особенности с наиболее опасным соперником Испании — Францией, окончилась полным крахом. Руководитель французской политики кардинал Ришелье не склонен был идти на поводу у Испании и охотно оформил союз с Англией брачным договором французской принцессы Генриеты-Марии с преемником Якова, Карлом I. Несмотря на столь неблагоприятную международную ситуацию, Испания втянулась в европейскую войну. В 1624 г. испанский полководец Спинола осадил голландскую крепость Бреду, которая защищалась соединенными силами голландцев, англичан и французов. Осажденные героически оборонялись и только через год сложили оружие на почетных условиях. С этого момента Испания имела против себя уже вполне оформленную коалицию сильнейших государств Европы — Англию, Францию и Голландию. Война тянулась с короткими промежутками десятки лет на различных и отдаленных друг от друга фронтах. Нередко испанские войска имели успехи, но как раз именно самая крупная победа, одержанная соединенными силами императорских и испанских войск {224} {файлы isp224.jpg, isp225.jpg} при Нордлингене в 1634 г., не только не дала прочных результатов, но привела к образованию новой громадной коалиции, в которой Франция приняла самое непосредственное участие, и это решило как исход Тридцатилетней войны, так и судьбу Испании. Она оказалась атакованной во Фландрии, Италии и на собственных границах, а голландцы безраздельно господствовали на океанских путях, прочно утвердившись на Индийском архипелаге. Военное счастье на этот раз изменило Испании, ряд поражений подорвал ее военный престиж, и в 1648 г. по Вестфальскому договору она вынуждена была окончательно признать независимость Голландии и отдать ей северные части Фландрии, Брабанта и Лимбурга.

Но Франция в лице преемника Ришелье, Мазарини, подписав мирный договор с германским императором, еще в течение 11 лет вела борьбу с Испанией. Бессильный обороняться, Оливарес делал отчаянные попытки заключить союз с Англией подобно тому, как это было при Якове I. Но обстановка в Англии за это время резко изменилась. Там революция была в самом разгаре, и в 1649 г. англичане казнили своего короля Карла I. Главою английской республики стал Оливер Кромвель. Беспомощная Испания первая признала республику «цареубийц» и вступила в переговоры о заключении союза. Но на этот раз уже Кромвель диктовал условия, а не испанская дипломатия, как это было при Якове. Он потребовал, чтобы инквизиция отказалась от преследования англичан, находящихся в Испании, и чтобы Англии была предоставлена полная свобода торговли с испанскими колониями. Требования эти были отвергнуты, и Кромвель заключил союз с Францией для совместных действий против Испании. Этот последний этап борьбы закончился Пиренейским миром 1659 г. За Англией осталась Ямайка, захваченная в 1657 г., а Франции были уступлены Сардиния, Руссильон, Артуа, Люксембург и ряд значительных пунктов Фландрии.

Крушение политического могущества Испании обусловлено было не только полным истощением ее материальных ресурсов, но и обострением классовых противоречий внутри страны. После долгого перерыва в испанском народе вновь ожил революционный дух, подавленный вековым господством деспотической системы абсолютизма. В течение долгих изнурительных войн только одна Кастилия сохраняла спокойствие и покорно расплачивалась за тяготы войны. Но ее материальные средства были исчерпаны, и испанские правители во главе с Оливаресом стали нажимать на Валенсию, Арагон, Каталонию. В первых двух (равно как и в Наварре) это до известной степени удалось, но в Каталонии и Португалии попытка посягнуть на старинные привилегии и выколлотить необходимые средства послужили поводом для восстания. Волнения в Каталонии хронически вспыхивали еще в 20—30-х годах XVII в. в связи с взиманием налогов без согласия местных кортесов. В 1640 г. наступили решающие события. Оливарес взял твердый курс в отношении Каталонии. Он приказал наложить на население налог по степени зажиточности, отправить 6 тысяч каталонцев на военную службу в Италию и расквартировать в Каталонии кастильские гарнизоны. 7 июня 1640 г. горцы и контра-

бандисты, пришедшие в Барселону на праздник, подняли восстание, к которому тотчас же примкнули горожане. С криками: «Вперед», «Мсть и свобода», «Да здравствует король и смерть дурному правительству» повстанцы разорвали на куски вице-короля Санта-Колому и убили много кастильских солдат. Движение быстро распространилось по всей области и охватило Руссильон. Высланное из Кастилии войско не в состоянии было подавить движение, возмущенные каталонцы, несмотря на оппозицию местной чиновной знати, отдались под покровительство Франции. В 1641 г. с последней был заключен формальный договор. Началась длительная гражданская война, которая тесно была связана с внешней войной. Борьба тянулась в течение десятка лет, и только в 1652 г. Барселона сдалась. Филипп IV вынужден был сохранить в неприкосновенности старинные права и вольности Каталонии, но Руссильон по Пиренейскому договору (1659 г.) отошел к Франции.

Одновременно с Каталонией поднялась Португалия. Хищническая политика испанского правительства и здесь порождала глухое недовольство на протяжении всей первой половины XVII в. Первое восстание, возникшее здесь в 1637 г., было скоро подавлено, но, когда в 1640 г. дошли сюда вести о восстании каталонцев, движение сразу приняло широкий характер. В заговоре приняли участие герцог Браганцкий Иоанн, архиепископ лиссабонский и высшая аристократия; они провозгласили герцога Иоанна королем Португалии, а разъяренные массы ворвались во дворец и убили секретаря Оливареса — Васкончеллоса. Собравшиеся 28 января 1641 г. кортесы подтвердили избрание Иоанна IV Браганцкого. Новый король заключил союз сначала с Францией (1641 г.), а затем с Голландией (в том же году) и с Англией (1642 г.). Борьба за независимость затянулась на долгие годы, но Англия и Франция то открыто, то тайно оказывали поддержку Португалии. В 1654 г. Кромвель заключил с ней договор (подтвержденный потом и Карлом II в 1661 г.), в результате которого Португалия фактически включилась в орбиту английской политики (вплоть до наших дней). Опираясь на столь сильных союзников, Португалия отстояла свою независимость, которая была признана Филиппом IV в 1665 г. и подтверждена его преемником Карлом II в 1668 г. По договору этого года к ней отошли те из ее бывших колоний, которые не были раньше захвачены голландцами.

Наряду с этими наиболее крупными восстаниями, в течение XVII в. подобные же проявления недовольства наблюдались, правда в меньшем масштабе, и в других областях монархии, частично в Арагоне (где дело ограничилось заговором), но особенно в Андалузии и Бискайских провинциях. В Андалузии была сделана попытка со стороны крупнейшего магната герцога Медины-Сидонии объявить себя независимым королем. Одновременно (1641 г.) имел место заговор республиканского характера. В Бискайе движение (1631 г.) носило другой характер. Борьба за старинные вольности осложнилась выступлением низов против знати и против соляной монополии. Но в том же году движение было ликвидировано. Наконец, следует упомянуть о революционных движениях в итальянских владениях Испании.

В 1646—1647 гг. восстание почти одновременно вспыхнуло в Сицилии и Неаполе. В Сицилии центром движения было Палермо. В мае 1647 г. ремесленные массы подняли восстание с лозунгом: «Долой пошлыны на соль». Налог был отменен, но вслед за тем вожди восставших были казнены. Это дало сигнал к новому восстанию, к которому примкнули и ремесленные цехи. Благодаря поддержке местного дворянства и духовенства, напуганных выступлением низов, правительству удалось подавить движение. В Неаполе восстание вспыхнуло 7 июля 1647 г. и по аналогичному поводу, в связи с новым налогом на свежие фрукты. Восставшие осадили дворец вице-короля, свергли правительство и провозгласили генерал-капитаном рыбака Мазаниелло. Через неделю он был убит, и тогда восстание стало разрастаться, охватив и провинцию. Прибывшая осенью испанская эскадра не в состоянии была справиться с восставшими, которые одержали верх над матросами на улицах Неаполя. Была провозглашена республика, и глава ее, владелец мастерской мушкетов Дженао Аннезе, обратился за помощью к французскому герцогу Гизу, который весной 1648 г. двинул свои войска на помощь. Но среди восставших начались раздоры, и испанским властям удалось в конце концов справиться и с этим движением.

Как ни незначительны были все эти восстания, но взятые вместе они являлись зловещим признаком для испанской монархии. По времени они как раз совпадали с описанными выше неудачами испанцев на внешнем фронте. Правление последнего Габсбурга Карла II (1665—1700 гг.) — это период бесславного угасания некогда могущественной монархии. Она

стала достоянием различных фаворитов, оспаривавших друг у друга власть, и посмешищем для всей Европы. Совершенно обессиленная, с опустевшими городами, незасеянными полями, голодающим населением, она становилась добычей могущественнейшего соседа — Франции, где в это время абсолютная монархия, возглавляемая Людовиком XIV и руководимая способными министрами и полководцами, выступила с притязаниями на руководящую роль в Европе. При Карле II Испания расчленилась, теряла свои обширные владения, и со смертью этого ничтожного и выродившегося короля окончилась в Испании и самая династия Габсбургов. Это было как раз на рубеже нового {228} {файлы isp228.jpg, isp229.jpg} столетия, в 1700 г. Французский король Людовик XIV не преминул воспользоваться этим обстоятельством, выдвинув в качестве кандидата на испанский престол своего внука — Филиппа Анжуйского и заявив при этом: «Нет больше Пиренеев». Однако его притязания осложнили и без того напряженную международную обстановку; началась новая война, получившая в истории название «войны за испанское наследство». Правда, эта война, закончившаяся в 1713/1714 г. Утрехтским миром, не дала Франции победы, но внук Людовика XIV все же воссел на испанском престоле под именем Филиппа V, на условиях, что «Пиренеи» останутся, т. е. что Франция и Испания никогда не должны объединяться под одной короной. Победителем оказалась Англия, которая получила исключительное право торговли невольниками, принадлежавшее Испании, а также захватила Гибралтар, замкнув таким образом Средиземное море.

Таков был печальный конец испанской монархии: на рубеже двух столетий она казалась безжизненным трупом, и из-за наследства ее боролись претенденты. Но, по замечанию Маркса, мертво было испанское государство, а испанское общество сохраняло свою жизнеспособность и силу сопротивления. И даже эти печальные десятилетия, когда государственный строй обнаруживал все признаки гниения, в доведенных до отчаяния народных массах силы протеста выступали наружу. «...При Карле II, — пишет Маркс, — народ в Мадриде восстал против камарильи королевы, состоявшей из графини де-Берлипс и графов Оропезы и Мельгара, наложивших на все продукты, ввозимые в столицу, обременительный налог, доход с которого они поделили между собой. Народ явился к королевскому дворцу, вытребовал короля на балкон и заставил его публично осудить камарилью королевы. Затем толпа направилась к дворцам графов Оропезы и Мельгара, разграбила их и сожгла, причем пыталась захватить также и их хозяев, которым, однако, удалось скрыться, поплатившись вечным изгнанием» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 717—718). Это событие произошло 28 апреля 1698 г., за два года до смерти Карла II.

Но и основателю новой династии Филиппу V Бурбону, когда он явился в Испанию занять королевский {229} престол, пришлось натолкнуться на силу народного сопротивления. Каталония — со своим особым исторически сложившимся укладом жизни, языком, литературой, старинными учреждениями и обычаями — поднялась на борьбу за свою независимость. Барселона героически выдерживала длительную осаду, но в 1714 г. должна была сдаться. Однако этот эпизод уже выходит за рамки нашего изложения.

* *
*

Таков долгий исторический путь Испании, охватывающий собой десятки столетий. В своем изложении мы старались показать, в каких условиях шло формирование испанской народности и ряда других народностей на Пиренейском полуострове. В сложной и жестокой борьбе против эксплуататоров и поработителей, против алчной и воинственной испанской знати, против деспотической власти испанских монархов испанский народ в процессе своего формирования приобретал ценные для себя и для своего будущего качества, которыми мы до сих пор восхищаемся, следя за героической борьбой народного фронта Испании против международного фашизма. Мы с полным правом можем сказать, что историческая роль Испании в средние века определялась не деяниями ее королей, не «подвигами» конквистадоров, не миродержавными стремлениями испанских монархов, представляющих колоритную, но зловеще-мрачную галерею. Господствующему классу средневековой Испании удалось овладеть и захватить в свои руки богатейшие материальные ресурсы страны, результаты народного труда и превратить испанскую монархию в такую силу, которая, по замечанию Маркса, не объединяла, а разъединяла общие интересы (т. X, стр. 722). Движущей силой исторического процесса в Ис-

пании был испанский народ, накопивший в течение долгой истории своего формирования богатый революционный опыт, огромную силу сопротивления и обнаруживший неиссякаемый запас творческих сил и энергии. Исторически подлинная народная Испания глядит на нас из далеких времен средневековья в богатейших памятниках ее искусства, {230} литературы, всего ее культурного наследия. В то самое время, когда вырастала испанская мировая держава, когда мрачные, освещенные кострами инквизиции испанские короли делали все от них зависящее, чтобы иссушить последние остатки народной энергии, и даже в ту пору, когда испанское государство являло подобие гниющего трупа, — Испания давала замечательных художников, драматургов, писателей. Достаточно напомнить о Сервантесе, гениальном авторе «Дон-Кихота» и «Назидательных новелл», о Лопе де Вега — создателе испанского театра и неистощимом драматурге, о художниках — Веласкесе, Мурильо, Рибейра, Эль Греко. Мы взяли только наиболее крупные имена и только из двух столетий испанской истории, но и в предшествующие периоды художественное отображение исторической жизни испанского народа представлено выдающимися и необычайно яркими памятниками. Творцом и созидателем этого исключительно богатого культурного наследия испанского средневековья был испанский народ.

«Государство было мертво», а общество, продолжало жить. Оно обнаруживало признаки жизни даже в самые печальные периоды своей истории. Проходит XVIII век — век просвещения и французской буржуазной революции, — и в испанском обществе вновь пробуждается дух борьбы и сопротивления. И это пришлось почувствовать на себе никому другому, как Наполеону; который предполагал найти на Пиренейском полуострове, «Геркулесовы столбы», но «не пределы своего могущества», а в действительности натолкнулся на силу народной революции, от которой затрещал его трон в Европе. Средневековая история испанского народа наложила яркий отпечаток на длинный ряд испанских революций XIX в. и на всю последующую историю Испании вплоть до наших дней. И в этом заключается глубокий смысл внимательного изучения исторического прошлого испанского народа и его богатого культурного наследия.

———— {231}

ПРИЛОЖЕНИЯ

ХРОНОЛОГИЯ ПО ИСТОРИИ ИСПАНИИ

1. ИСПАНИЯ В ДРЕВНЕЕ ВРЕМЯ

XI век до н. э. Начало финикийской колонизации. Основание колонии Агадир (Кадикс).

630 Первые известия о появлении у берегов Пиренейского полуострова греческих колонизаторов с острова Самоса. Основание ряда колоний на восточном побережье (Эмпорион, Гемероскопион, Артемизий, Алонай).

VI в. Проникновение в Испанию карфагенян.

III в. Борьба Карфагена с Римом за обладание Средиземным морем.

264—241 Первая пуническая война.

236 Высадка Гамилькара в Испании и подчинение местных племен.

228 Смерть Гамилькара. Его зять Гасдрубал завершает завоевание юга и востока Испании (до реки Эбро).

221 Переход власти в Испании к Ганнибалу.

219 Осада и взятие Сагунта.

218—201 Вторая пуническая война.

218 Высадка на испанском побережье первых римских легионов во главе двух братьев Сципионов.

210—205 Походы Сципиона младшего в Испанию и ликвидация карфагенского владычества на полуострове.

197—195 Ряд восстаний в испанских провинциях (Дальняя и Ближняя Испания). После подавления этих восстаний, они вновь вспыхивали, переходя в затяжную партизанскую войну против завоевателей.

152 Восстание лузитанцев и осада Нуманции. Беспощадная расправа с повстанцами в 151 г. Вскоре после этого — новое восстание лузитанцев во главе с пастухом *Вуриато*; оно длилось несколько лет.

149—146 Третья пуническая война и гибель Карфагена.

134—132 Осада и гибель Нуманции.

- 123 Завоевание Римом Балеарских островов и основание города Пальмы (на острове Майорка).
 81—72 Серторий в Испании. Его борьба с Суллой и гибель.
 19 Подавление восстания кантабров и астуриков полководцем Агриппой завершает военное подчинение Испании.
 I в. н. э. Новое подразделение римской Испании на провинции: Лузитания, Таррагона, Бетика.
 III в. Восстание багаудов в Галлии охватывает и прилегающие части Испании. {232}
 284—305 Правление Диоклетиана. Испания подразделяется на семь провинций: Бетика, Лузитания, Таррагона, Картахена, Тингитана и Балеарские острова.

II. ИСПАНИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

- IV в. Начало массовых вторжений варваров в пределы Западно-римской империи.
 409 Вторжение в Испанию свевов, вандалов и аланов.
 410 Взятие Рима визиготами во главе с Аларихом.
 415 Атаульф, король визиготов, вступает в пределы Испании. В этом же году он был убит.
 415—419 Валлий, преемник Атаульфы, действует в Испании в качестве союзника Рима и ведет войну против свевов, вандалов и аланов.
 419 Образование визиготского королевства в южной Галлии с городом Тулузой.
 420—451 Теодорих I. Его правление заполнено войнами в Испании: с вандалами, свевами в союзе с Римом и с римлянами в союзе с вандалами и свевами.
 451 Каталлаунская битва — визиготы на стороне Аэция, римского полководца, против гуннов. Смерть Теодориха.
 454—467 Теодорих II. При нем свевы в союзе с багаудами завладели почти всей Испанией.
 456 Теодорих в качестве союзника Рима оттесняет свевов к северо-западу (Галисия) и в конечном итоге закрепляет отвоеванную территорию за визиготами.
 467—485 Эйрих в 468 г. окончательно вытесняет римлян из Испании. При нем визиготское королевство стало самым обширным и могущественным из всех варварских королевств Западной Европы. Издание первого сборника визиготских законов.
 485—507 Аларих II. Издает извлечения из римских законодательных сборников для Галлии (так называемый «Бревиарий Алариха».)
 507 Война с франками. Хлодвиг, король франков, наносит визиготам поражение возле Пуатье; значительная часть южной Галлии переходит к франкам.
 После Алариха II визиготское королевство переживает период ослабления; регентом фактически до 526 г. был остроготский король Теодорих Великий. Внутри идут смуты, преследование католиков, частая смена правителей.
 554—567 Атанагильд утверждается на престоле с помощью Византии ценой уступки ей юго-восточной части Испании. Византия захватывает новые территории, и это приводит к войне. Перенесение столицы королевства в город Толедо.
 569—586 Леовигильд. Ряд войн с Византией, с басками. Ряд восстаний в Бетике.
 585 Покорение свевского королевства. {233}
 586—601 Рекаред Католик.
 589 Собор в Толедо — обращение визиготов в католицизм. После Рекареда полоса смут и частых смен королей при внешних успехах.
 624 Ликвидация византийских владений в Испании.
 638 Постановление VI толедского собора об истреблении всех евреев.
 642—649 Хиндасвинт. Преследование знати, льготы духовенству.
 649—672 Рецесвинт. Издание «Закона визиготов».
 672—680 Вамба. Первое столкновение с арабами и победа над ними в 677 г.
 680—687 Эрвигий — ставленник духовенства. Полоса смут.
 697 Новое столкновение с арабами и потеря Мавритании.
 710—711 Родриго — последний визиготский король.
 711 Вторжение арабов в Испанию под предводительством Тарика. Захват Медины-Сидонии, Севильи, Кордовы и Толедо.
 712 Новое наступление арабов во главе с Мусой.
 713 Окончательное овладение полуостровом арабами, за исключением северного побережья, где образовалось королевство Астурия.
 718 Пелайо, внук визиготского короля Хиндасвинта, одерживает победу над арабами при Ковадонге и провозглашается королем.
 732 Битва при Пуатье и поражение арабов.
 739—757 Альфонс I Католик, пользуясь ослаблением арабов, расширяет свои владения до реки Дуэро.

758 Утверждение в арабской Испании Омейяда Абдерахмана I и образование самостоятельного эмирата со столицей Кóрдовой.

КОРОЛЕВСТВО АСТУРИЯ	КОРДОВСКИЙ ЭМИРАТ
<p>791—842 Альфонс II Целомудренный успешно борется с арабами. Овиедо — столица королевства.</p> <p>866—910 Альфонс III Великий. Длительная и успешная борьба с арабами. Расширение границы вплоть до р. Тахо.</p> <p>884 Основание Бургоса (укрепленный пограничный пункт). Поддержка восстаний в арабской Испании.</p>	<p>758—788 Абдерахман I. 763 Подчинение Барселоны и Сарагоссы. 778 Поход Карла Великого в Испанию и поражение в Ронсевальской долине, от басков. 785 Сооружение кордовской мечети. 788—795 Гешэм I. Борьба с переменным успехом за северные области и города.</p> <p>795—822 Хакем. 801—811 Походы франков в северо-восточную Испанию и образование Испанской Мар- {234}ки. Полоса восстаний ренегадос внутри эмирата. 807 Борьба Толедо за независимость. «День ямы». 822—852 Абдерахман II. Новые восстания ренегадос. 829 Провозглашение независимости Толедо. 844 Нашествие норманнов. 847 Подчинение Толедо власти эмира. 852—886 Магомет I. 873 Восстание в Толедо и провозглашение независимости. Ряд аналогичных восстаний в других частях Испании. 880—881 Восстание ренегадос в Андалузии во главе с Омаром. 884 Новое восстание Омара, охватившее всю горную Испанию. Восстание в Севилье. 888—912 Абдалла.</p>

КОРОЛЕВСТВО АСТУРИЯ	КОРДОВСКИЙ ХАЛИФАТ
<p>917 Перенесение королевской резиденции в Леон. 922—933 От Леона отделяется самостоятельное графство Бургос, или Кастилия. Продолжительная борьба с халифатом заканчивается полным поражением Леона. 931—950 Рамиро II — король Леона.</p> <p>На севере Испании в конце X и начале XI в. происходит ряд изменений: по соседству с королевством Леон существуют — графство Кастильское, отдельное королевство Наварра и графство Барселонское.</p>	<p>912—961 Абдерахман III принимает титул халифа, ликвидирует все восстания и отодвигает северную границу за пределы Дуэро и Эбро.</p> <p>961—976 Алгакем II. 976—1013 Гешэм II. Расцвет могущества Кордовского ха- {235}лифата, но упадок династии Омейядов. Главную роль играют фавориты, в особенности Альмансор, который реорганизовал военные силы и успешно боролся с северными государствами. 1027—1031 Гешэм III — последний халиф. Из единого халифата выделяется ряд отдельных княжеств. В XI в. их насчитывалось 23: Севилья, Кóрдова, Мάлага, Алхесирас, Гранада, Кармона, Ронда, Морон, Аркос, Уэльва, Ньебла, Сильвес, Санта Мария де Альгарве, Мертоля, Бадахóз, Толедо, Сарагосса,</p>

КОРОЛЕВСТВО АСТУРИЯ	КОРДОВСКИЙ ХАЛИФАТ
<p>1037—1065 Фердинанд I носит уже титул короля Кастилии и пытается расширить свою территорию как за счет соседей, так и мавританских владений. В это же время впервые возникает королевство Арагон.</p>	<p>Сала, Альпуэнте, <i>Валенсия</i>, Дения, <i>Мурсия</i>, <i>Альмерия</i> (наиболее значительные выделения курсивом).</p>

Начало реконкисты {236}

ЛЕОН—КАСТИЛИЯ	АРАГОН—НАВАРРА	ГРАФСТВО БАРСЕЛОНСКОЕ	АРАБСКАЯ ИСПАНИЯ
<p>1072—1109 Альфонс VI. 1085 Завоевание княжества Толедо (город Толедо был взят еще в 1081 г.).</p> <p>1092 Завоевание Сантарема. 1094 Родриго Диас де Вивар (Сид) завоевывает Валенсию для себя.</p> <p>1117 Альфонс VII — первоначально король Галисии — получает часть Кастилии.</p> <p>1119 Овладевает почти всей Кастилией. 1126 Получает Леон и Астурию. 1133 Совершает набег</p>	<p>1063—1094 Санчо I король Арагона; в 1076 г. избирается одновременно королем Наварры (Уния до 1134 г.).</p> <p>1094—1104 Педро I. {237} 1096 Завоевание Уэски. 1104—1134 Альфонс I Воитель становится с 1109 г. также королем Леона и Кастилии. Постоянная борьба с маврами (30 битв). 1114 Взятие Туделы. 1118 Взятие Сарагоссы (становится столицей). 1119—1121 Овладение всей линией реки Эбро. 1134 Отделение Навар-</p>	<p>1091 Завоевание Таррагоны.</p>	<p>1086 Утверждение Альморавидов. Битва при Залаке — поражение Альфонса VI. Толедо осталось под властью Кастилии.</p> <p>Объединение всех мусульманских княжеств (кроме Сарагоссы).</p>

ЛЕОН—КАСТИЛИЯ	АРАГОН—НАВАРРА	ГРАФСТВО БАРСЕЛОНСКОЕ	АРАБСКАЯ ИСПАНИЯ
на Андалузию. 1135 После смерти Альфонса I Арагонского коронуется в Леоне с титулом «императора Испании». Успешное продвижение его к югу от Толедо. Учреждение ордена Алькантара.	ры от Арагона.		Середина XII в. Ослабление Альморавидов. {238}

ПОРТУГАЛИЯ	ЛЕОН	КАСТИЛИЯ	НАВАРРА	АРАГОН — КАТАЛОНИЯ	МАВРИТАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА
В конце XI в. выделяется графство Португальское. 1139 Альфонс I в итоге побед над маврами провозглашается королем. 1144 Ставит себя в вассальную зависимость от папы. 1147 Завоевание Лиссабона. 1185—1211 Санчо I основывает Коимбру и другие города. При его преемниках — ряд завоеваний.	1175 Учреждение ордена Сант-Яго Компостела. Конец XII в. Составление поэмы о Сиде Кампеадоре.	1157—1158 Санчо III. Учреждение ордена Калатрава. 1158—1214 Альфонс VIII.		1137 Графство Барселонское объединяется с Арагоном (с XII в. оно называется Каталонией). 1162—1196 Альфонс II — король Арагона и Каталонии. 1177 Присоединение Русильона к Арагону. 1196—1213 Педро II.	1171 Утверждение Альмогадов. 1195 Якуб Альмогад наносит войскам Альфонса VIII жестокое поражение при Аларкосе.
	1212 Битва при Навас де Толоса — разгром мавров соединенными силами Леона, Кастилии, Арагона, Наварры и крестоносцев Западной Европы. {239}				

ПОРТУГАЛИЯ	ЛЕОН — КАСТИЛИЯ	НАВАРРА	АРАГОН — КАТАЛОНИЯ	МАВРИТАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА
------------	--------------------	---------	-----------------------	-----------------------------

ПОРТУГАЛИЯ	ЛЕОН — КАСТИЛИЯ	НАВАРРА	АРАГОН — КАТАЛОНИЯ	МАВРИТАНСК ИЕ ГОСУДАРСТВА
<p><i>1248—1279</i> Завоевание Альгарвии.</p> <p><i>1290</i> Основание в Лиссабоне высшей школы. {240}</p>	<p><i>1217—1252</i> Фердинанд III Святой — король Леона и Кастилии.</p> <p><i>1222</i> Основание университета в Саламанке.</p> <p><i>1229</i> Завоевание Кáсереса, Бадахóза, Мери́ды.</p> <p><i>1232—1236</i> Завоевание Кóрдовы.</p>		<p><i>1213—1275</i> Хаиме I Завоеватель.</p> <p><i>1229</i> Завоевание острова Майорка.</p> <p><i>1232</i> Завоевание острова Менорка.</p> <p><i>1233—1238</i> Завоевание Валенсии.</p> <p><i>1235</i> Завоевание острова Ивиса.</p> <p><i>1243</i> Завоевание Мурсии (она входит в состав Кастилии).</p>	<p><i>1238</i> Основание Гранадского эмирата, который остается единственным мавританским государством.</p>

ПОРТУГАЛИЯ	КАСТИЛИЯ	АРАГОН— КАТАЛОНИЯ	НАВАРРА	ГРАНАДА
	<p><i>1252—1284</i> Альфонс X Мудрый. Ряд войн с маврами. Гранада — вассал Кастилии. Установление майоразго. Борьба феодальной знати против короля. Образование германдад. Издание ряда законодательных сборников.</p> <p><i>1273</i> Возникновение Мёсты.</p> <p><i>1284—1295</i> Санчо IV.</p>	<p><i>1276—1285</i> Педро III Великий.</p> <p><i>1280</i> Протекторат над Тунисом.</p> <p><i>1282</i> «Сицилийская вечерня».</p> <p><i>1283</i> Издание «Всеобщей привилегии».</p> <p><i>1285—1291</i> Альфонс III Великолепный. Восстание дворянской унии.</p> <p><i>1287</i> Дарование «Привилегии унии». {241}</p> <p><i>1291—1327</i> Хаиме II Справедливый.</p>	<p><i>1285—1328</i> Наварра — в зависимости от Франции.</p>	
	<p><i>1295—1312</i> Фердинанд IV.</p>			

ПОРТУГАЛИЯ	КАСТИЛИЯ	АРАГОН—КАТАЛОНИЯ	НАВАРРА	ГРАНАДА
1383—1433 Иоанн I.	<p>1298 Общий союз германдад.</p> <p>1312—1350 Альфонс XI. Феодалная анархия в его малолетстве. Расправа со знатью. Борьба с маврами в союзе с Арагоном и Португалией. Широкое законодательство кортесов. Введение подати «Алкабала».</p> <p>1350—1369 Педро Жестокий. Смуты. Борьба «незаконнорожденных» за власть. Расправа со знатью. Организация местной милиции (соматены). Рабочее законодательство.</p> <p>1366—1379 Генрих II Трстама-ра.</p> <p>1379—1390 Хуан I.</p> <p>1390—1406 Генрих III.</p>	<p>1302 Утверждение Арагона в Сицилии.</p> <p>1323—1324 Завоевание Сардинии.</p> <p>1326 Образование герцогства Афинского.</p> <p>1327—1336 Альфонс IV Милостивый.</p> <p>1336—1387 Педро IV Церемонный. Борьба со знатью и отмена «Привилегии унии».</p> <p>{242}</p> <p>1384 Крестьянское восстание на острове Майорка.</p> <p>1387—1395 Хуан I.</p> <p>1391 Крестьянские восстания на острове Майорка.</p> <p>{243}</p>		<p>Вмешательство гранадских эмиров в борьбу Кастилии и Арагона.</p> <p>1340 Битва при Саладо. Разгром марроканцев — союзников Гранады. Университет в Гранаде — центр научной деятельности.</p>

ПОРТУГАЛИЯ	КАСТИЛИЯ	АРАГОН—КАТАЛОНИЯ	ГРАНАДА
	<p>1401—1406 Посольство к Тимуру.</p> <p>1406—1454 Хуан II.</p> <p>В годы малолетства —</p>	<p>1395—1410 Мартин Старший.</p>	<p>Войны с Кастилией. Внутренние смуты.</p>

ПОРТУГАЛИЯ	КАСТИЛИЯ	АРАГОН—КАТАЛОНИЯ	ГРАНАДА
<p><i>1415</i> Завоевание Сеуты. Путешествия Генриха Мореплавателя.</p> <p><i>1418</i> Открытие острова Мадейра.</p> <p><i>1422</i> Открытие Азорских островов.</p> <p><i>1438—1481</i> Альфонс V Африканский.</p> <p><i>1442</i> Начало торговли невольниками.</p> <p><i>1444</i> Открытие островов Зеленого мыса.</p> <p><i>1461</i> Утверждение Португалии в Гвинейском заливе.</p>	<p>протекторат его дяди Фердинанда Справедливого.</p> <p><i>1417</i> Завоевание ряда Канарских островов. Господство фаворита Альваро де Луна (до 1453 г.).</p> <p><i>1454—1474</i> Генрих IV Импотентный. Борьба за престолонаследие.</p> <p>Феодальная анархия.</p>	<p><i>1412</i> Соглашение условий в Каспе — приглашение на престол Фердинанда Справедливого из Кастилии (1412—1416).</p> <p><i>1416—1458</i> Альфонс V Мудрый.</p> <p><i>1443</i> Завоевание Неаполя.</p> <p><i>1447</i> Переход к Арагону по наследству герцогства Миланского.</p> <p><i>1451</i> Восстание крестьян на острове Майорка.</p> <p><i>1458—1479</i> Хуан II.</p> <p><i>1462—1472</i> Крестьянская война в Каталонии.</p> <p><i>1462—1463</i> Восстание крестьян на острове Майорка.</p> <p><i>1462—1472</i> Борьба каталонцев за независимость.</p>	<p><i>1430—1435</i> Война с Кастилией. Потеря Уэски. {244}</p> <p><i>1462</i> Потеря Гибралтара.</p>
	<p><i>1469</i> Брак Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской.</p>		
	<p><i>1474—1504</i> Изабелла — королева Кастилии.</p>	<p><i>1479</i> Переход Арагона к Фердинанду.</p>	<p><i>1478—1491</i> Смуты. Борьба за престол.</p>
	<p><i>1479</i> Объединение Кастилии и Арагона под властью Изабеллы и Фердинанда. {245}</p>		

ПОРТУГАЛИЯ	ИСПАНИЯ
	<p><i>1479—1516</i> Фердинанд и Изабелла.</p> <p><i>1480</i> Подавление феодальной анархии.</p> <p><i>1480</i> Кортесы в Толедо; конфискации захваченных королевских доменов. Переход к короне вла-</p>

ПОРТУГАЛИЯ	ИСПАНИЯ
<p>1481—1495 Иоанн II Совершенный. 1485 Захват Конго. 1486 Бартоломео Диас достигает мыса Доброй Надежды.</p> <p>1495—1521 Эмануил Счастливый. 1498 Васко-да-Гама достигает Индии.</p> <p>1500 Кабраль открывает Бразилию.</p> <p>1503—1507 Завоевания Альбукерка в Индии.</p> <p>1521—1557 Иоанн III.</p> <p>1536 Введение инквизиции в Ост-Индии.</p>	<p>дений орденов. Срытие замков. 1480 Учреждение инквизиции. 1484 Крестьянская война в Каталонии. 1486 Сентенция об отмене «дурных» обычаев. Сожжение на кострах и преследование евреев (Торквемада). 1481—1491 Война с Гранадой. 1492 Падение Гранады. 1492 Первое путешествие Колумба в Америку. 1493 Папская булла о разграничении колониальных владений Испании и Португалии. 1493 Второе путешествие Колумба, в Америку. Борьба Хименес де Сизнерос против мавров. 1498 Третье путешествие Колумба в Америку. 1499—1500 Восстание мавров. 1502 Массовое изгнание мавров из Кастилии. 1502 Четвертое путешествие Колумба в Америку. 1504 Смерть Изабеллы. 1506 Смерть Колумба. 1512 Присоединение к Испании части Наварры. 1516 Смерть Фердинанда и переход испанского престола к Карлу (сыну Филиппа {246} Красивого и Хуаны Безумной). Включение в состав Испании Нидерландов. 1519 Карл I, король Испании, избирается императором Германии (Карл V). 1519—1521 Путешествие Магеллана вокруг света. 1519—1521 Завоевание Мексики (Кортес). 1520—1522 Восстание кастильских городов (коммунерос). 1520—1522 Восстание городских ремесленников в Валенсии. 1521—1524 Восстание на острове Майорка. 1521 Захват Никарагуа. 1524—1535 Завоевание Перу (Писарро). 1539 Расправа с кастильскими кортесами. 1556 Раздел империи Карла V. 1556—1598 ФИЛИПП II. 1559 Ауто да фе в Вальядолиде — сожжение испанских протестантов. Восстание Нидерландов. 1567 Герцог Альба в Нидерландах. 1568 Восстание морисков в Испании. 1570 Расправа с морисками. 1571 Битва при Лепанто. 1579—1581 Отпадение северных Нидерландов.</p>

1580 Присоединение Португалии.
1588 Гибель «непобедимой армады».
1588—1598 Вмешательство Филиппа II в гражданскую войну во Франции и война с Францией.
1590—1591 Восстание Арагона и подавление арагонских вольностей.
1598—1621 Филипп III.
1608 Издание I тома романа Сервантеса «Жизнь и похождения доблестного рыцаря Дон-Кихота из Ламанча».
1609 Перемирие Испании с Голландией.
1609—1610 Окончательное изгнание морисков из Испании.
1621—1665 Филипп IV. {247}
1618—1648 Тридцатилетняя война в Европе.
1621 Возобновление войны Испании с Голландией.

- 1624 Осада испанскими войсками голландской крепости Бреды.
 1620—1630 Хронические волнения в Каталонии.
 1631 Движение в Басконии в защиту вольностей и против соляной монополии.
 1637—1652 Восстание и гражданская война в Каталонии.
 1640 Восстание Португалии и провозглашение независимости.
 1641 Португальские кортесы избрали королем Иоанна IV Браганцкого.
 1641 Союз Португалии с Францией и Голландией.
 1641 Заговоры в Андалузии.
 1642 Союз Португалии с Англией.
 1646—1647 Восстание низов в Сицилии и Неаполе (во главе с Мазаниелло).
 1648 Вестфальский мир. Признание Испанией независимости Голландии. Потеря части Фландрии, Брабанта, Лимбурга и азиатских владений.
 1654 Торговый договор Англии с Португалией.
 1657 Захват Кромвелем испанской колонии Ямайки.
 1659 Пиренейский мир. Уступка Англии Ямайки, Франции — Сардинии, Руссильона, Артуа, Люксембурга и ряда фландрских городов.
 1665 Признание независимости Португалии (подтверждено Карлом II в 1668 г.).
 1665—1700 Карл II — последний Габсбург на испанском престоле. Господство камарильи (придворных фаворитов).
 1667—1668 «Деволуционная война» Людовика XIV.
 1668 Ахенский мир. К Франции переходит Лиль, Турнэ и ряд других пунктов испанских Нидерландов.
 1678—1679 Нимвегенский мир. Уступка Франции Франш-Конте.
 1698 Выступление народных масс Мадрида против придворной камарильи.
 1700—1713 Война за «испанское наследство».
 1713/1714 Утрехтский мир. Признание Филиппа V Бурбона королем Испании. Переход к Англии «ассиенто» (исключительное право торговли невольниками).
 Потеря Испанией Неаполя, Сицилии, Сардинии, Милана, южных Нидерландов, острова Менорка, Гибралтара. {248}

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ И КАРТ

ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К., Революционная Испания, Соч., т. X (вышло отдельным изданием, 1937).
 Его же, Хронологические выписки, «Большевик», 1936, № 24.
 Пискорский В. К., История Испании и Португалии, изд. 2-е, Спб., 1909.
 Его же. Кастильские кортесы в переходную эпоху от средних веков к новому времени (1188—1520), Киев, 1897.
 Его же. Крепостное право в Каталонии в средние века, Киев, 1901.
 Его же. Вопрос о значении и происхождении шести «дурных обычаев» в Каталонии, Киев, 1899.
 Арский И. В., Крестьянские войны в Испании XV в., «Борьба классов», 1936, № 5.
 Его же. Последнее десятилетие визиготского государства в средневековых испанских хрониках (701—710), «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 5—6.
 Его же. Могущество и упадок Испании XVI—XVII вв., «Исторический журнал», 1937, № 7.
 Лависс и Рамбо, Всеобщая история, т. I—VI, главы по истории Испании.
 Ковалевский М. М., Экономический рост Европы, т. II, главы о положении крестьянства в Каталонии.
 Его же. Народ в драме Лопе де Вега «Овечий источник». Сборник «В память С. А. Юрьева», Москва, 1895.
 Деренталь, Исторический очерк Испании, «Энциклопедический словарь Граната», т. XXII.
 Лозинский С. Г., История инквизиции в Испании.
 Льюренте, Критическая история испанской инквизиции, т. I—II, Соцэкгиз., Москва, 1936.
 Снегирев В., Конкистадоры (Испанские завоеватели), изд. «Молодая Гвардия», 1936.
 Записки солдата Берналя Диаза, ч. 1—2, перевод с испанского Д. Н. Егорова, изд. «Брокгауз-Ефрон», Ленинград, 1924.
 Прескотт, История царствования Филиппа II, короля Испанского, т. I—II. (Устарела, ценна по фактическому материалу).
 Вашингтон, Путевые очерки и картины, Москва, 1879. Очерк «Альгамбра». (Много идеализации, но включает в себе интересные подробности по истории Гранады.)

Ценными не только художественными, но и историческими памятниками средневековой Испании являются произведения крупных испанских писателей XVI—XVII вв., в первую очередь *Сервантеса* «Дон Кихот», в 2-х частях и «Назидательные новеллы» (т. I—II, изд. «Academia»).

Из современных исторических романов на сюжеты средневековой Испании см.:

Энрико Ларрета, Подвиг Дон-Раиро (История одной жизни времен Филиппа II), изд. «Всемирная литература», 1922, и в серии «Исторических романов». 1937.

Шарль де Костер, Легенда об Уленшпигеле (из истории восстания Нидерландов), изд. «Молодая Гвардия».

Бруно Франк, Сервантес, изд. «Журнально-газетное объединение» и ГИХЛ, Москва, 1936.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Между стр.

Толедо. Со старинной раскрашенной гравюры XVI в.	
Фронтиспис	
Внутренность кордовской мечети	80—81
Алькасар в Сеговии	112—113
Авила. Городские ворота	» »
Альфонс X Мудрый. Со старинной миниатюры XIII в.	120—121
Испанская знать в лагере. Со старинного рисунка эпохи реконкисы — XIII в.	» »
Толедо. Солнечные ворота	128—129
Толедо. Здание германдады	» »
Испанские крестьяне XVI в.	144—145
Баскский крестьянин XVI в.	» »
Изабелла Кастильская. С портрета	152—153
Фердинанд Арагонский. С портрета	» »
Хименес де Сизнерос. Со старинной гравюры	» »
Общий вид Альгамбры	158—159
Альгамбра. Зала львов	» »
Инквизиционная процессия. Со старинной гравюры	» »
Ауто да фе. Со старинной гравюры	» »
Ауто да фе. С картины Педро Берруете. XV в.	160—161
Сожжение еретических книг Торквемадой	» »
Казнь коммунаров. С картины Хасбекта. Мадрид. Прадо	192—193
Севилья. Общий вид	» »
Севилья. Фонтан на Аламаде. С гравюры	» »
Филипп II. С портрета. Мадрид. Прадо	208—209
Эскуриал. Общий вид	» »
Мадрид. Общий вид. Со старинной гравюры XVII в.	224—225
Бой быков в Мадриде. Со старинной гравюры XVII в.	» »
Площадь в Мадриде. С гравюры XVII в.	228—229
Испанские дворяне XVII в. С картины Веласкеса	» »

КАРТЫ

Римская Испания при Августе.

Испания около 415 г.

Готская Испания середины VI в.

Испания в первой половине VIII в.

Испания около 900 г.

Испания около 1000 г.

Испания около 1100 г.

Испания около 1200 г.

Владения Карла V в Европе.

Испания в XIV—XV вв.